

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ

ПИДСОЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Станислав Фетисов

18+

Станислав Анатольевич Фетисов

ПиДЗа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70600783

SelfPub; 2024

Аннотация

ПиДЗа, это история «пасхалка». Теория рождения мира. Теория жизни. Каждая новая глава переворачивает сюжет с ног на голову, интригуя и затягивая собой читателя. ПиДЗа – это экшн и приключения, триллер и фантастика, драма и долгое послевкусие. ПиДЗа это чтение «в захлеб». С главными героями вы отправитесь покорять горы Северного Кавказа. С вершин Эльбруса перенесетесь в древний Китай. Закрученный сюжет приведет вас на улицы старого Лондона, а оттуда в американскую Силиконовую долину. Вы совершите путешествие во времени. Загляните в параллельные вселенные, окунетесь внутрь себя. На страницах ПиДЗы вы столкнетесь с добром и злом, серийными убийцами и бомжами героями, гениальными айтишниками и мистикой третьего рейха. Книга покажет вам конец света и его рождение, даст вам пощечину и надежду на лучшее, подарит вам смех и заставит лить слезы. ПиДЗа это книга для вас. ПиДЗа это книга про вас.

Станислав Фетисов

ПидЗа

ПИДЗА

Я не уверен, что человеческая раса
проживёт ещё хотя бы тысячу лет,
если не найдёт возможности вырваться в космос.
Существует множество сценариев того,
как может погибнуть всё живое на маленькой планете.
Но я оптимист.
Мы точно достигнем звёзд.

Стивен Хокинг (1942-2018) – английский физик-теоретик,
космолог и астрофизик, писатель.

ПиДзанская башня

Когда я принял решение писать, за окном пацанировал январь. МОРОЗ КРЕПЧАЛ, потому тепло-смадо-любивые, венерично-кожные МУРАШКИ, словно бомжи на теплотрассе, расселись, литературными штампами на горячих страницах моей новоиспеченной рукописи.

Тогда я еще не понимал, что подцепил неизбежный патоген «начинающего писателя». Впоследствии во время лечения я как мог выводил приторную заразу из текста. Я обращался к народно-ютубной медицине, листал истории болезней и исцеления «великих», мазался чудодейственной мазью «редактор», но все тщетно. Штампы прятались за углами абзацев, словно опытные эксгибиционисты, поджидали меня в темных подворотнях предложений. Они без стеснения распахивали свои плащи, ослепляя мои кровоточащие глаза МИРИАДАМИ БЕЗУДЕРЖНЫХ ИСКР, и единственный способ унять их пошлый пожар, был только такой: переписать заново всю историю.

И вот, когда уже палец-палач угрожающе занес топор ногтя над клавишей delete, хитро-ленивый мозг кинул спасительную для рукописи фразу: «нельзя рубить стоячий хер», – сказал он мне голосом Елизаровского Гапона.

Повременив с казнью, я таки принял компромисс лени, дав почитать некоторые главы своим друзьям. Их предвзятое мнение добавило потенции написанной мной истории, и вот

окрыленный лестью я все же решил: «пусть стоит!»

На память. В назидание себе. По ступеням собственной ПиДзанской башни.

Камбала

Когда-то давно, примерно шесть сотен миллионов лет назад, жизнь вышла из воды на... Стоп. Как-то скучно. Лучше так: шестьсот шестьдесят шесть миллионов лет назад (все равно точно никто не знает), вероятно, не самая умная рыба выползла на сушу. Ног у нее, конечно же, не было, но она сумела их отрастить. Сегодня потомки той рыбины летают на Луну и в ближайшем будущем собираются отправиться на Марс (я надеюсь Маск не подведет). Но может случиться и такое, что не самый мудрый карась в припадке своей карасьей ярости нажмет красную кнопку, и мы все вернемся в океан. А хотелось бы к Марсу... Ладно, это уже другая тема.

Так что такого было в той рыбине? Что заставило ее покинуть привычную среду обитания? Акулы-кредиторы? Бывшая креветка? Тупой начальник осьминог? Черепашья любовь?

Зайду издалека. Когда я сел за эту книжку... Нет. Пока я не сел за эту книжонку, я знал в чем смысл жизни. Да, знал. Я мог с любым спорить часами, доказывая свою правоту, ведь что может быть в жизни важнее счастья? Мои аргументы раз-

носили оппонентов в щепки, и я тридцать семь лет оставался непобедим. Но стоило заняться писаниной, как с каждой главой «Пидзы» верные доводы чахли, словно логика в хреновом детективе. Сначала я услышал запах. Так воняет из мусорного ведра позавчерашняя селедка. Потом увидел выпученные водянистые глаза. А потом понеслись пощечины. «Пидза» с размаху била по моему лицу холодной слизкой тушкой той самой первородной камбалы. Почему камбалы? Вы правы, это могла быть любая другая рыбина, так что для красоты картинки, можете представить себе окуня или лосося. Да кого угодно, но в моем воображении это была камбала. Короче... Вернемся к вопросу: что заставило камбалу покинуть океан? Думаю, на то есть множество причин. Сторонникам суицидальной версии скажу следующее: желей камбала свести счеты с жизнью, она бы просто всплыла кверху пузом или крутанула бы задом у пасти какой-нибудь акулы мегалодона. Но обычной смерти камбала предпочла сушу. Поразмыслив над ее поступком, мне ничего другого на ум не пришло, кроме как сказать, что это было ББЛ. Что такое ББЛ? Банальное Бабское Любопытство. Да. Тут следует задать правильный вопрос: а как случается это самое ББЛ? Ответ прост: свербит. Свербит и не дает покоя. А почему? Недоеб. Хочется, но нету. БАБА-А-Х!!! Вот оно! Момент зачатия! Великое «ХОЧЕТСЯ, НО НЕТУ». И внизу живота сразу как-то щекотно, и звенит пионерской бодростью голос зародыша: «А ГДЕ-ТО Е-Е-ЕСТЬ».

Мозг замирает. Он думает, что ему послышалось, но заинтригованный осторожно спрашивает:

– Что есть?

– Все, – самоуверенно отвечает голос.

– Все? Ты вообще кто? – недоумевает мозг.

– Я – Надюха. Привет!

– Привет...

– Спишь хорошо?

– Что?.. Ну да вроде...

– Теперь забудь, – смеется Надька.

Н-А-Д-Е-Ж-Д-А. Ага. Вот именно она взбудоражила крошечные рыбы мозги, не давая им покоя. Надежда убедила камбалу послать на хуй океан. Заставила рыбу шевелиться, искать, стремиться и достигать. Бояться, ненавидеть и любить. Быть жестокой и милосердной. Подлой и справедливой. Черной и белой. Доброй и злой. Именно надежда вынудила камбалу отрастить руки и ноги, волосы и ногти, сиськи, уши, нос (последнее, вероятно на благо пластическим хирургам), протянуться извилинами по серому веществу (у некоторых все же преобладает корневая, рыбная структура мозга). Надежда сделала из рыбы человека, а человек – сверхрыбами. Эх, Надежда, Надюха...

Надька – это не про спокойствие и буддизм. Надюха – это про покусанные губы, дрожащие пальцы и дергающееся веко. Но что поделать, такова камбала, такого человечество.

Конечно, вы спросите: а жить счастливо и с надеждой раз-

ве нельзя? Нет.

Всем живущим с шилом в жопе посвящается.

Вступление

Стыло. Деревья держат чернь, не подпуская к себе утреннюю серость. Он копает. Верхний слой схватился заморозками. На штык глубже земля податливая, идет легко. Пахнет орехами и прелым. Дыхание его частое, жадное. Он снимает запотевшие очки, трет, размазывая по линзам грязь. Продолжает копать. Уже глубоко. Земля сыплется обратно. Нужно бросать дальше. Силы есть. Раньше не было. Теперь есть. Лопата с глухим стуком находит твердое, скользит вбок. Под ногами чавкает. Обшивка. Он берет ее руками, тянет. Ткань хрустит, рвется. К аромату ореха примешивается хвоя и сладость. Запах разложения.

Он бьет лопатой. Так рубят корни. Доски хилые, еловые. Еще. Тесины проседают, лопаются. Нога тычет в мягкое.

– Ну, здорова, – улыбается он, – отдыхаешь? – шмыгает носом, глядя на вздутое тело. Хихикает. – Тесно тебе тут? А? – улыбка дрожит, срывается. – Те-е-е-сно, – бляя, отвечает сам же, – пожалело тебе государство досточек! – Смеется. – Такие брат дела, – возясь в ногах, кряхтит он. – Ну а как ты хотел? А? Как в сказке? Гробик золотой? – Замирает, ждет ответа. Ответа нет. – Не-е-е, брат, экономия в стра-

не. Ага. – Голос влажный, хриплый. Слова как вода, утекают, впитываются в земляные стены. – Надо терпеть. – Он хочет поднять тело. Не выходит. Узко, неповоротливо, сам себе помеха. – Н-н-м-м-м-м!!! – мычит он от натуги сквозь сжатые зубы. Все мешает. Холодные комья валяются за шиворот. Доски лезут под руки, рвут острым кожу. Он дергает их, выкидывает из ямы, режется, мечется. Бьет стену кулаком, грунт мягкий, ему не больно. Скребет землю. Стонет. Оседает. Жмурится, сисясь сдержат слезы. Тоже не выходит. Утирается. Затихает.

– Знаешь, – почти шепотом говорит он, – Ласька-то это...

Он не договаривает. Молчит. Смотрит в одну точку. Покачивается. Снова отмирает.

– У нас того, долго не выходило. – улыбается, по лицу теплое разлилось. – По врачам бегали... – делается серьезным. – Витамины пил. Анализы там, туда-сюда короче... – прислушивается. (Тихо). – Не-е-е, брат! Ты че?! – отвечает он тишине, – ни-ни. – смотрит вниз. Трогает карман. – Это? – тащит из кармана бутылку. – Сейчас-то ладно, можно. Смеется. Пьет. – Будешь? – тянет он бутылку к низу. – Э-э-э, – толкает он покойника ногой, – э-э-э!

Тишина.

– Да пошел ты!

Молчит. Закуривает. Подумав, льет водку в гроб.

– Имена мы им придумали. Да, брат, двойняшки. – кашляет. – А! – радостно дергается он, – мы же это, тески с то-

бой! Я тоже Тоха! – Тянется жать руку. Некому. Подбирается весь. – Только по отцу Виталич, – еле слышно добавляет он, закрывает глаза и мерно кивает головой, точно соглашаясь со своими мыслями. – Че ж ты, Тоха, меня не дождался? А? – сипит он, выдыхая сигаретный дым. – Э-э-э!– снова пинает он тело. – Я ж нашел тебя! Не знал?!

В голосе звучат победные нотки. – Да, сученыш, вычислил тебя. Тока вовремя ты свалил, – цедит он с обидой сквозь зубы, подносит бутылку к губам. Бутылка пустая. Удивленно смотрит на нее. Вздыхая встает. – Ладно, я в общем не за тем пришел. – Вылезает из ямы.

Наверху уже совсем светло. Он поднимает присыпанную землей канистру. Льет из нее в яму, закрывает и тоже кидает ее в яму. Поджигает. Из-под земли валит копотью масляный дым. Деревья снова наполняются черным. Он смотрит. Он ждет. Прислушивается. Сует руку в карман. Достает телефон. На заставке Ласька. Она тоже смотрит, тоже ждет. Он плачет.

– Ласька, – шепчет он, – Ласька, – гладит он грязным пальцем экран, – Ласька...

Хлопок. Взорвалась канистра. Он вздрагивает. Озирается. Мешкает. Торопливо прячет телефон обратно. Он не хочет, чтобы она видела, ей нельзя переживать... Вдалеке воеет сирена. Он спешно оглядывает ветви деревьев. В его кармане моток веревки.

***

Нет Ласьки. Нет человека отнявшего ее жизнь. Нет Анто-
на, Ласькиного мужа. Есть только серое утро нового дня.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава 1

Калининград. Лето 2022 года

Тишина. В нашем доме это роскошь. Две девчонки, одной
десять, другой три года, да еще и близнецы по знаку зодиа-
ка, могут мгновенно менять настроение: то сумасшедшее го-
готание, не имеющее ничего общего с милым детским сме-
хом, то надрывный плач, переходящий в ультразвук. Поэто-
му редкие моменты домашнего одиночества мной ценились
особенно.

Таня отвезла детей к маме, а я, пользуясь случаем, при-
остановил сборы, заварил крепкий зеленый чай и, уставив-
шись в окно, предвкушал путешествие, которое лежало в
кармане, зажатое между страницами паспорта, в виде двух
авиабилетов на утренний рейс Калининград – Минеральные
Воды.

Так случилось, что некоторое время армейской службы я
провел в Приэльбрусье, обучаясь горной подготовке, и это

была любовь с первого взгляда...

Горы есть состояние души, и ты либо абсолютно совпадаешь с их вибрацией, либо можешь и дальше раз в год жариться тюленем в all inclusive турецкой пятизвездочной фермы розовых свинюшек.

Таня, как и я, оказалась из числа влюбленных в белоснежные вершины, скалистые обрывы, быстрые горные речки, водопады, ледники... В общем, кто был в горах, поймет, а тем, кто не был – сочувствую, но одновременно и завидую, потому что первый раз у них впереди.

Утро. Обычно Танька заводит по три будильника, чтобы заставить себя встать на работу. Но в день вылета происходит чудо: моя жена просыпается за десять минут до жужжания фитнес-браслета. Вообще я не очень верю в эзотерику, всякие гороскопы и нумерологию, но все меняется, когда ты начинаешь жить с супругой-овном, рожденным в год лошади. Вот уж точно смесь коняшки с барашком, такой своеобразный единорог, которому нужно постоянно куда-то скакать и желательно туда, где она найдет массу приключений на свой неугомонный рог.

Таня выросла в обычной советской семье, встретившей перестройку. Ее папа – офицер ВМФ, и Танины родители, следуя военному распределению отца, в начале девяностых переехали из Белоруссии в Россию. Все детство каталась ма-

ленькая Танюшка погостить к бабушкам «на пирожки». Сначала на заднем сидении вазовской «копейки», потом неубиваемого сто двадцать третьего, а за ним и сто двадцать четвертого «мерсов» по маршруту Калининград – Солигорск и обратно. Привилась, в общем, моей жене любовь к дороге. И теперь, если Таню одолевает хандра, которая обычно усиливается осенней рутинной, чтобы на любимом личике вновь засияла довольная улыбка, мне достаточно просто пару часов покатасть ее на авто. Можно без цели, по пути накормив шавермой, причем обязательно в салоне автомобиля, чтобы «волшебный» запах чесночного соуса пропитал собой всю обшивку, а утром следующего дня напомнил о себе торчащим клочком жирной бумаги из бокового кармана двери.

Торопливый завтрак; несколько раз перепроверить, отключен ли газ, вода, закрыты ли окна... паспорта... деньги... Короче, обычная суета, которая скорее помогает убить время ожидания, нежели приносит пользу.

На дорожку поерзав пятой точкой по табурету, грузимся в маленький Танькин «Пыжик». Пикап решаем оставить дома, а вот Пежо отлично залезет в любую щель бесплатной, поэтому, как правило, переполненной, парковки аэропорта.

Симпатичный «француз» средних лет, внутри напоминающий женскую сумку, в которой можно найти все, кроме того, что нужно, шустро доставляет нас к терминалу вылета. Чем меньше времени до посадки, тем сильнее проявляется

вторая личность моей жены. Из огненного, уверенного человека Таня превращается в рассеянную мышку с бегающими глазами и потеющими ладошками. Думаю, она и раньше боялась летать, просто теперь страх полетов усилился материнским инстинктом. Я ее успокаиваю. Ей так не кажется. Я смеюсь, она нервно трясется. Летим.

Глава 2

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Лето 2014 года*

В палатке было тепло. Он потянулся, разминая мышцы. Солнце играло бликами, просвечивая двухслойную ткань крыши. Аппетит, редкий спутник в высокогорье, приятно напоминал о себе урчанием живота.

Легкая улыбка медленно сошла с его расслабленного лица, как только он повернул голову в ее сторону. Пошарив рукой, он нащупал лыжную шапку и, брезгливо приподняв затылок девушки, натянул головной убор так, чтоб окантовка с веселой желтой надписью «Эльбрус», закрыла остекленевшие девичьи глаза. Хорошо, что он не раздел ее полностью, с остывшим телом возиться было бы неприятно. Все должно выглядеть естественно.

Конечно, если пропавшую девушку найдут в ближайшее время, то скрыть от следователей и медицинских экспертов следы насильственной смерти будет маловероятным. Но

он рассчитывал на иной исход событий. Глубокое ледниковое озеро хранит гораздо больше секретов, нежели обычный труп заплутавшего туриста, сорвавшегося с тропы в холодную воду.

Прочная альпийская одежда, набитая увесистыми камнями, не порвется, даже когда вздвнувшееся тело будет стремиться вверх. На всякий случай, обвязав края рукавов и штанин скотчем, он попробовал сдвинуть тело ногой – поднять такую ношу было не по силам. До края уступа, что высился над озером, осталось пару метров. Подтащив труп, внимательно осмотрелся вокруг. Ни души. Еще одно усилие, и шумный всплеск разбил идеальную гладь бирюзовой поверхности.

Опустившись на дно, тело ударилось головой о камень, неестественно заломив шею. В зеркале мертвых глаз мелькнул холодный блеск. Источник света был совсем рядом. Значок эдельвейса, закрепленный на лацкане заиленного воротника, играл лучами, пробивающимися сквозь толщу воды. И если присмотреться к груди полуразложившегося тряпья, в ней все еще угадывалась строгость линий военной формы, мешковато покрывающих останки. Останки немецкого солдата, покоившегося здесь более семидесяти лет. Теперь он не одинок. Теперь их двое.

Через несколько дней группа туристов сообщит в МЧС о пустой палатке, растрепанной налетевшей непогодой. Спасатели найдут личные вещи, свяжутся с полицией, проведут поисково-спасательные работы. Но все тщетно. Горы зовут,

и порой навсегда...

Глава 3

Ставропольский край, Минеральные Воды

Лето 2022 года

Глубокий вдох. Теплый сухой воздух Минеральных Вод наполнил легкие. Таня приходила в себя после долгого перелета. В это вечернее время Калининград еще наслаждается закатным солнцем, чего не скажешь о Кавказе, где светило ложится спать гораздо раньше, прячась за горными вершинами.

Громкие таксисты, завидев издалека мою черную бороду, к нам особого интереса не проявили. С первого взгляда, меня, и в правду, можно принять за местного: крупное, спортивное телосложение, высокий рост, неброская удобная одежда, кепка, легкий рюкзак, целеустремленная, быстрая, но не торопливая походка. В общем, кордон зазывал мы проскочили с легкостью.

Пару формальностей с представителем проката авто, и вот белый Нисан Алмера с зеркальным номером девятьсот девять несет нас в направлении поселка Терскол, начальной точки покорителей Эльбруса от южной стороны.

Проехали час по отличной трассе. Кольцевая развязка. Поворот направо в Баксанское ущелье. Патрульная машина с мигалками. Взмах жезла. Проверка документов. Багажник.

Все ок! «Счастливого пути!»

Еще издалека, пока инспектор делал запрос по базе, я заметил девушку в красной куртке, голосовавшую в сторону Эльбруса.

– Подвезем? – спросил у Тани.

– Давай.

Трэкинговая одежда, рюкзак, хорошая спортивная обувь. Светлые волосы убраны в аккуратный хвост, протертый сквозь кепку.

– Здравствуйте, до Верхнего Баксана подбросите? – звонким голосом спросила автостопщица.

– Конечно, садись! – ответил я в открытое окно пассажирской двери.

Положив рюкзак на сиденье, девушка села в машину. На вид – лет двадцати с небольшим. Без макияжа, без модной пластики, с яркими, живыми чертами лица. Улыбаясь, она коротко рассказала о себе. Студентка из Смоленска, самостоятельно путешествующая на каникулах. К нужному автобусу опоздала, пришлось добираться на перекладных. Трястись стоя в попутной маршрутке до кольца. Микрик поехал в Нальчик, а она дальше, в ущелье, добираться до Верхнего Баксана автостопом.

– Аня! – протянув руку Тане, представилась девушка.

– Аня, и не страшно тебе вечером тормозить попутку? – спросил я.

– А у меня все схвачено, – улыбнулась Аня, – я сфоткала

ваши номера и отправила подружке. Если через пару часов не выйду на связь, вас будут искать, – толи в шутку, толи всерьез ответила она.

Короткая пауза. Переглянулись.

– Тань, все отменяется, – подмигнул я жене, – придется эту хитрую туристку все же доставить в целости и сохранности.

Пауза чуть дольше. Смех.

Девчата быстро нашли общий язык на тему гороскопов, путешествий, веры во вселенную и следования своим предназначениям. Я больше концентрировался на дороге. Густой туман окутал все вокруг, оставляя видимость не более чем на несколько метров. Закладывало уши. Мы набирали высоту.

Глава 4

Подмосковье

2012 год

Юля сладко потянулась в постели. Запах кофе и мужского парфюма витал в воздухе. «Значит Сашка уже ушел, – подумала она».

– Са-а-аш! – на всякий случай позвала Юля чуть хриплым спросонья голосом.

Тишина. Снова. Как и каждое утро. И вечер. Всегда. Юля привыкла. Выходя замуж за старшего лейтенанта федеральной службы безопасности, она знала, что так будет. Знала,

что каждая новая звезда на его погонах будет отнимать его у нее все больше. Шикарная двушка в новостройке, машина, жалование мужа, зависть подруг – все у нее было. Детей только не было... и любви... Точнее, любовь-то может и была, только Юля ее не чувствовала. Некогда Сашке было любовь свою показывать – вторая звездочка подполковника маячила на горизонте. А Юле любви хотелось.

Юля взяла с прикроватной тумбочки телефон, снимая его с подзарядки. Семь входящих сообщений. Три от него. От Дани. «Доброе утро, красотка. Скучаю. Сегодня увидимся?» – прочитала она, улыбаясь. Приятное тепло разлилось по телу, все ближе спускаясь к низу живота. «Привет! Можем пообедать вместе» – прикинув свой график, Юля отправила сообщение.

С Даниилом они познакомились в Экспоцентре, на ежегодной строительной выставке. Юля тогда презентовала на стенде свою компанию, а Даня приехал закупщиком от региональной сети ритейла. Как это часто бывает, рабочая переписка перешла в личную. Потом звонки. Встречи. Свидания. Юля уже полгода клала дома телефон экраном вниз. Сашку это не интересовало. Его вообще мало что интересовало, кроме службы. А Юля дарила свою любовь Дане. А Даня... А Дане было плевать. В Юле он видел кошелек, который при Даниной смазливой улыбке, щедро выплескивал на него деньги Юлиного мужа. «Во сколько?» – звякнул сообщением телефон. «В час тридцать, в «Неге», ок?» «Ок. Люб-

лю тебя!» Юля поморщилась. «Он так легко бросается этим «люблю» – подумала она». Но Юля себя обманывала, именно это «люблю» она и хотела слышать. И Даня это знал. «Целую. До встречи» – она нажала «отправить», идя по прохладному полу на запах кофе.

***

«Любимый, забери, пожалуйста, Ольку с подготовки. У них сегодня занятия до часу тридцати. Завтрак на столе. Я после работы к маме. Попросила помочь. Люблю тебя. P. S. Олька тоже тебя сильно-пресильно любит (смайлик), сказала написать. Все, мы пошли. Отсыпайся!» – прочитал он записку на кухонном столе.

Сегодня выходной. Он подошел к Олькиной кровати. По-детски неаккуратно сложенная пижамка лежала поверх одеяла. Он с улыбкой взял маленькие штанишки и кофточку и, прикрыв глаза, поднес их к носу. Глубоко вдохнул. Запах ангела. Он был без ума от Ольки. Когда им с Наташкой на УЗИ сказали, что будет девочка, он сильно расстроился. Он хотел мальчика. «Дурак!» – вспоминая свои мысли, теперь подумал он.

Он включил телевизор. По утрам, во время завтрака, он любил смотреть программы про путешествия. Наверное, это пошло из детства. Из воскресных выпусков «Одиссея» Жака Ива Кусто», «Вокруг света» Сенкевича и Крыловских

«Непутевых заметок».

По телевизору шел репортаж про Эльбрус. Он улыбнулся. Это его мечта. Сбывающаяся мечта. Документы о прохождении горной аттестации лежали в столе, и в следующий отпуск он едет на стажировку гидов.

Засвистел чайник. Он заварил крепкий кофе, наполнив пряным ароматом маленькую уютную квартиру хрущевки.

***

– Папа! – радостно воскликнула девочка в летнем платице, увидев, как старый Мерседес паркуется на противоположной стороне дороги.

– Оля, куда?! Стой! – Взмахнув рукой в сторону бежавшей девчушки, прокричала Елена Семеновна, учитель дошкольной подготовки.

Но было поздно. Белое платице в горошек, развиваясь на ветру, быстро удалялось от группы детей, занятых внешним уроком на площадке у школы.

***

– Даня, у меня другая линия. Давай, я уже еду.

Юля переключилась на второй звонивший номер.

– Але. Что? Я все скинула. Не получается открыть? Сейчас проверю! – тараторила в трубку Юля.

Она полчаса назад отправила недельный отчет руководителю. Но случилась ошибка передачи данных, файл оказался поврежденным. Сергей Юрьевич, директор компании «СпецСтрой» и прямой начальник Юли, был мужчиной резким, закаленным девяностыми, благодаря чему остался на плаву в кризисы двухтысячных. Он требовал от подчиненных строгой дисциплины. Потому Юлия, получив звонок, незамедлительно начала проверять исходящие письма на айфоне, эксклюзивно встроенном в панель подаренного ей мужем BMW. Маленький почтовый шрифт приложения заставил Юлю снять телефон с подставки. Иномарка пятой серии с приставкой икс, как и подобает авто представительского класса, ехала тихо и вальяжно. Слишком тихо.

***

Он видел все, как в замедленной съемке: опущенную голову девушки за стеклами дорогого кроссовера, горящие глаза любимой дочери с милой улыбкой до ушей и два вектора судьбы, неизбежно стремящиеся пересечься...

***

Оля лежала в десяти метрах от места столкновения. Ее тело, как брошенная мягкая игрушка, приняло неестественную позу. Кровавая пена пузырилась у перекошенного рта, в котором острыми осколками торчали сломанные зубы.

Он выл неистово, как воеет преданный пес на могиле любимого хозяина. Двое прохожих мужчин не пускали его к телу. Он что-то смутно слышал сквозь пелену, застилавшую сознание. Ему кричали, что нельзя трогать девочку до приезда скорой, что можно этим только навредить. Он не слушал. Он висел на руках мужиков. Он падал, скреб пальцами землю, сдирая кожу, ломал ногти. Он хрипел сорванным голосом, повторяя имя дочери: «Оля, Оля, Оля...»

«Зачем она вышла из машины?» – сквозь зубы говорил он себе позже, вспоминая злосчастный день.

Блондинка среднего роста в офисной юбке, белой рубашке, в туфлях на шпильках, чуть длиннее, чем того позволял корпоративный этикет. Спотыкаясь, на подкашивающихся ногах, она шла к нему, так и не выпустив телефон из рук, в динамике которого, низкий мужской голос Сергея Юрьевича, требовал ответа.

Он помнил только фиолетовое лицо, закатившиеся глаза, вздутые вены висков, бьющееся в конвульсиях слабое тело, которое продолжал душить, схватив тонкую шею двумя руками. И... и дикое, животное возбуждение. Если бы не джинсы, плотно облежавшие пах... Толстая ткань скрыла эрекцию.

Мужикам ничего не оставалось делать. Оттащить его от Юли, удалось только после нескольких ударов по голове. Но даже теряя сознание, он не отпускал жертву.

Позже, перебирая вещи для стирки, Наталья, изнемож-

денная бессонной ночью, проведенной у больничной кровати дочери, не придавала значения тому, что нижнее белье мужа, испачкано словно белье подростка после ночных поллюций.

Глава 5

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Август 1942 года*

Якуб сидел в дозоре. С выступа, нависшего над озером, отлично просматривалась ложбина, сбегаящая узкой тропой вниз к ущелью. Костер разводить запрещалось, потому зябкие облака, гонимые потоками воздуха, щупальцами холода лезли сквозь одеяло, в которое кутался немецкий солдат.

Якуб родился в Зальцбурге, на северо-западе Австро-Венгрии. С детства увлекался горными лыжами. Когда ему было девятнадцать, он вступил в национал-социалистическую немецкую рабочую партию – NSDAP. Увлеченный идеями нацизма, в 1937 году Якуб стал членом «отряда охраны» печально известного SS. Прославившись как отличный альпинист, в 1938 году Якуб оправился в составе организации «Ананербе» на Тибет.

Сегодня о том путешествии Якубу напомнил амулет, подаренный тибетским монахом. Может Якубу мерещилось от холода, но серебряная жестянка с витиеватым орнаментом, размером чуть больше пфеннига, отдавала теплом, прикаса-

ясь к его груди.

Тогда экспедиция так и не нашла затерянный город Шамбала. Перед началом войны их группе было приказано вернуться в Германию. В один из последних вечеров, проведенных в Лхасе, к Якубу подошел улыбочивый старик, под морщинистой кожей которого четко угадывался скелет. Он взял Якуба за руку. Тонкие иссохшие пальцы обхватили предплечье молодого немца. Спокойный взгляд пронизательных глаз заставил Якуба оцепенеть. Тихим голосом старик говорил что-то на непонятном языке. Якуб махнул рукой, подзывая переводчика.

– Чего он хочет? Переведи, – попросил Якуб товарища, рыжая щетина которого источала стойкий запах шнапса.

– Говорит, что у него для тебя подарок, – нетрезво отозвался тот.

Старик сунул руку под накидку и достал маленький медальон на шнурке.

Вещицу покрывал невидимый налет времени. На металлическом диске не было крикливой желтизны золота, зелени бронзы или холода ртути, по его безликости пролегли морщины затертого узора. Тусклый свет от масляной лампы, словно не желая касаться подвески, огибал собой ее контур, оставляя вокруг медальона темную ауру. Якуб силился разглядеть изображенный на металле орнамент, но, каждый раз моргая, линии снова путались, закручиваясь змеиным клубком в пьяных глазах немецкого солдата.

– Эй, – потряс Якуба за плечо переводчик, – напился что ли?

Якуб тряхнул головой и непонимающе посмотрел на свою ладонь. Он не заметил, как медальон оказался у него в руке.

– Спроси, что это? – чувствуя странное тепло на коже, отозвался Якуб.

– Оберег, – выслушав ответ монаха, пожал плечами товарищ, – говорит, носи, не снимай, и будет хер стоять, как тибетские горы, – пьяно рассмеялся он.

Старик, тоже улыбнулся, обнажив пустой рот.

– Счастье, бабы, деньги, – продолжал смеяться переводчик, но Якуб его уже не слушал. Он крутил в пальцах оказавшуюся слишком тяжелой для своего размера вещицу. Она словно проявилась в его ладони, своим отсветом сделавшись похожей на серебряную монету.

– Спасибо, – через какое-то время поднял взгляд Якуб, но его слова больше не нашли старика.

Якуб, будучи человеком суеверным, к наставлению старца отнесся вполне серьезно и вот уже три года не расставался с серебряной жестянкой, подвешенной кожаным шнурком на шее. И может он додумал, а может и правда амулет был не простой, но Якуб чувствовал, что смерть, кружившая каждый день над его головой, будто не замечает его.

В составе диверсионного отряда горных стрелков за годы войны Якуб провел немало заданий, оставаясь живым и здоровым. Многих товарищей он уже не помнил да и не старал-

ся запоминать, так часто менялись люди и задачи. Но Германия наступала, и вот теперь, летом 1942 года, прорвав южный фронт, гитлеровцы уверенно занимали рубежи Северного Кавказа.

Очередная директива, и мобильный десант, к которому приписан Якуб, выполняет стратегическое задание по минированию горного озера. Цель проста; в случае прорыва советской армии нужно взорвать природную плотину, преграждающую водоем, и спустить в ущелье огромную массу воды, которая на своем пути селевым потоком смоеет все возможные транспортные подходы.

Уже несколько дней они закладывали динамит. В августе, гладь озера освобождается от ледяного плена и бирюзовым окрасом вторит небу. Горные цветы ковром рассыпаны по поляне, и, если бы не военный лагерь, разбитый прямо в центре луга, можно представить родные Альпы и веселый смех Хильды, бегущей навстречу. Он мотнул головой. Ему, и вправду, послышался голос любимой. «Я просто задремал, – подумал Якуб, – спать нельзя. Нужно встать, размяться». От движения медальон, качнувшись под кителем, прижался к телу. «Что за черт?!» – вслух выругался Якуб. Амулет обжигал. Якуб рывком сорвал кожаный шнурок. В темноте нагретый кружок светился раскаленным металлом. Раздался резкий свист. За ним два точных, сильных удара. Спустя мгновение короткая трель автомата с запозданием догнала пули, застрявшие в позвоночнике и бедренной кости Якуба. Пе-

ребитый спинной мозг заставил пальцы разжаться. Звонким бряцанием медальон закатился под камень и нырнул в неглубокую расщелину горной породы.

Так, до конца не поняв, что произошло, Якуб снова увидел милое личико Хильды. Она, раскинув длинные волосы, парила под темной гладью воды и звала его к себе.

– Я иду, любимая!

Еще час советские разведчики штурмовали нацистский диверсионный лагерь, которому никогда не суждено было выполнить последнюю задачу. Кавказ возвращался.

Глава 6

*Кабардино-Балкарская республика, Баксанское ущелье
Лето 2022 года*

Темно. Туман плотно накрыл Баксанское ущелье. Свет фар вязнет в белой пелене. Видимость не более пяти метров. Скорость тридцать километров в час.

– Ребят, а вы на восхождение, или так, погулять? – спросила Аня.

– Скорее «погулять», – ответил я, подавшись к лобовому стеклу, – на вершину в следующий раз.

– А ты, Ань?

– Я тоже больше туристом. Хочу на пару дней с палаткой к озеру подняться, – мечтательно улыбнулась девушка.

– Что за озеро?

– Э-э-э, что-то там сылтан... сыл-транс... Сыл-тран-кель, – неуверенно ответила она, – у меня подружка несколько лет назад там была. Фотки – просто огонь! Голубая вода. С одной стороны ледник, с другой, огромная поляна вся в цветах. Вокруг горы. Внизу облака. Это что-то нереальное!

Почувяв авантюру, Танюшка оживилась:

– Зай, ты знаешь, где это? – обратилась она ко мне.

– Ага. – ответил я. – Мы хотели туда сходить, но погода тогда не дала. Это километров десять от Верхнего Баксана. По времени вверх только часов восемь шагать. – Я поймал в зеркале Анин взгляд, – А ты одна туда собираешься?

– В общем да, – помедлив, ответила Аня, – мы должны были с подружкой ехать, но у нее не получилось. Муж военный, по службе не пустили, а без него некому с мелким посидеть. Ну, а у меня в сентябре учеба, за лето нигде не была, вот и решила сама. Не пропадать же каникулам. А вы, судя по разговору, были уже здесь?

– Давай на «ты». – предложил я. – Не такой уж я и старый. По службе в командировки сюда летал.

В лобовом стекле отражался экран Таниного телефона: на фоне молочного тумана, как на проекторе, мелькали картин-ки с всевозможными сочетаниями оттенков голубого, зеленого и белого.

– Это, и правда, очень красиво, – все больше увлекалась Таня. – Зай, а, может, день, который мы оставили на пошопиться, лучше сходим к озеру?

Я на секунду повернул голову в ее сторону. Точно, не ошибся: в глазах жены горел знакомый огонек, значащий, что пятая точка Тани нашла свое шило.

– Можно, конечно, – мысленно пытаюсь прикинуть все «за» и «против», ответил я, – только на это уйдет не один, а два дня. И перед вылетом нужен отдых, а то из палатки в самолет как-то не очень.

– Ну смотри, – Таня начала перечислять, – у нас на все пять дней. Завтра идем на Чегет. Как ты там говоришь, для чего это?

– Акклиматизационный выход, чтоб организм привык к высоте и разряженному воздуху.

– Ну да, – продолжила щебетать Танюшка, – короче, первый день – Чегет, второй – водопад Девичьи Косы, третий и четвертый – озеро. Как вернемся в гостиницу, можно сходить за сувенирами для мамы и мелких, а пятый день спокойно отдохнуть – на канатке подняться, погулять по Эльбрусу.

– Водопад Терскол вылетает тогда из графика.

– Ну, у нас будет один водопад, и, если не сильно устанем, можно и на Терскол в пятый день успеть. Выспимся и на самолет, – ответила Таня, как обычно, уже все решив.

Я не стал упираться. Сылтранкель действительно того стоил. Правда, надо заморочиться: арендовать палатку, спальники, горелку. Но это мелочи. Мы попали в самый сезон, и глупо им не воспользоваться. Вспомнился рассказ Сергеича,

инструктора по горной подготовке. Тот еще романтик (хотя, если подумать, все альпинисты на голову немного чудные). Озеро покрыто льдом десять месяцев в году. Но с середины июля и по конец августа лед сходит, зацветает поляна, и сочетание воды, снега, гор, цветов и облаков, оправдывает потраченные силы. А ночью, лежа на коврике возле палатки, под шум закипающего чайника, можно бесконечно залипать в звездное небо, которое стало ближе на четыре километра.

– Аня, а ты когда планируешь пойти? – спросил я.

– Да без разницы. – ответила девушка. – Тоже день-другой надо акклиматизироваться, а там по погоде.

– Так давай вместе.

Аня улыбнулась:

– Я только за!

По дороге болтали обо всем. Аня рассказала, что учится на пятом курсе медицинского института. Родители – врачи, поэтому ломать голову над выбором профессии, особо не пришлось. Да и о людях заботиться она любила. У самой младшие брат и сестра. Памперсы, соски; там посидеть, тут помочь; короче, привыкла быть нужной. Молодой человек, чуть старше ее, сейчас в армии. После университета пошел служить. Аня его ждала. Училась. Подрабатывала. Деньги, что случалось скопить, тратила не на шмотки, косметику и клубы, как ее сокурсницы, а на путешествия. В свои двадцать два успела объехать половину Европы. А когда насытилась

пряничными домиками и готическими замками, потянуло ее к природным красотам. Тем более пару дней на поезде, и вот тебе самые высокие горы европейской части континента.

Аня подкупала открытостью. Бывает такое, вроде только начали общаться, а кажется – знакомы всю жизнь. Легкая. Но легкость не пустая. Не ветреная. Не та, что к концу застолья в незнакомой компании, а легкость надежная, как вера ребенка в завтрашний день. Настоящая.

Подъезжая к Верхнему Баксану, девочки обменялись номерами, пообещав на днях созвониться.

– Какой классный! – Кивая на браслет Аниного запястья, сказала Таня, – сувениры из твоих путешествий?

– Да, мои талисманчики, – немного смутившись своей инфантильностью, ответила Аня и аккуратно одернула рукав куртки.

Аня вышла на пустынной улице спящего поселка, махнула нам рукой и исчезла в зеркале заднего вида. Скоро туман рассеялся, и оставшиеся двадцать километров быстро закончились уютным номером гостевого дома у подножья Эльбруса.

Глава 7

Подмосковье

2013 год

Жизнь налаживалась. После нового года Олечка пошла в школу. Шрам на лбу ловко прикрывала непослушная челка. Еще слегка прихрамывая, Оля быстро восстанавливалась. Врачи, улыбаясь, разводили руками: «Дело молодое, организм растущий, все заживает, все отлично. Получи такие травмы взрослый, лежал бы на кушетке целый год, не меньше».

Водитель кроссовера, пыталась предлагать деньги, хотела как-то уладить вопрос, но Наталья наотрез отказывалась разговаривать. «Пусть все решится по справедливости». Следствие умышленно затягивали адвокаты, нанятые мужем Юлии. Папу Олечки это не интересовало.

Их маленькая семья стала еще крепче. Тихий домашний уют радовало наступление весны. Днем он работал заведующим отделом строительного гипермаркета, вечером, если оставались силы, мог потаксовать. Лишние деньги лишними не бывают. И все отлично, только вот с Наташкой стало как-то по-другому. Близость теперь едва ли была страстной. Нет, у него все получалось, и жена не замечала перемен, но откидываясь в кровати, часто дыша, он ловил себя на мысли, что желание, скорее, даже похоть никуда не исчезла. Наташка, мурча, как кошка, сладко засыпала на его груди, а он еще долго смотрел в потолок, боясь закрыть глаза. Он знал, какие сны его ждут.

В выходные, пока Олечка была на занятиях, а Наташка

на работе, он листал страницы порносайтов: искал видео по-жестче. Обязательно с удушением. Мастурбация не приносила облегчения, а лишь притупляла жажду, вязким комом растущую из низа живота. Когда все заканчивалось, ему было стыдно. Он отмывался в самой горячей воде, которую только мог стерпеть. Он стирал историю браузера. Он включал громкую музыку, словно она могла вычистить его мысли. Обещал себе пойти к врачу, разобраться, наконец, с этим. Но спустя пару дней мозг подчинился зову тела.

Запираясь в ванной и пристально глядя в маленький светящийся прямоугольник, из которого вылетали стоны, больше похожие на звуки страдания и боли, нежели наслаждения, он снова повторял весь цикл.

***

– Привет, свободно? – открыв пассажирскую дверь, нетрезвым голосом спросила девушка.

Пахнуло алкоголем. Звуки басов доносились из ночного клуба, спрятавшегося во дворе хозяйственного блока.

– Куда едем?

– Подальше отсюда.

Он завел двигатель.

Обычная на вид история. Наверное, в клубе поссорилась с парнем, ревнуя к какой-нибудь малолетке, крутившей задом на танцполе.

– Я закурю? – приоткрыв окно, скорее поставила перед фактом, чем спросила попутчица.

– Вообще-то... – начал он, но она не дала ему договорить.

– Ой, ладно тебе, я аккуратно.

Из-под короткой юбки выглядывали кружева ажурных чулок. Яркий макияж не давал возможности точно определить её возраст. Что-то до тридцати, но уже не малолетка. Черные волосы, красная помада в тон с маникюром. Из распахнутой кожанки проглядывалось глубокое декольте, обнажая бретельки нижнего белья. Туфли – шпильки.

Она глубоко затягивалась тонкой сигаретой, выпуская дым в приоткрытое окно.

– Так куда едем? – повторил он вопрос.

Она посмотрела на кольцо его правой руки, которой он держал руль.

– Женатик. Жаль. Покатай меня часик. Не хочу пока домой.

– Дома не ждут?

– Не твое дело!

– Не хотел тебя обидеть.

– Да ладно. Ты прав, не особо рады там мне. Тормозни у ночника, хочу еще немного выпить. Будешь? – она усмехнулась. – Шучу. Я быстро, – хлопнув дверью, девушка зацокала каблуками в сторону круглосуточного магазина.

Спустя пару минут она вернулась, держа в руках бутылку шампанского и пластиковые стаканчики.

Через час он знал о ней всё. Разведенка. Воспитывает сына. Живет с мамой, которая постоянно ее пилит. Мужики все козлы, особенно бывшие. Работает то тут, то там в ожидании принца. К ребенку относится, как к врожденному дефекту внешности с бонусом в виде алиментов. По жизни особо не парится: «надо жить здесь и сейчас!»

Он не презирал таких, он относился к ним с пренебрежительной жалостью, как относятся к бомжам, влачащим бесполезное существование. Ему было обидно за ребенка. Не за нее. Она и дальше продолжит таскаться по мужикам. По выходным будет скидывать ребенка бабушке. Будет отмахиваться от него, часами обсуждая с подружками по телефону нового «пацанчика».

В итоге, потеряв привлекательность быстро проходящей молодости, она станет пить. Пить в доме. Приводить всех этих ублюдков домой. А парнишка все будет видеть. Пьяные ссоры и ругань. Хрипы и стоны. Менты и соседи. Пустой холодильник, голод, грязь, вонь. А потом... А потом он найдет ее уткнувшуюся лицом в стол, так и не выпустившую из руки грязный стакан с дешевой водкой, захлебнувшуюся в собственной блевоте. Он поклянется, что в его семье будет все по-другому. В его семье Наташа и Олечка будут самыми счастливыми и любимыми. В его семье...

Он не слушал. В реальность, отрывая от воспоминаний, его вернула рука, нагло ослабляющая ремень джинсов. Она пьяно смеялась, обдавая алкогольным дыханием.

Резко схватив за волосы, он дернул в сторону ее голову. Другой рукой сдавил шею, перекрывая доступ воздуха. Она, как рыба, с широко раскрытыми глазами хлопала ртом, пытаясь кричать. Царапая предплечье, ломала пошлые, длинные ногти. Недопитая бутылка шампанского звенела под бьющимися ногами. Плохо вставленная пробка вылетела, извергая содержимое на пол. Она обмочилась. Задрав юбку, он стянул с успокоившегося, но еще теплого тела, мокрые трусики, жадно вошел и кончил почти сразу.

Какое-то время красная пелена затмевала глаза. Но потом... Потом отпустило. Ушло все. Будто жизнь – белый лист. Словно и не было боли, мучившей его. Словно она унесла с собой все страдания, всю ненависть, что в нем копилась годами. Он был счастлив.

Тело закопал в подлеске, недалеко от города. Жене сказал по иронии правду, что бухой клиент обоссался в машине. Теперь придется из домашней копилки взять на химчистку салона.

Глава 8

Кабардино-Балкарская республика, поселок Верхний Баксан

Лето 2014 года

«Вот ты бесстрашная! А если что случится? Связи-то там нет!» – тараторила в трубку Ленка. «Ой, да ладно, не я пер-

вая, не я последняя!» – хабрилась Аня, шагая по безлюдной улице, обильно покрытой коровьими лепехами. Низкие домики на склоне еще дремали в безветренной дымке. Солнце едва начинало свой путь, медленно заливая лучами ущелье. Слышно было только шелест реки. Шустрый Баксан уносил воды Кавказа в Каспийское море. Белоснежные верхушки гор блестели на западе, маяком маня туристов со всего мира. Залатанный асфальт плавно начинал подъем, серпантинном вползая на северный склон, сменялся грунтовкой. «Я бы очконула. Еще какой-нибудь йети утащит, будешь потом пищать, когда он тебе вставит метровый волосатый...» «Ты лучше напомни, как маршрут найти?» – перебила Аня. «Через мост, вверх по главной дороге и налево. Там парковка. От нее тропа идет. Камушки цветные, каждые сто метров лежат, специально краской отмечены, чтоб такие дуры как ты с пути не сбились». «Короче, Ленка, иди в жопу, я тоже тебя люблю!» «Если через два дня не выйдешь на связь, найду себе новую подругу!» «Ага, кто тебя вытерпит?» «Эти твои подводители, так и не объявились?» – сменила тему подружка. «Нет, телефон отключен. Загуляли, наверное». «Ясно. Ладно, давай, я побежала. А то час уже болтаем. Мне Ваньку кормить надо» – на заднем фоне слышался требовательный плач годовалого малыша, которого Аня просто обожала. «Целую». «Пока». Аня отключила телефон. Лямки рюкзака приятно впивались в плечи. Впереди ее ждали приключения. Серая рутина, страшившая Аню больше всего, осталась

позади. Сегодня о ней можно не думать. Сегодня можно щуриться и улыбаться лучам восходящего солнца. Ходить, вдыхать, смотреть, пить чай из термоса, ловить в волосах ветер, чувствовать этот мир всем телом. Чувствовать... Она любила этот мир. С широко раскрытыми глазами. По-детски. Навивно. Доверчиво. Слишком.

Глава 9

*Кабардино-Балкарская республика, поселок Терскол
Лето 2022 года*

Мы сидели в кафе. Писк сломанного арпеджио в третий раз резанул слух, доносясь из Таниного телефона.

– Абонент – не абонент, – хмыкнула Таня.

– Может сеть не ловит? – спросил я.

– Да нет. Если нет сети, так и говорят, а тут «номер не существует», – рассуждала Таня, – наверное, я неправильно записала?

– А Аня твой записывала?

– Вроде да.

– Значит, перезвонит, – доедая последний кусок творожного хычина, невнятно пробурчал я.

За два дня мы натопали по горам по пятьдесят тысяч шагов на каждого, и сейчас, после сытного ужина, хотелось тонуть в прохладе кожаного дивана, глазеть в панорамные окна и наслаждаться моментом. Мне всегда нравилось это состо-

ание. Уставшее тело выключает мозг. Наверное, переходит в режим энергосбережения, отсекая всякое ненужное, что лезет в голову. А, как оказывается, «ненужное» и «неважное» занимает значительную часть мыслей. Короче, это такая медитация: убить себя в хлам (в смысле устать физически, а не головой вниз с девятиэтажки) и созерцать окружающее с идиотской улыбочкой на лице.

Осоловелыми, неморгающими глазами я смотрел в окно. На поляне, под горой Чегет, жались друг к другу кафе, сувенирные лавки, мангалы, обложенные стенами дров, магазины, прокат оборудования, гостевые дома, мини рынок с колоритными бабульками, туристы. Яркая походная одежда, мелькающая тут и там, медленно блекла в лучах заходящего за Эльбрус солнца.

– Зай! За-ай! – тряхнула меня за плечо Таня. – Идем?

– А?

– Нам ещё закупиться надо успеть, пока магазины не закрылись.

– Да-да, пошли, – сказал я, собирая себя с дивана и чувствуя, как затекшие мышцы нехотя разгибают тело.

В придорожном магазине снаряжения мы арендовали палатку, спальники, коврики, горелку и металлическую посуду. В продуктовом купили консервы, каши, бомж-пакеты (куда без них), чай, кофе, сладости. В аптеке – аспирин, парацетамол, активированный уголь, регидрон, бинты, пластыри. Затемно, прогулочным шагом через сосновый лес добрались до

гостиницы.

– Я в душ, – Таня первая заняла ванную комнату.

Развесив влажную от пота одежду сушиться, я собрал рюкзак для завтрашнего похода к озеру и, так и не дождав-шись любимую из душа, уснул, уютно попав в ложбину про-мятого матраса. Позже помню, как сквозь сон что-то ворчал, закрываясь подушкой от мерцающего света телефона, в ко-торый Танюшка заливала сторисы уходящего дня.

Глава 10

Подмосковье

2003 год

– Мама! – позвал он, но ответа не последовало.

За открытой дверью пахло алкоголем, остатками еды и невымытой посуды, сваленной в забившейся раковине. Еще си-гаретами. Она не курила. Запах табака означал очередного ублюдка. В магнитофоне выли гребаные хиты восьмидеся-тых.

Он поставил пакет с учебниками у стены. Старый рюкзак совсем развалился, а на новый пока не заработал. Пройдя по коридору, заглянул в ее спальню. Слава Богу, она была одна. Пьяный храп вторил прокуренному голосу Пугачевой. Ма-ма лежала на кровати. Замызганный розовый халат. Воло-сы липкими прядями с плохо покрашенной сединой рассы-пались на несвежем постельном белье. Занавески плотно за-

шторены. Он дернул шнур кассетника, вырвав вилку из розетки. В кухне все говорило об утренней пьянке. Полная пепельница, с вываливающимися бычками. Пустые бутылки. Грязные тарелки. Надкусанная, заветренная сосиска. Хлебные крошки. Тараканы. Влажный смрад.

Он поставил чайник на плиту. В холодильнике нашлись те самые дешевые сосиски. Это хорошо. Не хотелось идти в магазин. Вчера и так продавщица тетя Лена косо смотрела, когда он просил в долг, обещая на этой неделе расплатиться. Он, и правда, рассчитается. Они с Серым нашли медную жилу на старом карьере и сегодня планировали после школы ее порезать, опалить на костре и сдать в металлоприемку. Но сначала нужно прибраться в квартире. Он терпеть не мог беспорядок.

Раньше мама была чистюлей, и дома, на втором этаже хрущевки, в старенькой двушке, оставшейся от деда, всегда пахло свежестью и уютом. Они тогда жили счастливо, не замечая, как подкрадывается конец их семейному благополучию.

Девяностые. Повзрослев, он поймет, что перестройка сломала тысячи семей, перемолов судьбы безжалостной мясорубкой. Но тогда он этого не понимал. Не мог понять. Он видел только отчаявшегося отца, оставшегося без работы; дерганую маму, пытавшуюся хоть как-то закрыть дыры семейного бюджета и новых гостей, больше походивших на бандитов из американских боевиков. А однажды ночью он встал в туалет и, протирая сонные глаза, вышел в гостиную. Горел

свет. Папа держал за плечи заплаканную маму, что-то торопливо объясняя ей. На полу лежала черная спортивная сумка. Из нее торчали пачки денег. Это был последний раз, когда он видел папу. А потом, мама стала пить.

Их было двое: мама, которую он любил – трезвая, заботливая, мягкая, ласковая, умная, понимающая; и та, которую он ненавидел – пьяная, со стеклянными глазами, с этими фальшивыми уменьшительно-ласкательными словечками, тенью шатающаяся по дому.

Сначала это было нечасто. По праздникам. Со временем праздники затягивались на несколько дней. К его средним классам школы поводов пить у мамы стало гораздо больше. После очередного недельного запоя она брала себя в руки. Клялась, что больше «никогда», и, бывало, не пила по несколько месяцев. Находила нормальную работу, занималась домом. Но всегда срывалась снова.

Возвращаясь домой из школы, или с футбола, или просто с прогулки, он молился, чтоб мама была трезвая. И он обнимал и целовал ее, когда, открыв дверь, она с веселой улыбкой встречала его на пороге. Но бывали и такие дни, как сегодня. Иногда приходилось выгонять ее мужиков, и еще не до конца зажило саднящее ребро, сломанное одним из маминых кавалеров.

В свои пятнадцать лет он твердо верил, что вырвется из этого болота. Из болота безнадежности. Из болота безденежья. Из этого круга, в который заключены многие из тех, ко-

го он знал: получить зарплату, раздать долги, остаток пропить, взять в долг...

Глава 11

*Кабардино-Балкарская республика, Баксанское ущелье
Лето 2022 года*

Он тряхнул головой. Воспоминания изредка накатывают. Гребаная Пугачева. Он нажал кнопку радиоприемника, переключая волну. На Кавказе еще крутят этот ретробред по радио. Сидя за рулем новенькой Тойоты Лэнд Крузер, он ехал по Баксанскому ущелью.

С той злосчастной аварии прошло десять лет. Оляка училась в старших классах. Наташа подарила ему сынишку Диму и была беременна третьим ребенком. Дела шли в гору – бизнес процветал. Представительства компании открывались по всей стране. Теперь они могли себе позволить многое. Деньги перестали быть роскошью, и эта деловая поездка, скорее, носила развлекательный характер. Он легко бы взял авиабилеты в первый класс с подачей премиум такси к трапу, но ему нравилось водить машину. Тем более японский внедорожник, вот-вот прошедший обкатку, утробным рычанием двигателя просил сильнее давить на газ.

Дорога занимала часов пять. Под мягкий шелест асфальта думалось как нельзя лучше. А подумать было о чем.

Ему тридцать четыре. Многому он научился. Но только не тому, как справляться с... с чем? Он так и не нашел для «этого» подходящее слово. Удовлетворения хватало лишь на несколько месяцев, после чего густая черная похоть, скапливаясь, начинала пульсировать, заполнять собой сознание, выгоняя рассудок и подчиняя волю. Он пробовал с профессиональными проститутками. Платил дорого. Случалось, «девочку» увозили в больницу, за что приходилось доплачивать еще больше. Но все было не то. На какое-то время пульсация затихала. Но она давила, дергала, шептала: «Это не по-настоящему! Я знаю! Это не по правде! Меня не обманешь! Я хочу! Мне нужно, нужно, нужно!»

Он помнил их всех. Их было четырнадцать. Иногда они приходят к нему во сне. Они молчат. Они не могут говорить. Они просто смотрят. На их шеях следы его пальцев. «Почему они не уходят? Разве там ничего нет? Они ждут меня?» – все реже он задавал себе эти вопросы.

Он был бы рад все закончить. Подобные мысли приходили все чаще. Семье денег хватит до конца жизни. Единственное, что его держало, это дети. Он был без ума от Ольки, Димки, и гномика, который еще не родился. Наташка молодая, найдет себе мужа. За нее он не переживал. Наташка молодец. Он ее любил. И с каждым годом эта любовь перерастала во что-то большее. Вот уж действительно родной человек.

Проезжая мимо Верхнего Баксана, он вспомнил её, третью. Тогда он только начинал свой путь и подрабатывал гидом, водил по Кавказу туристические группы. И вот в одной из таких командировок, за две недели приняв четыре потока туристов, остался еще на пару дней, чтоб посмотреть новые маршруты, в том числе и маршрут к озеру Сылтранкель.

Глава 12

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Лето 2014 года*

Аня прогуливалась вокруг озера. Дима, Егор и Катя, ребята из Краснодара, час назад ушли через перевал по длинному маршруту. Аня познакомилась с ними вчера.

Уже начинало смеркаться, когда она, карабкаясь по сыпучим камням, наконец-то преодолела последнюю часть подъема и увидела озеро, похожее на чашу в огромных каменных руках. Лагерь ребят расположился в самом живописном месте поляны. Оттуда, откинув матерчатую дверь палатки, лежа на каремате в спальном мешке и попивая горячий чай, можно было увидеть все, ради чего сюда шли. Бескрайнее и яркое валилось на тебя, словно иллюстрация советских фотообоев, но только оно было настоящее, не пошрое.

Аня и ребята быстро нашли общий язык. Аня разбила свою палатку рядом с их лагерем. Облака густой периной стелились ниже по ущелью, а небо было звездное, как на кар-

тинке детского журнала про космос. Девушки пили чай, парни что-то покрепче. Смеялись, рассказывали истории, мечтали. Горы всегда объединяют людей.

Наутро ребята, собрав вещи, отправились по своему маршруту дальше, а Аня осталась наедине с озером, слушать его молчание. Она не решила, задержится ли еще на ночь, или сегодня будет спускаться вниз. Сначала хотелось осмотреться, погулять вокруг. Палатку пока разбирать не стала. Оставив вещи на поляне, пошла по узкой тропе, петляющей вдоль озера меж камней. Небольшие круглые заборчики, сложенные из булыжников высотой чуть выше колена, стояли со стороны поляны, поодаль от берега. Они служили ветрозащитой, чтоб в непогоду не сносило палатку и меньше задувал сквозняк. Горные цветы, названия которых она не знала, вульгарно рассыпались по зеленому. Туман скоро растаял, сполз, как сморгнувшаяся с глаз пелена, открыв взгляду голубое небо. Талая вода, кипя серебром, змеилась по склону, а в тенистой части озера все еще плавал лед. Тишина, нарушаемая только ее шагами, непривычно давила, заставляя сердце вздрагивать от звука изредка скатывающихся камней.

Тропа вела вверх по склону, к каменному выступу, нависшему в нескольких метрах над водой. С природного балкона открывался отличный вид на ущелье, по которому она вчера пришла. Спустя пятнадцать минут, добравшись до площадки и налив из термоса чашку кофе, Аня присела на камень.

Прикрыв глаза, она чувствовала умиротворение. Аня улыбнулась, вспомнив китайскую мудрость, прочитанную недавно в новостной ленте. Что-то там про гору и базар. Дескать, сидя на горе, не трудно быть святым, а вот оставаться святым, сидя на базаре, сумеет не каждый. «Вернусь домой, полистаю про буддизм», – подумала она.

Солнце грело. Аня сняла шапку с желтой надписью «Эльбрус», купленную вчера на мини рынке в городке Тырнауз. Потянувшись за термосом долить кофе, девушка увидела, как что-то блеснуло под большим камнем. Наклонившись, Аня всмотрелась. Из трещины, прикрытой скатившимся с осыпи булыжником, торчал краешек серебристого металла. Камень было не сдвинуть. Встав на колени, она просунула руку между плитой выступа и скальным обломком. Длины руки еле хватило. Еще немного. Есть. Стиснув предмет двумя пальцами, Аня почувствовала тепло, исходившее от железки. Она аккуратно расшатала теплую штуковину. Железка поддалась и как-то просто легла, вжавшись в Анин кулак. «Монетка», – подумала Аня, вытягивая руку из расщелины. Серебряный диск размером немногим больше пятирублевки лежал в раскрытой ладони. Витиеватые узоры переплетались сложным орнаментом, бесконечно повторяя друг друга. На ребре бугорком высилось сквозное ушко, вероятно, для шнурка. Медальон (так она его назвала) был приятен на ощупь. Почему он показался ей теплым? «Может вулканическая активность?» – подумала Аня, вспомнив, как

позапрошлой зимой летала с родителями на Сицилию.

Тогда туристический автобус привез их на склон вулкана Этна. Мама осталась гулять у подножья, в зоне смотровых площадок, а они с папой пошли на самый верх, подальше от бесконечной и громкой болтовни итальянцев. Голова кружилась от высоты и запаха серы. Местами лежал снег, а где-то шел пар прямо из-под земли. На самых верхних кратерах хрустящий под ногами шлак и лава были теплыми, несмотря на морозный воздух и три тысячи метров высоты.

Аня потрогала каменный выступ. Холод гранита лизнул пальцы. «Странно. Отчего же тогда нагрелся медальон? Может от солнца?» – подумала Аня перед тем, как ее внимание отвлекло синее пятно, мелькнувшее вдалеке. Фигура человека в яркой куртке медленно поднималась к озеру, огибая скальное ребро внизу ложбины.

***

– Привет! – улыбнулся парень. На вид он был чуть старше ее. Открытое лицо с недельной щетиной. Дружелюбный взгляд серых глаз. Светлые волосы непослушно выбились из-под панамы. Широкие скулы, подчеркнутые худобой лица, резкой линией переходили в волевой подбородок. Высокий, но складный. Одет в профессиональные альпийские бренды. Уверен в движениях. Скорее вежлив, чем скромн. Ане он сразу понравился.

– Привет, – в ответ улыбнулась Аня, пожав протянутую теплую ладонь парня.

– Внизу непогода. Так что, если собираетесь спускаться, торопитесь, – снимая влагозащитный чехол с рюкзака, предупредил молодой человек, – главное, до тропы успеть по сухому, а то в ливень скакать по камням и сыпучке – опасное занятие.

– Спасибо, по прогнозу вроде не было осадков, – слегка приврала Аня, на самом деле забыв свериться с метеоданными.

– В горах полагаться на прогнозы, не самое надежное занятие.

В подтверждение его слов вдалеке громыхнуло раскатистым эхом, пройдя по ущелью.

– А вы один?

– Да. Я тут гидом в сезон подрабатываю. Вчера отправил домой последнюю группу, а сам вот решил новый маршрут посмотреть. Меня кстати Антоном зовут, – чуть смутившись, повторно протянул руку молодой человек.

– Аня.

– А вы одна? – спросил Антон.

– Да. Ну, не совсем, конечно. С ребятами тут познакомилась. Они с утра ушли длинным маршрутом через перевал. А я решила обратно, вниз.

Антон достал из рюкзака бутерброды и чай.

– Будешь? – молодой человек предложил сэндвичи.

– Спасибо, я только что позавтракала. Думаю, сварю кофе и буду собираться.

– Я тогда на твоём месте разобью палатку. Отсюда самый лучший вид.

Аня всегда держалась на расстоянии от парней. И так случилось, что Сашка, её молодой человек, был первый и единственный. С девятого класса они вместе. Не то, чтобы Ане не нравились ребята, но она всегда умела разделять общение, не переступая грани приличий. Многие однокурсницы крутили отношения сразу с несколькими, а Вика, так та вообще ещё в школе делала аборт по залету. Конечно, Аня тайком смотрела видеокассеты для взрослых, спрятанные родителями в шкафу с постельным бельём. Она знала, как бывает приятно, когда трогаешь себя в тёплой ванной. Аня росла обычной девочкой во вседозволенности информации двадцать первого века, но сумела сохранить девичью скромность, воспитанность, а самое главное, понимание того, что за все всегда приходится платить. Поэтому с Антоном она была, как и со всеми, дружелюбна и вежлива, но без намека на флирт.

Кофе кипел в металлической кружке, стоявшей на примусе газового походного баллона. Антон рассказывал, куда ещё нужно сходить в Приэльбрусье.

– На Гижгите была?

– Нет

– Обязательно сходи. А на Зеленой поляне?

Аня мотнула головой.

– Оттуда можно зайти на Виа-Тау. Гора такая, – добавил Антон, поймав Анин вопросительный взгляд, – подъем нетрудный. Ну, про Эльбрус-то я не спрашиваю?

Они пили кофе, разговаривали, смеялись в то время, как густые облака, словно дождевой слизняк, тяжелой массой медленно ползли вверх, кутая темнотой ущелье.

***

Они сидели в ее палатке. Резко налетевший шквалистый ветер не оставил времени Антону для разбивки своего жилища. Косой ливень тяжелыми сильными каплями впивался в первый слой крыши. Раскаты грома заставили Аню вжиматься в рюкзак, подложенный под спину. Палатка стояла на возвышенности, поэтому потоки воды стекали вниз, оставляя пол сухим. В маленьком пространстве от дыхания двух людей было тепло. Даже как-то уютно.

Антон прикрыл глаза: после долгого пути от сытного перекуса клонило в сон. В голове крутился их с Аней разговор. Они легко нашли общий язык. Умная, милая девушка, еще не потерявшая детскую наивность. Сначала у него и мысли не возникло, но через какое-то время он почувствовал, как знакомая пульсация сдавила живот. В такую непогоду на по-

ляну точно никто не станет подниматься. По пути он никого не встретил. Его никто не видел. О намерении посмотреть новый маршрут знала только Наташка. Из гостиницы он съехал утром. Старенький Мерс, оставленный в поселке, вряд ли привлечет чье-то внимание. Да и каждый сезон в горах пропадают десятки людей. Мало ли что может случиться с одинокой неподготовленной туристкой!

Он ненавидел себя за эти мысли, но сдерживаться было только хуже. Накопившаяся злость выплескивалась в семью, в окружающих людей. Он срывался по любому поводу. Пришлось даже уволиться из магазина из-за конфликта с покупателем, да еще и денег ему выплатить, чтоб заявление в полицию не накатали за сломанный нос. Мало того, отдел кадров занес Антона в черный список, разослав «бан» по всем базам работодателей, так что ему можно было забыть о карьере «продажника». Зато сейчас Антон занимается любимым делом. За год с помощника гида он дорос до старшего группы и всерьез задумывался о собственном агентстве. За год случилась и вторая девушка. Попутчица на трассе.

Сначала было страшно. Накрывала паранойя. Казалось, за ним следят и вот-вот схватят. Но шло время, никому не было до него дела. Это только в фильмах опытные опера росчерком пронизательного взгляда раскрывают преступления. В реальности же пропавшие девушки волновали только их близких, которые безрезультатно натыкались на бюрократическую стену и нежелание сотрудников проявлять из-

лишнее усердие. Размышляя об этом, Антон уснул.

***

Пока он спал, Аня достала из кармана найденный медальон и продела его в металлическое кольцо браслета на запястье. Новая побрякушка в память о путешествии. На браслете уже висели маленькая Эйфелева башня, затертые пирамидки, полукруг латунного Колизея, словно с откусанным краешком стены, и еще несколько блестяшек, купленных в разных странах.

Аня приоткрыла край матерчатой дверцы, глядя на заканчивающийся дождь. Налетевшая непогода спустя два часа так же скоро затихла. Антон мирно посапывал за спиной девушки. «Надо его будить», – подумала Аня. Она еще должна успеть спуститься до заката.

***

Аня не поняла, что произошло. Антон сжимал ее шею, не давая сделать вдох. Она видела, как дергается ее тело, пытаясь освободиться от железной хватки. Как ее слабые руки пытаются отнять жилистые предплечья душителя. Как ее глаза с красными прожилками неестественно выпучились. Как волною судорог вздрагивает ее плоть. Все реже и тише. Видела себя со стороны. Словно стояла рядом.

***

Она стояла рядом, наблюдая собственную смерть. А потом было мерзко. Он стянул с неё лосины и, уткнувшись в ее шею хрипел, как животное, рыча и пуская слюни. Потом, судорожно кончив, долго лежал с ней в обнимку, запустив ей под кофту руку и сжимая еще по-детски маленькую грудь.

***

На откинutom ее запястье, остался маленький ожог. Медальон весело блеснул в свете слепополуденного солнца.

Глава 13

Западный Китай

1714 год

Выдался неурожай год. Сян все понимала. Она была средней дочерью земледельца Пинга. Двое сыновей были основой и гордость семьи. На их плечи ложились помощь отцу, а в будущем наследование семейного дела. Младшая сестра Юйлань готовилась выйти замуж. Тетушка Мей сыграла выгодную партию, сосватав Юйлань за сына богатого торговца. Старшая сестра помогала матери в домашних делах. А вот Сян, видевшая уже восемнадцатую весну, оказалась бес-

полезным нахлебником, которого стало нечем кормить в засушливый год. Она не обижалась на отца. Он принял правильное решение. Иначе бы ее ждала голодная смерть. Иначе ей не выжить. За Сян семья получит немного денег и возможность продержаться до следующего урожая.

***

Военачальник Веньян слыл жестоким человеком. Несмотря на высокий ранг многоженство ему дозволено не было. Но вот прислугу, ценившуюся дешевле скотины, никто не считал. Тем и пользовался уже немолодой Веньян.

Надвигающаяся старость и годы, проведенные в неблагоприятных военно-походных условиях, подорвали мужское здоровье Веньяна. Служанки радовались, когда у хозяина выходило заняться «бум-бум» (так они называли «это» между собой). В противном случае, если достоинство подводило Веньяна, погонный кнут, носимый им у бедра, выплескивал животную ярость хозяина, рисуя на худых телах девушек красные отметины.

Когда Сян привезли в новый дом, уже смеркалось. Длинные предзакатные тени, слившись серой массой, вползали тревогой в сердце Сян.

– Туда, – ткнул палкой извозчик, направляя, замершую у повозки Сян.

Хижина прислуги низилась у противоположной стороны

хозяйского двора. На утрамбованном земляном полу, засыпанном соломой, сидели четверо девушек. Старшей лет двадцать пять. Двум средним едва ли по двадцать. Младшая была равного с Сян возраста. Ее глаза... Взгляд коричневых глаз, подернутых мутной пленкой смирения, – взгляд загнанного животного, взгляд покорности и обреченности не мог не запомниться Сян. Она будет видеть его всю жизнь. В зеркале.

Первые недели хозяина не было дома. Веньян был в отъезде по государственным делам. Кроме них пятерых, в доме была «старшая». Сян пугала старая служанка – морщинистая, сгорбившаяся, сухая, словно мумия, да к тому же без глаза. По лицу старухи наискось тянулся глубокий шрам, пересекающий пустую глазницу. В один из вечеров старуха вошла к ним в хижину. Она впервые заговорила с Сян.

– Пойдем, – позвала она Сян каркающим голосом.

Она рассказывала страшные вещи, от которых сердце Сян уходило в пятки.

– Когда не сможешь больше терпеть, закрой глаза и зажми его в ладони. – Она протянула Сян маленький серебряный медальон на кожаном шнурке. – Тебе не будет больно. Просто дождись, пока все закончится.

В начале второго осеннего месяца Веньян вернулся домой. В первую же ночь одноглазая пришла к ним в хижину и увела с собой Зэнзэн. Через несколько часов, облокотившись на плечо старухи, Зэнзэн со свисающими черными во-

лосами, не поднимая головы, хромая, подошла к своей подстилке. На следующий день она не встала к завтраку. Ни в это утро, ни в какое-либо другое. Двое мужчин положили безжизненное тело Зэнзэн в телегу и увезли со двора. Больше Сян ее не видела.

И вот настал тот день, когда старуха зашла к ним в хижину и скрюченным пальцем указала на Сян. Пока они шли к дому хозяина, Сян трясло так, что подкашивались ноги. Старуха усадила Сян на циновку в центре комнаты. Вскоре раздались тяжелые шаги. Большой, грузный, с редкими прядями седых волос, со зловонным дыханием гнилостных зубов и рисовой настойки он навалился на нее. Сегодня он ее не бил. Было ли ей больно? Она не знает. Сжав медальон, Сян зажмурилась. Через мгновение, она увидела себя со стороны. Сян стояла рядом, наблюдая как Венъян, словно жирный хряк, врывается рылом в хрупкое ее тело.

Все закончилось быстро. Он перекатился на бок и почти сразу захрапел с надрывистым дыханием. Вошла старуха и потрясла Сян за плечо. Девушка не реагировала. Поняв в чем дело, старуха подняла руку Сян, разжала её ладонь и вынула медальон. Вот тогда Сян и почувствовала боль. Открыв глаза, она будто вернулась в свое тело. Низ живота саднил, словно в нем плавил железо. Сян с трудом встала на ноги и поплелась к своей хижине.

Прошло долгих три года. Сян смирилась с телесными

шрами и покорными потухшими глазами. Дни были похожи один на другой. В моменты мерзких встреч Сян всегда сжимала спасительный медальон. Старуха так и не успела рассказать, откуда он у нее, унеся с собой эту тайну в могилу. Лежа на холодном полу хижины, ставшей ее домом, Сян до белых костяшек сдавливала серебряный диск в своей ладони, зажмуриваясь и мечтая хотя бы ненадолго выйти, сбежать из тела, сбежать с ненавистного двора, погулять под луной, почувствовать свободу и аромат вольной жизни, кипевшей за бамбуковой изгородью имения Веньяна. Но волшебная штукавина работала, только когда вонючее животное Веньян, обладал или избивал Сян.

Когда это случалось, – к ее счастью, это было не слишком часто – она силилась отворачиваться, закрывать глаза, но все было тщетно. Каждый раз Сян видела все, словно находясь в первом ряду театра му-оу-цзюй. Видела, как хозяин издевается над ней. Она просто стояла рядом и смотрела. Смотрела, не имея возможности отвернуться. Телесную боль она не чувствовала, но душевные раны становились глубже, и их смрадное разложение заполняло собой рассудок. Уже второй холмик высился возле выгребной ямы, и, судя по растущему животу Сян, вскоре должен был появиться третий. Она даже не слышала их плача. Они молча приходили в этот мир, чтобы также быстро его покинуть.

***

Шел 1718 год. Проклятые Джунгары под командованием Церинга Дхондупа, захватили Тибет, отрезав стратегически важные торговые пути. Разгневанный император Канси, приказал своим генералам выбить ненавистный степной народ и освободить захваченные земли. Веньян готовился отбыть в военный поход. С собой он взял Сян и новенькую, еще свежую Мейли.

Путь был не близок. По дороге в Лхасу истощенное долгим переходом и скудными припасами китайское войско вынуждено было прервать поход. Полководец Эрентей приказал разбить лагерь у реки Салуин недалеко от Синина.

Наскоро построив форт, уставшие солдаты набирались сил перед предстоящим сражением. Джунгары, прознав о наступлении китайцев, выдвинули войска навстречу и взяли форт в осаду. Потянулись долгие дни голода и мора. Сначала съели всех лошадей. Воины, обезумевшие от ежедневной обороны и нехватки пищи, начали промышлять каннибализмом. Было много мертвых. Сян помогала раненым. Искусанные вшами, пораженные инфекцией солдаты были благодарны ей, а некоторые не в силах самостоятельно закончить свою жизнь, просили помочь уйти. Тогда она оборачивала прелую солому в тряпку и, прижимая получившийся тюк к их лицам, молча давила до тех пор, пока их скрюченные пальцы не обмякали в своей последней неге.

Спустя месяц осады посланный гонец принес хорошую

весть. Джунгары согласились дать отход китайскому войску. Но только они начали отступать, как хитрые Джунгары нарушили данное ими обещание и вырезали без остатка ослабленных китайцев, вихрем сметая тех в чистом поле.

Во время бойни Сян спряталась под повозку. Мертвые тела падали со всех сторон. Она вжалась в землю, готовая принять смерть. Но смерть не шла. Когда все закончилось, и остались только хрип и стоны умирающих, противник ступил на поле, добывая раненых и собирая трофеи.

– Эй, – кто-то осторожно тронул ее за плечо, – не бойся.

Сян подняла глаза. Перед ней стоял мужчина. Красная накидка, обернутая желтым шарфом, спадала с плеч. Голова его была чисто выбрита, а голубые глаза внимательно разглядывал девушку.

– Все кончено, – улыбнулся он, – с тебя хватит.

Может ей послышалось, но в памяти отпечатались слова: «Ты больше не должна. Не должна. Долг выплачен. Выплачен. Пойдем!» И она пошла. С тех пор она не произнесла ни слова. Высоко в горах, разделяя скромный монашеский быт, Сян обрела покой.

Так медальон оказался в Тибете, где спустя двести с лишним лет немецкий солдат Якуб принял его во временное пользование, чтоб по прошествии еще семидесяти лет, пусть и не по своей воле, передать его молоденькой путешественнице из Смоленска, студентке медицинского института, Ане.

Глава 14

*Кабардино-Балкарская республика, Баксанское ущелье
Лето 2022 года*

Спускаясь от Терскола, наша белая Алмера петляла по недавно отремонтированному серпантину горной дороги, почти синхронно повторяя русло реки Баксан. Было темно. Я аккуратно огибал повороты, соблюдая скоростной режим. За ночь, на асфальт могли скатиться еще не убранные дорожной службой камни, или заплутавшая корова, вовремя не загнанная в стойло, может сонно прогуливаться вдоль разделительной полосы. Думая об этом, я вспомнил один разговор...

Год назад, отдыхая в центральном Дагестане, мы остановились перекусить в районе села Чох. Правильнее сказать, нас остановили. Когда мы проезжали мимо пахоты, местные ребята, сажавшие картошку, позвали присоединиться к их пикнику. Постелили покрывало, разложили еду. Разговорились. Я спросил про животных, вальяжно гуляющих на дороге. Веселый мужик в советских кирзовых сапогах и с характерным гортанным акцентом рассказал, что у них принято так: если водитель сбивает домашний скот днем, то это его вина, и он выплачивает ущерб хозяину животного, а вот если такое ДТП происходит ночью, водитель вправе забрать сбитый трофей на мясо, так как виноват фермер, не загнавший свой скот на ночлег.

Вообще мне нравится логика горцев. В ней есть спра-

ведливость. И хоть у ребят в девяностые сложилась не самая лучшая репутация среди жителей центральных регионов страны, поверьте, оказавшись в диалоге с горцем (настоящим горцем, не обязательно с поломанными ушами и делающим «ауф» при виде мини юбки), вы проникнитесь их простой мудростью и отношением к жизни. Вращая руль среди скальных хребтов, я в очередной раз задумался о переезде на Кавказ.

На парковке стояло несколько джипов представительского класса. Тонированные стекла и номерные знаки, преимущественно сложенные из трех одинаковых цифр, говорили о непростых гостях.

– Добрый день, – выходя из железного фургончика, поздоровался мужчина.

– Здравствуйте.

– Стоянка двести рублей, – поставил нас в известность сторож.

– Ясно, – улыбнулся я, не став уточнять официальность данного бизнеса.

Протягивая деньги, я махнул головой в сторону «крузак-ков».

– Важные гости?

– Да. Наши каких-то узкоглазых привезли. То ли политики, то ли бизнесмены. Кто их разберет! Вы с ночевкой? Вернетесь когда?

– Завтра. А вы случаем девушку не видели? Светленькая, лет двадцать с небольшим. Красная куртка.

– Нет, не видел. Много их тут ходит. Всех не упомнишь. Популярное стало место.

Припарковав машину поодаль от склона, достав из багажника рюкзаки, проверив в десятый раз, все ли на месте, мы были готовы начать наше маленькое приключение.

– Ну что? Пошли? – бодро спросил я.

– Да, – с ноткой сомнения ответила Таня.

Танюшка не была трусихой. Всегда соглашалась на любые авантюры. Ее любопытство во много раз превосходит страхи, не давая им шанса отказаться от предложенной затеи. Пусть в глубине души, чувствуя опасность, голосовые связки и могли выдать волнение хозяйки, но не более того.

Постукивая трекинговыми палками по грунтовке, я понимал, что пока это легкая разминка в сравнении с тем, что нас ждет. Плавный подъем дороги уходил в сосновый лес. Солнце только начинало греть, но уже через километр пути чувствовалось, как взмокшая майка неприятно липнет к спине.

Таня ходит медленно, отвлекаясь на съемки фото и видео для своего блога. Мне тяжело подстраиваться под ее темп, поэтому, часто вырываясь вперед, до предела видимости, жду, пока она нагонит. Так и двигаемся, каждый час делая привал.

Сердце и легкие, работают на пределе. Оказываясь в вы-

сокогорье, где уровень кислорода ниже равнинного, организм начинает перестраиваться. Площадь поверхности легких увеличивается, сердце активнее качает кровь, повышается артериальное давление. В первые дни, если делать все правильно и не лезть без акклиматизации выше трех тысяч метров, возможно недомогание, головокружение, слабость, чувство, похожее на обычную простуду. Но если сразу с равнины к облакам, можно и отек мозга получить.

Пешие походы на гору Чегет и к водопаду «Девичьи Косы» дали нам хорошую акклиматизацию. За пару дней прогулок одышка уже не как у стопятидесятикилограммового курильщика, запивающего колой очередной бургер, а вполне комфортное дыхание аэробной нагрузки с достаточно шустрым темпом.

Спустя час мы зашли в сосновый лес. Выкрашенные желтым беседки для отдыха, установленные каждые пятьсот метров, говорили о развитии сервиса. Пару ответвлений грунтовки указателями зазывали в гостевые шале, обещая проживание с лучшим видом на ущелье. Бугристая от корней, но проходимая для джипа дорога не делала трудностей подъезда ленивому туристу.

– Привал, – запивая чурчелу чаем из термоса, сказал я догнавшей меня Тане.

Танька скинула рюкзак и с удовольствием легла на лавку, подставляя лицо лучам солнца, пробивавшимся сквозь кроны деревьев.

– Сколько прошли? – еще часто дыша, стирая пот со лба, спросила она.

Я достал телефон. Связи не было. Имея опыт, я заранее загрузил оффлайн карты. GPS работал стабильно.

– Два с половиной километра.

– А всего десять?

– Да, но дальше тяжелее.

Почитав отчеты туристов, я знал, что скоро дорога сменится узкой тропой, которая поползет по насыпям камней, петляя меж валунов и снежных полей, не желающих таять в тени склонов.

– Будешь? – спросил я, протягивая Тане пакет с едой.

В горах, особенно на восхождении, нужно обязательно иметь с собой карманный перекус из быстрых углеводов. Сухофрукты, конфеты, шоколад хорошо восстанавливают силы и дают энергию. При этом можно не бояться за лишние килограммы. На высоте расход энергии увеличиваться в разы.

– Давай. Хочу попробовать чурчхелу с инжиром, – как всегда, выбрав для себя новое сочетание вкусов, ответила Таня.

Местный рынок богат на сладости. Десятки видов пастилы, варенья, из всего, на что хватит фантазии, орехи, мед, халва, пахлава, щербет и куча других названий, которых я не знаю. Все свежее, натуральное. При желании можно без труда выбрать только из домашнего производства. Конечно, турист смотрит сквозь розовые очки, и, вероятно, я излишне

перехваливаю Кавказ, но в еде и гостеприимстве ему мало равных.

– Здравствуйте! – поздоровались с нами парень с девушкой, проходя мимо. Походная одежда чуть серая от пыли. Альпийские рюкзаки плотно укомплектованы. Уставшая походка и легкая улыбка, предвкушающая теплый душ и мягкую постель, выдавали в них туристов, прошедших пару ночей в горах.

– Добрый день! Вы с озера?

– Да, – чуть сбавив темп, улыбнулись ребята.

– Как там с погодой?

– Поляна без снега. Ночью прохладно, а так, если солнце, то тепло.

– А людей много?

– Вчера пришли какие-то шишки, человек пятнадцать. Мы особо не общались, но по разговорам поняли, что наши китайских инвесторов притащили. Хотят базу отдыха делать, или что-то вроде того.

– Ясно. Короче, скучно не будет.

– Места там много, не переживайте, – отдаляясь крикнул парень.

Передохнув еще минут десять и пофоткав горы, скромно выглядывающие из-за спины прекрасной Танюшки, мы двинулись в путь.

Глава 15

*Кабардино-Балкарская республика, поселок Эльбрус
Лето 2022 года*

– Антон, дорогой! Привет-привет! Как ты? Давненько не виделись! – хлопывая Антонова по спине, улыбался грузный мужчина в деловом костюме, контрастно смотревшимся на фоне горного курорта.

– Павел Юрьевич, рад встрече! Все отлично, живем-поживаем, добра наживаем. – обменялся шутливым приветствием Антон. – Спасибо что пригласили. Действительно, давно не был в этих местах, а ведь отсюда начался, так сказать, мой бизнес.

– Ну, как говорится, всегда рады, тем более что по делу. Ты как? Диночка тебя встретила? Поселила тебя? Все там показала? Как тебе ее задница? А? То-то! Сам выбирал.

Павел Юрьевич – добродушный стареющий мужчина из советских чиновников. После перестройки, переквалифицировавшись в бизнесмены, он удачно приватизировал несколько санаториев, сумев сохранить, а главное приумножить, гостиничный капитал. Обладая природным чутьем, лавируя в росте и спадах экономики, Павел Юрьевич заранее знал, когда и куда нужно сделать правильный шаг, чтоб не только оставаться на плаву, но и стабильно пополнять солидные банковские счета. Вот и в этот раз, предвидя более тесное сотрудничество с востоком и ожидаемое отдаление

запада, он был начеку. Своевременно подготавливая почву, связался с китайскими инвесторами, желающими вложиться в его проект.

– Антоша, ты давай, отдохни с дороги, мне пока надо дела поделать, а вечером посидим спокойно, все обсудим. Хорошо?

Антон знал, что от Юрьича ничего быстро не добьешься. Человек слишком долго прожил в восточной культуре и привык решать задачи так, как ему удобно.

– Хорошо, – согласился Антон, пытаясь сообразить, чем занять свободное время.

Неделю назад Павел Юрьевич в свойственной ему манере позвонил Антону, и не столько спрашивая, сколько ставя перед фактом, высказал свое предложение. «Антоша, – доносился из трубки высоковатый хриплый голос, – там зарыты хорошие деньги. Ты парень надежный, с головой. Не подведешь. У меня сейчас с законом кое-где притертости, а китаезам нужен человек с чистой банковской историей. Так что давай, Катенька утром скинет на почту все бумажки, посмотри, разберись. В субботу жду делегацию из поднебесной. Приезжай. Тебе нужно лично засветиться».

Антон доверял Юрьичу. Именно Юрьич заметил молодого, способного парнишку и подтянул к себе в бизнес. Вот и теперь, получив предложение, Антон согласился не сомневаясь.

Антон знал окрестности как свои пять пальцев. Накатившие воспоминания разбудили в нем романтика. Посмотрев на часы, он решил, что успеет прокатиться до поляны Чегет и подняться на смотровую площадку кафе «Ай». «Интересно, продают ли там еще брусничные пирожки?» – подумал он.

Кабардино-Балкарская республика, гора Чегет

Антон, откинувшись на спинку стула, сидел за столом знаменитого кафе. На смотровой площадке, он был один. Ледник «Семерка» сверкал в свете солнца, контрастно выделяясь белым на фоне цветущих лугов. На противоположной стороне ущелья две вечно снежные вершины Эльбруса, освободившись от налетевшего облака, высились в голубом небе. Зеленое Баксанское ущелье, подергиваясь в мареве горячего воздуха, до горизонта убегало на восток.

В одну из первых командировок Антон привел сюда группу туристов. Это была часть акклиматизации перед восхождением на Эльбрус. Пока они отдыхали, канаткой поднялись местные старшеклассники – подтянутые, спортивные парни и красивые девушки в традиционных нарядах. Молодые люди отмечали последний звонок. Они танцевали и пели. Радость и жизнь переполняли светящиеся глаза ребят. Ритм заводной лезгинки кружил голову. Казалось, что все вокруг пропитано праздником. Было приятно видеть, что веселье

может обходиться без алкоголя, сигарет и наркотиков; что кружиться в танце можно, гордо вскинув голову к чистому небу, а не пьяно перебирать ногами по липкому танцполу душного клуба; что девушка скромно отводит глаза, боясь показаться слишком доступной; что мужчина чувствует себя мужчиной, и сила в правде, как говорил известный герой кинофильма. Недаром на Кавказ тянулась вся творческая элита, начиная от Пушкина с Лермонтовым, заканчивая Высоцким. Они чувствовали мощь, основу и оголенную истину этих мест, дающих вдохновение.

Антон сидел, чуть прикрыв глаза, и слушал тишину. С тех пор много воды утекло. Много мутной воды, несущей слезы, боль и страдания. Он достал пластиковую тубу с белыми капсулами. Посмотрев на часы, положил капсулу в рот и запил кофе.

Уже несколько месяцев, он принимал лекарства. Филипп, французский психиатр, отлично знал свою работу. Деньги могут многое, а большие деньги могут все. Филипп брал наличные и не задавал лишних вопросов. Встречи были анонимными. Антон полностью ему раскрылся. Не сразу. Сначала беседы тянулись, и вот спустя несколько месяцев Филипп знал его историю. Знал их всех. Теперь это не было только его, Антона секретом. Теперь он мог переложить тяготивший душу груз на кого-то. Поделиться. Попросить помощи. И Филипп помогал.

Сегодня, сидя здесь, Антон словно вернулся в начало. За-

мкнул круг. Он понял, он решил. Это конец. Точка. Их останется четырнадцать.

Кабардино-Балкарская республика, поселок Эльбрус

В общем, Антоша, ты понял, – развалившись в кожаном кресле, подвыпившим голосом сказал Павел Юрьевич, – завтра мы гуляем китаез здесь, а на следующий день ты ведешь их к озеру. Я, конечно, мог бы заказать вертушку, но пусть ножками походят, проникнуться, так сказать, нашей природой.

– А что с землей? Там же заповедник? – спросил Антон.

– Да с землей все нормально. Ты же в курсе: там поговорил, тут занес. Короче, проблем не будет. По проекту получается эко-гостиница. Чувствуешь мощь приставки «эко»? – расплылся в довольной улыбке Юрьич.

Антон кивнул. Занимаясь бизнесом не первый год, он знал, можно любой запрет упаковать в красивую юридическую обертку, предварительно купив расположение компетентных людей. В конечном счете вопрос всегда сводился к цене. Просто бывает слишком долгий срок окупаемости, несоизмеримый с аппетитами чиновников. Но в расчетах Юрича Антон не сомневался.

– Хорошо, – согласился Антон.

– Что хорошо? – посмотрел на него Павел Юрьевич.

– Я согласен.

– А, ты про это. Так я не давал тебе выбора Антоша. Ты уж прости старика, но опыт чекиста заставил немного на тебя покапать. Сам понимаешь, время такое. Сейчас одно слово уже ничего не стоит. Нужно иметь что-то в довесок. И вот что забавно. С одной стороны слово, сказанное в современном мире, – пустой звук, а с другой, если это слово доверить кому-то в виде тайны, получится ценный продукт, который можно купить или продать.

Антон непонимающе уставился на Юрьича, поймав хитрый взгляд обрюзглого лица с синюшными мешками глаз. Он смотрел трезво и колко, впиваясь в сознание Антона.

– Антоша, я никогда не доверял этим психопатам, в смысле, психологам. Приходят к ним, ноют как бабы, а те, развесив уши, за приличные бабки дают советы, которые бесплатно, БЕС-ПЛАТ-НО, – по слогам повторил Юрьич, – прописаны в Библии. Я вот думаю, когда-то церковный поп покумекал и решил: а на хера я это все слушаю? Буду брать с этих баранов бабло. И вуаля, понеслась манда по кочкам. Да здравствует новая профессия!

Антон сидел замерев. Он начал догадываться к чему клонит Юрьич.

– Французам? Так тем вообще верить нельзя. Хитрожопые и скользкие, как их любимые лягушки. А ты, идиот, нашел кому выплакаться. Это хорошо, что мои люди первыми поговорили с Филиппком. Он, кстати, хотел продать тебя силовикам.

Холодные струйки пота стекали по спине Антона

– Ты не ссы, я сам иногда Диночку плеткой балую. У каждого свои... э-э-э-э ... скелеты в шкафу. Клеопатра, так та вообще после каждого шпили-вили убивала любовников. А аппетиты у красотки были неслабые. Формально все должно висеть на тебе. Все контракты и бабло. Вот я и решил подстраховаться. Так что теперь твои яйца в моих надежных руках.

***

Филипп, сука! – бросив мобильный на кровать, сквозь зубы процедил Антон.

В телефоне монотонным голосом автоответчик предлагал оставить сообщение. Мысли путались. Замешательство сменила ярость вперемешку со страхом. Сотни вариантов развития событий крутились в голове. И ни в одном из них не было положительного исхода. «Все бросить? Бежать? А дети? Наташка? Одному еще получится исчезнуть, но без семьи он не сможет. Без семьи он сгорит, сожрет себя изнутри, – перебирая возможности, судорожно выхватывал из вороха головоломок очередную идею Антон. -

Оставить как есть?»

Антон понимал, что, попав на крючок шантажа, он уже не соскочит с него. Теперь его всегда будут использовать. Он стал заложником собственных жертв, сжимающих в мертвых

объятиях – пусть и чужими руками – его свободу. Над ним висел даже не Дамоклов меч, над ним парила бетонная плита весом в сотни тонн, готовая в любой момент обрушиться ему на голову.

Антон до боли сдавил виски. Юрьичу он был нужен. Значит есть время подумать и найти способ все исправить.

Мини бар гостиничного номера пестрил разнообразием алкоголя. Скользя по нему взглядом, Антон усмехнулся. Он никогда не понимал людей, которые в отчаянные моменты хватают стакан. Когда важно оставаться в трезвом уме, эти слабаки сдаются, дурманя остатки мозгов алкогольным маревом. Антон выпивал редко, немного и чаще за компанию, чтоб не быть белой вороной. В трудные минуты он полагался на себя и на ту, которая была надежным тылом.

«Натуська, привет!» «Привет, что-то случилось? Мы уже спать ложились», – чуть хрипло пропел динамик мобильного. «Все хорошо, просто устал. Хотел услышать твой голос». «А-а-а. Представляешь, Димку сегодня из садика днем забрала. Позвонила воспитатель, сказала, температурит и тошнит. Ольку в аптеку послала за лекарствами, а то у нас все позаканчивалось. Сейчас вот сбили немного, а то до тридцати девяти поднималась. Завтра доктора будем вызывать. Как бы не ротавирус какой. Мне в моем положении еще не хватало подцепить такую заразу!» – Наташка щебетала в трубку телефона, позабыв о сне. Он изредка что-то спрашивал,

поддакивал, отвечал коротко. Ее голос успокаивал. Прикрыв глаза, он почти ощущал ее тепло и родной запах, так же как тогда, в девятом классе.

Его выгнали из школы. Даже не выгнали, а попросили уйти, написать заявление на перевод в другую школу. В полтасовке Антон навешал сыну завуча, справедливо заступившись за одноклассника, которого тот шпынял. В итоге директор, замяв дело, вызвала Антона в кабинет и как равному объяснила ситуацию.

Напоследок она сказала, что так устроен взрослый мир, что справедливость не всегда побеждает и что она его, Антона, понимает и поддерживает. А еще она сказала, что репутация школы для нее очень важна и что ей не хочется доводить дело до детской комнаты милиции. Поэтому она согласилась на условие завуча – исключить Антона из школы.

В новой школе он наплел историю про футбол. Что ему удобнее учиться здесь, так как секция находится рядом, и по времени он будет успевать на тренировки.

И вот Антон стоит у доски просторного кабинета, неловко переминаясь с ноги на ногу. Учительница официально знакомит его с новыми одноклассниками, предлагая пока что сесть за парту к Наташе, старосте класса.

– Наташа поможет тебе первое время вникнуть в учебу, – подталкивая робкого Антона, говорит Елена Николаевна.

Под любопытные взгляды старшекласников и строгие взоры светил русской поэзии и прозы, подвешенных в золоченые рамки периметра класса, Антон неловко бредет к третьей парте первого ряда.

– Привет, – неловко здоровается Антон.

– Привет, – звонким голосом, чуть улыбнувшись, отвечает Наташа.

Длинные русые волосы заплетены в толстую косу, перекинутую вперед через плечо. Большие глаза, взглядом кошки смотрят спокойно, с любопытством, завораживая своей изумрудной зеленью. Впадинка над верхней губой делает рот чувственным, подчеркивая тонкость характера. От острого носика по щекам рассыпаются веснушки. На щеках ямочки. Прямая осанка отличницы. По-пионерски рука на руку. Все это Антон мог бы описать сейчас. Тогда же он не обладал достаточным словарным запасом. Тогда говорили просто, «втюрился». «Наверное, все-таки ямочки», – смеялся позже Антон, отвечая на Наташкин вопрос, что ему в ней понравилось больше всего, и от его ответа ямочки на щеках жены становились еще больше.

Она была красива, но не кукольной красотой Барби. В сравнении с пластмассовым гляncем журнальных моделей это была красота нежная, добрая, живая...

Антон втиснулся между столешницей и стулом, стараясь ничего не задеть. Чувствуя себя слишком зажатым и неук-

люжим рядом с Наташей, он и сейчас, спустя столько времени испытывал робость перед ней. Антон боялся спугнуть свое счастье, не понимая, как вышло, что Наташка захотела быть именно с ним.

Глава 16

Англия, пригород Лондона

1615 год

Тайлер изо всех сил тянул веревку, больно вгрызавшуюся в ладони. Плетеный конский волос резал кожу, но мальчик терпел. Стряхнув закатанные рукава рубахи, он обернул ими снасть, удерживая натяжение.

– Папа, – громко позвал он.

Колокольчик, привязанный к донке, дребезжал так же, как голос парнишки, поддернутый выбросом адреналина от внезапной поклевки. Мутное мелководье Темзы рябило всплесками огромной рыбы, борющейся за свою жизнь. Сом, вышедший покормиться из своей ямы, еще совсем вялый после зимы, уловил запах поджаренной на костре лягушки. Обрадовавшись легкой добыче, так резко и приятно источающей аромат, сам того не ожидая, угодил на костяной крючок и теперь отчаянно сопротивлялся, доставляя Тайлеру дикий восторг.

– Держи натяжение! – крикнул папа и прыгнул в воду. Рыбина заметила взмах дубинки, и сознание сома померкло,

так и не поняв, что охотник стал добычей.

Сом был ростом с Тайлера. Огромная гладкая туша блеснула на траве, уставившись мертвыми глазами в синее небо, такое нечастое для Лондона. За все утро ни одной поклевки, а тут на тебе, сразу королевская рыбина. Папа с характером моряка, закаленным трудностями, обычно суровый и скупой на эмоции, радовался как ребенок, то теребя Тайлера по лохматым волосам, то подбегая к рыбе, ворочал ее с боку на бок.

– Сегодня-то на ужин! А? Это мы с тобой дали, старичок! Вся улица обзавидуется. Да что там улица, весь Лондон! Утром нос этому Уиллу, пройдохе хвастливому. Пусть в следующий раз не разводит руки! Не хватит ему длины своих культяпок, сравнить то с нашим сомиком! – тараторил Оливер, сверкая рыжей щетиной.

Сложив снасти и решив, что на сегодня они поймали самую большую удачу, которая только могла обрушиться на их головы, моряк торгового флота Оливер и его одиннадцатилетний сын Тайлер бодро шагали по мостовой в направлении дома.

– Элли! – подходя к дому, прокричал в открытое окно Оливер, – готовь свои нежные ручки! Сегодня придется знатно повозиться!

Элино́р, хрупкая женщина средних лет с острыми чертами лица, застыла в чуть наигранном изумлении.

Жили они не бедно. Морское жалование Оливера позво-

ляло покупать на рынке лучшую еду, включая все виды рыбы. Оттого рыбина, гордо свисающая с плеча мужа, не вызвала в ней ровно никаких чувств. Но, будучи настоящей женщиной, Элли любила потешить самолюбие своих мужчин. Подыгрывая им в значимости утреннего улова, вскинув руки к лицу и покачивая при этом головой, она принялась театрально причитать, что никогда в жизни не видела такого гиганта и что этот сом вовсе не сом, а самый настоящий кит. В душе же Элинонор предвкушала несколько часов не самой приятной работы на кухне.

Ближе к вечеру, вдоволь нахваставшись перед всеми друзьями и знакомыми, Оливер отнес подсохшую тушку рыбы на кухню, заняв ею весь разделочный стол.

– Ты же вытащишь потроха? – спросила мужа Элинонор. – А то мне дурно становится от одного вида этих кишок.

Оливер уже было открыл рот, слету придумав несколько отговорок, но Тайлер его опередил.

– Можно мне? – влез Тайлер.

– Только аккуратно с ножом. И кишки в горшок положи, кошкам отнесу, – одобрила Элли.

Тайлер, от усердия высунув кончик языка, точными движениями острого ножики вспарывал живот сома. Папа наказал быть очень внимательным, чтоб не порезать желчный пузырь, иначе пролившаяся желчь испортит вкус мяса. Вот он почти добрался до головы. Вот большая бурая печень. А

вот и пузырь, мутно зеленый, противный, как осенние сопли. Еще чуть-чуть. Готово. Ногой подвинув глиняный горшок ближе к столу, двумя руками потянул он скользкие внутренности. Кишки легко вышли из пуза рыбыны. Хорошо, что Тайлер заранее подставил емкость: склизкая масса норвила вывалиться, просачиваясь сквозь пальцы. Она мерзко шмякнула о дно горшка, насторожив Тайлера неожиданным металлическим призвуком. Сунув руку в противное месиво, Тайлер принялся перебирать скользкую массу.

Он рассматривал серебряный кругляшек, так похожий на шиллинг. Но Тайлер был взрослый и знал, как выглядят монеты Англии под правлением его величества Якова I. Очистив жестянку от слизи, Тайлер заметил бугорок с отверстием. «Амулет», – сразу понял мальчик, вспомнив сказку, которую мама часто рассказывала ему в детстве перед сном.

В той сказке злая ведьма околдовала жителей деревни, заставив делать все, что ей пожелается. И только один маленький мальчик не поддался чарам. У него был волшебный медальон, который он носил в мешочке на шее. Храбрый паренек притворился одурманенным ее черным волшебством, и, когда выдался удобный случай, мальчик столкнул старую ведьму с обрыва в океан, освободив от ее чар всех людей.

Тайлер, воодушевившись сказкой, тоже сделал себе такой мешочек. Сунув в него серебряный пенни, подаренный папой, уже не первый год носил он кожаный кисет на шее. Вот и сегодня, обнаружив в желудке сома необычную кругляш-

ку, Тайлер не сказав никому ни слова, положил медальон в нагрудный тайник, где помимо пенни, были припрятаны сушенная голова летучей мыши и найденное им золотое кольцо, которое он непременно вручит своей будущей жене.

Юго-Восточный Китай

– Эй Тайлер! С днем рождения! – пьяно проорал Энтони, выплескивая вонючую байцзю из маленькой чашечки.

– Да пошел ты! – еле ворочая языком, развалившись на диване среди цветных подушек, прохрипел Тайлер.

После осады Кантона прошло три года. Англия закрепи-лась в Китае, налаживая торговлю морем. Великий шелко-вый путь изжил себя. Монгольской империя, распавшись на множество враждующих племен, досаждала грабежами и разбоем купеческих караванов, заставляя европейцев искать иные пути связи с востоком. Тайлер, шедший по стопам от-ца, долго не думал, когда ему предложили отправиться к чер-ту на кулички. Двадцать лет стажа на различных кораблях, включая становление Ост-Индийской компании, сделали из юноши настоящего моряка, бесстрашного, решительного, не ломающего голову, когда предлагают хорошие деньги.

Сегодня ему тридцать шесть. Желтокожие проститутки писклявыми голосами щебетали из всех концов портового борделя, выманивая деньги пьяных моряков. Тайлер не ску-

пился. Он умел и любил гулять на широкую ногу. Злаковая водка лилась рекой. Стол ломился от закусок. Друзья то и дело выхватывали узкоглазых девок, отлучаясь ненадолго в верхние комнаты. Тайлеру же было на них наплевать. Он вторую неделю ходил сюда каждый вечер, чтоб увидеть ее. Он ее покупал, он был с ней, но не обладал ею. Ее улыбка и отрешенный взгляд пленили душу моряка. Она почти не говорила, да и как можно разговаривать, не зная языка друг друга! Но что-то в ней влекло. Загадочное смирение, покорность и в то же время холодный огонь темных глаз зачаровывали, маня к себе снова и снова.

Его судно было готово к отправке. Всю неделю грузили товары: пряности, шелк, фарфор, бумагу, порох. Трюмы забились до отказа. Сегодня последняя ночь, завтра в обратный путь. Тайлер не хотел терять время. Пошатываясь, он встал из-за стола и, расталкивая обмякшие тела товарищей, направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Он знал, она пойдет за ним.

Все случилось как обычно. Погружаясь в сон, Тайлер слышал, как она, соскользнув с подстилки, скрылось за ширмой. Он знал, за ширмой прячется ее маленькая дочь. Он слышал, как они тихонько шепчутся, думая, что Тайлер спит пьяным забытием.

Ему снилось детство. Вот они с папой затемно идут на реку, порыбачить и провести время вместе. Он так счастлив.

Он скоро станет юнгой. Папа обещал взять к себе на корабль. Вот его первый шторм. Несколько человек смывает в море, а Тайлеру чудом удается спастись: он цепляется шнурком, висющим на шее, за выступ фальшборта, как висельник, болтаясь и синея от удушья. Вот его невеста. Он ее не любит, но так решили родные. Она хилая и некрасивая, при первых же родах умирает, оставляя миру двух прекрасных малышей, в точности похожих на Тайлера. Вот стареющие родители. Сначала уходит мама. Через год, быстро сторев от потери любимой, умирает отец. Вот его жизнь катится без смысла. Он прозябает в морях и борделях, напоминая себе о былом беззаботном счастье маленьким мешочком с детскими вещицами, подвешенным на шее кожаным шнурком.

Рассвет, пробиваясь сквозь оконные ставни, скользнул лучом по лицу Тайлера. Жмурясь от солнца, Тайлер открыл глаза. Инстинкт сработал мгновенно. Наученный сотнями стычек, он перехватил рукоятку ножа и наотмашь полоснул в сторону, где должен был стоять нападавший. Он угадал. Лезвие приятно замедлило движение, тягуче рассекая вязкую плоть. Кто-то тонко пискнул, и с шумом упав, быстро застучал коленками по полу, удаляясь от него. Тайлер вскочил на ноги. В сумерках комнаты, он увидел девчущку. Забившись в угол, она сидела, поджав коленки к подбородку. Глубокий порез рассек наискось детское лицо, лишив малышку глаза. Он попятился назад. Он испугался. Выбежав из спя-

щего борделя, Тайлер поспешил на корабль, спьяну так и не поняв, что девчушка украла талисман, срезав ножиком шнурок с его шеи.

Корабль отчалил в полдень. Пьяное похмелье отпустило Тайлера ближе к вечеру. Как и всегда после попойки, Тайлер пообещал себе завязать с пьянством. Он не верил своим обещаниям, но в этот раз ему выпало сдержать свое слово. Через сутки налетевший шторм, разбил судно о скалы, поглотив заморские товары вместе со всей командой и Тайлером, лишившимся своего детского оберега.

Спустя пятнадцать лет, китайский чиновник среднего звена Чжан, проявив милосердие от радости по случаю рождения долгожданного сына, купит услуги одноглазой девушки со шрамом, вручив ей обязанности нянчиться с малышом Веньяном, будущим военачальником и грозой Джунгаров.

Так медальон попадет к Сян, переданный ей в дар сгорбившейся, морщинистой служанкой, некогда лишившейся глаза от руки английского моряка Тайлера.

Глава 17

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Август 1942 года*

– Савелий, ты это, давай пока ничего не трогай. Глядишь, пригодится. Ихним же оружием и бабахнем если что. Рапорт подготовь, товарищ подполковник сам решит, как быть, – по-

жевявая самокрутку, отдавал распоряжение старший лейтенант Сидоренко, командир отряда диверсантов.

– Есть, – согласно субординации, но не слишком официально интонируя, ответил сержант Савелий Максимов, специалист по минированию и подрывному делу.

– Значит, тоннель, говоришь, прорубили? – посмотрев на немца, сплюнул под ноги Максимов.

Этот год был жарким. Горное озеро наполнилось талой водой до самого выступа, перетекая через него быстрой речкой. Левее от озера, где скальный хребет создает естественную плотину, зияла черная дыра диаметром полтора метра. Тоннель уходил в направлении водоема. Стены проема с острыми зазубринами необработанного после подрывных работ камня цепляли одежду, норовя продырявить и без того латаную униформу солдат.

Подсвечивая дорогу фонариком, через пятьдесят шагов Максимов вошел в грот. Небольшая ниша вдоль стен от пола до потолка был уставлена ящиками с взрывчаткой. Тротильные брикеты, завернутые в бумагу, ждали своего часа, чтобы снести перегородку из камня, освобождая сокрушительную массу воды.

– Херовы гномы! – выругался Савелий. – Ничего, скоро под вашим сраным Рейхстагом, побольше-то тротильчика заложим, в космос полетите, – шептал Максимов, отсоединя проводку детонаторов.

– Готово, товарищ Старший лейтенант. – спустя час, доложил Максимов, поднимаясь к поляне, где отдыхали бойцы. – Все оставил как есть, только детонаторы убрал. Без них не рванет. Пещера сухая, взрывчатка хоть сто лет пролежит, ничего с ней не будет. Умеют все-таки фрицы делать.

– Молодец, Савелий! Бери пленных. Заложите камнями проход. Так сказать, на всякий случай, от посторонних глаз. Оставлять мы здесь никого не станем. Пусть подполковник присылает своих людей. Нам и без того есть чем заняться. После обеда выдвигаемся, – устало сказал Сидоренко, получив задание срочно прибыть в пункт сбора. Он еще не догадывался, что через пять месяцев станет участником штурма самой высокой горы европейской части континента, на вершине которой позорно падет знамя Третьего Рейха, и гордо водрузиться флаг Страны Советов.

Глава 18

*Кабардино-Балкарская республика, поселок Эльбрус
Лето 2022 года*

По телеку показывали «Брата два». Мысли хаотично путались в голове Антона, никак не желая складываться воедино.

– Данила, в чем сила? – задумчиво произнес Антон.

– Что? – спросила Дина, нежась на накрахмаленных простынях большой кровати гостиничного номера.

Их одежда, как в приторных музыкальных клипах, валялась на полу. Нажравшийся вусмерть, Юрьич недоглядел-таки за своей Диночкой, которая весь вечер строила глазки Антону.

– Да это я так, сам с собой, – ответил Антон.

– Интересно, Бодров, какой он был? Похож на своего киногероя? – романтично уставившись в потолок, томно пропела Дина. – Настоящая рок-звезда, наверное. Жил ярко, умер молодым... Я бы с ним замутила. А кстати, че с ним случилось-то? Наркотики небось?

– Сель сошел на съемках.

– Кто сошел?

– Диночка, это как лавина, только вместо снега поток грязи вперемешку с камнями...

Антон запнулся на полуслове. Решение пришло моментально, выстрелив точно в цель, соединив пазлы головоломки в единое целое.

– Давай, малышка, собирайся. Поздно уже, твой папик расстроится, если проснется, а тебя нет, – вставая с постели, сказал Антон.

– Я еще хотела, – надула губки Дина.

– Давай-давай, мне надо поработать, – Антон собрал чулки и платье и протянул их хозяйке, поторапливая её.

Диана оделась и, цокая каблуками, направилась к выходу.

– Ну и козел ты, – грызнула девушка.

– Мне тоже было хорошо. Пока-пока, – он захлопнул дверь.

Антон присел на край кровати, оценивая задуманное.

Лет семь назад, как только начали появляться первые серьезные деньги, пришла и тревога, спутница любого нажитого богатства. А вместе с ней понимание, что бизнес – это опасная игра, требующая иметь пути отступления: несколько счетов в иностранных банках; сумка с наличными, документами и симками, спрятанная в гараже, оформленном на какого-то забулдыгу. Все как в фильмах про шпионов. Только это не кино, а обычная реальность, где в любой момент всего можно лишиться, попав в поле заинтересованности бандитов, силовиков, а зачастую и тех, и других в одном лице. Наташку с детьми он, конечно, заберет. Только позже, после того как пыль немного уляжется. Да, первое время ей придется несладко, но она сильная. Простит.

***

То лето, когда Антон встретил Аню, выдалось аномально жарким. Пульсация стихла, и на душе было легко, как и всегда после приступа. Так он это называл. Приступ. Прогуливаясь вокруг озера, Антон фальшиво насвистывал Коржа. Еще издалека его опытный взгляд альпиниста заметил кам-

ни, слишком правильно сложенные друг к другу.

В теневой части склона, куда не доставали лучи солнца, прогретый теплый воздух и обильные осадки, принесенные грозовым фронтом, растопили корку снежного наста. Тоннель, десятилетиями скрытый от глаз альпинистов, зиял черным провалом ввалившегося прохода.

Сначала молодого человека воодушевило открытие. Он представил, как дает интервью телевидению и газетам, как репортеры осаждают озеро, как военные оцепляют все вокруг и проводят поисковые работы, как водолазы... Стоп! Водолазы. Вот этого точно не нужно. На дне озера покоился его секрет – милая, наивная студентка Аня. Секрет, который может обойтись слишком дорого, потешь Антон свое тщеславие. К тому времени труп не успеет скрыть следы насильственной смерти, и следователи начнут задавать вопросы. Вопросы приводят к догадкам, а он во всей этой истории находится слишком близко и вряд ли сумеет избежать пристального внимания.

Антону пришлось усердно потрудиться. Он завалил вход булыжником так, чтоб со стороны стало невозможно отличить проделанную работу от ландшафта каменной осыпи. А спустя неделю, холодные ветра принесли снег, укрыв тоннель от посторонних глаз.

Антон догадался, что именно лежит в ящиках грота, и с какой целью создан лаз в скале.

Но для него так и осталось загадкой, почему тоннель не

разминировали после войны. Откуда Антону было знать, что рапорт, поданный старшим лейтенантом Сидоренко подполковнику Куприянову, сгорел во взорванном блиндаже при ночном авианалете, так и оставив килограммы тротила ждать своего часа.

Теперь план стал очевиден. Он подорвет тротил. Пара походных газовых баллонов, детонируют взрывчатку, а свечка даст время уйти подальше от опасного места. Они в детстве с друзьями так взрывали танковые снаряды, найденные при пахоте огорода. Когда свеча догорит до нужного уровня, пропитанная керосином тряпка воспламенится и подожжет емкость с горючим. Получившийся костер нагреет газовые баллоны до критической температуры и сделает большой бабах. К тому моменту Антон успеет уйти через перевал на безопасное расстояние. В суеде никто не обратит на него внимания. Он спокойно доберется до города. Заедет в гараж и под новым именем ближайшим рейсом отправится в Стамбул, а оттуда в Азию примерять тропический климат для ПМЖ. Его сочтут пропавшим без вести. Позже погибшим при сходе селя. А с мертвого и спроса нет. «Так что пусть Юрьич засунет свой крючок себе в жопу! – зло ухмыляясь, подумал Антон. – Спасибо тебе, Бодров Сергей!»

Глава 19

Осень 2022 года

Отрывок из допроса свидетеля

– Давайте продолжим. Назовите, пожалуйста, свои фамилию, имя и отчество.

– Быкова Татьяна Артуровна.

– Дата и место вашего рождения.

– Четвертое апреля тысяча девятьсот девяностого года, город Солигорск, Белоруссия.

– На записи прошлого допроса вы утверждаете, что подобрали попутчицу, представившуюся Анной, по дороге в поселок Терскол.

– Да.

– Анна, в ходе вашей беседы, рассказала вам, что является студенткой медицинского института в Смоленске и что находится в туристической поездке. Верно?

– Верно.

– Можете подробно описать, как она выглядела?

– Светлые волосы. Худая. Чуть ниже меня ростом. Одета в красную куртку. Походные штаны, ботинки. Темно было, я особо не разглядывала, да и к тому же она села сзади.

– Вы сказали, что обменялись номерами телефонов.

– Да.

– Вы созванивались с Анной после того, как высадили ее в поселке Верхний Баксан?

– Да, я ей звонила, но ее телефон был отключен.

– Расскажите, при каких обстоятельствах вы встретили

Анну снова.

– Мы с мужем отправились в поход с ночевкой к озеру, про которое, кстати, Аня нам и рассказала. На поляне у озера стоял палаточный лагерь. Какая-то делегация из Китая. Мы с ними немного пообщались. Они были пьяные. Мы решили встать подальше от них. Поднялись выше, нашли уступ с видом на озеро. Там и разбили палатку. Был уже вечер. После ужина легли спать. Проснулась я от крика. Было темно. Я подумала, мне показалось, но потом четко услышала, что кто-то зовет на помощь. Я разбудила Диму. Мы взяли фонарики и вышли на улицу. С горы спускался человек. Мы пошли ему навстречу. Это оказалась Аня. Она была взволнована и напугана. Толком ничего не могла объяснить. Сказала, что наверху пострадавший. Что подружка сломала ногу, и ей нужна помощь.

– Вы интересовались, как так вышло?

– Да, я спросила, как они там оказались. Аня ответила, что пошла к озеру, а по дороге встретила туристку, и они вместе продолжили путь. На перевале девушка упала, сломала ногу и сильно поранилась. Связи в горах не было. Аня помогала ей идти, пока не начало темнеть. Поняла, что одна не справится. Оставила ее в укрытии, а сама отправилась за помощью на поляну.

– У вас не возникло никаких подозрений? Ничего странного не заметили?

– Нет. В горах всякое случается. Мы не задумываясь по-

шли на помощь человеку.

– Что было потом?

– Аня шла впереди. Мы еле поспевали за ней. Я остановилась отдышаться. Потом взрыв.

– Вы пострадали от взрыва?

– Нет. Меня оглушило, и я испугалась.

– После взрыва вы видели Анну?

– Нет, больше я ее не видела.

– Таня, вы помните полицейского, остановившего вас для проверки документов незадолго до того, как вы подобрали Анну на трассе?

– Да.

– Так вот, в патрульной машине установлена обязательная видеофиксация.

– То есть у вас есть видео, где Аня садится к нам в машину?

– Не совсем.

Следователь положил телефон перед Таней, включив воспроизведение на экране мобильного. Видео с камеры патрульной машины, хоть и не самого высокого качества, но все же с достаточно четкой картинкой, зафиксировало остановку автомобиля по требованию сотрудника полиции. Ниссан Алмера белого цвета, номерной знак девятьсот девять, двадцать шестого региона. Спустя несколько минут после проверки документов автомобиль начал движение. Про-

ехав метров пятьдесят, машина остановилась с зажженными стоп-фонарями, прижавшись к пустой обочине. Через тридцать секунд авто, не совершив ни посадки, ни высадки кого-либо, плавно тронулось дальше.

– Татьяна, – следователь посмотрел на девушку поверх очков, – не было никакой попутчицы.

Отрывок из допроса свидетеля

– Представьтесь, пожалуйста.

– Быков Дмитрий Анатольевич.

– Дата и место вашего рождения.

– Двадцать восьмое сентября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, город Псков, Россия.

– Расскажите, что было после взрыва?

– Я побежал к Татьяне вниз, она немного отстала.

– Насколько немного?

– Метров пятьдесят, я хорошо видел ее фонарик.

– Анна пошла с вами?

– Нет.

– Когда вы спустились, Татьяна была одна?

– Да. Я же все это рассказывал много раз.

– Отвечайте, пожалуйста, на вопросы. Так нужно. После того как вы спустились, вы видели Анну?

– Нет.

– Что было дальше?

– Я услышал выстрелы. Меня ранило. Я упал. Как сказали врачи, я ударился головой и потерял сознание. Больше ничего не помню.

Глава 20

Лето 2022 года

Новости. Свободная пресса. Взято из интернет портала svpressa.ru автор Антон Чаблин.

(Имена и некоторые детали происшествия изменены)

Десять тысяч человек в Приэльбрусье оказались отрезаны от внешнего мира из-за схода грязевых потоков, разрушивших федеральную автодорогу «Прохладный – Азау». Без вести пропавшими числятся 8 человек.

Тысячи тонн воды, увлекая за собой грязь и камни, обрушилась со склона ущелья Сылтран (в переводе «Красивое») на лежащее ниже селение Верхний Баксан, а затем продолжили движение по Баксанскому ущелью. По сообщению республиканского ГУ МЧС, были либо полностью разрушены, либо частично смыты четыре участка федеральной автодороги «А-158».

Поток снес два пешеходных моста, около десяти частных домов и построек, несколько автомобилей. В одном из них находился глава села Верхний Баксан Исхак Кудаяев: он приехал на место стихийного бедствия, и в этот момент дорога обвалилась, а служебный автомобиль чиновни-

ка унесло стремительным течением. Его поиски продолжаются до сих пор, как и еще двух автомобилистов. Подмыта прилегающая территория школы.

Вот как описывают катаклизм очевидцы в социальных сетях: «Управляющий гостевого дома Мусса Темиров и его помощник говорят, что они проснулись от того, что весь жилой корпус качало, как при землетрясении. У них открылись окна и двери от сотрясения, они вскочили, выбежали наружу и увидели месиво из грязи, камней и деревьев, мчащихся по склону вниз».

И еще одно свидетельство: «Несколько жителей поселка утверждают, что слышали взрыв незадолго до того, как произошел сход селя».

Туристы отказываются от эвакуации.

Для движения был полностью закрыт участок автодороги А-158 «Прохладный – Баксан – Эльбрус» с 63-го по 93-й километр. Селевые потоки повредили газопровод высокого давления. Без голубого топлива полностью остались несколько селений: Терскол, Тегенекли, Эльбрус, Верхний Баксан и Нейтрино.

В результате схода селя оказались отрезаны от остального мира пять селений, в которых проживает почти десять тысяч человек (в них, по сообщению МЧС, остались свет и вода). Также были перекрыты дороги к 27 турбазам в Приэльбрусье, где в настоящее время отдыхает 315 человек.

Ущелья Адыл-Су и Сылтран служат началом многих туристических троп, на которых находились более трехсот человек в том числе семеро детей. Всего отрезанными оказались 49 групп. Среди туристов почти половина – иностранцы из 15 государств (США, Бельгии, Франции, Великобритании, Германии, Словении, Австрии, Польши, Малайзии, Китая, Индии, Египта, Болгарии, Молдавии и Украины).

Эвакуировать их на вертолетах в Тырныауз начали уже вчера после полудня: семью рейсами вывезли 114 человек. Причем некоторые туристы от эвакуации отказались: они готовы пешком обойти место схода селя, чтобы взойти на Эльбрус. Ради этого они, собственно, в Кабардино-Балкарию и приехали.

Между тем турфирмы уже продолжают набирать новые группы желающих на экскурсии в горах Кабардино-Балкарии. Региональное управление МЧС еще раз напоминает, что туристические группы (а особенно – одиночки!) обязаны информировать спасателей о своих маршрутах. Так же заранее нужно узнать прогноз, который касается погоды и уровня воды в реках.

Обсерватория РАН обесточена.

В Эльбрусском и Баксанском районах объявлен режим чрезвычайной ситуации, экстренно создан оперативный штаб, который возглавил лично глава региона Юрий Гоков. Для ликвидации последствий катастрофы по тревоге были подняты войска МЧС и Росгвардии Кабардино-Балкарии:

с раннего утра в Эльбрусском районе уже работали почти 350 человек и 30 единиц спецтехники. Пострадавших эвакуировали двумя вертолетами Ми-8.

Для ликвидации последствий катаклизма, как и ранее в Тырныаузе, привлекли солдат 58-й общевойсковой армии Южного военного округа. Вероятнее всего, понадобится помощь военных саперов, чтобы взорвать гигантскую скалу, преграждающую путь для дальнейшей расчистки завалов.

Работать в связке с саперами 58-й армии будут пиротехники Центра по проведению спасательных работ особого риска «Лидер», которых в Кабардино-Балкарию направил лично первый заместитель главы МЧС России Владимир Таранов.

Между тем, Следственное управление по Кабардино-Балкарии уже начало доследственную проверку по факту схода селевого потока в Эльбрусском районе. Участие следователей вполне объяснимо – ведь в результате катаклизма пропали без вести (а возможно, и погибли) несколько человек.

Глава 21

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Лето 2022 года*

Антон обернулся. Его преследовали. Два фонарных луча резали вязкий туман, направляясь за ним по тропе, уходящей к перевалу. Он посмотрел на секундомер. Сорок семь

минут. Вот-вот должен детонировать заряд. Антон скинул рюкзак на землю. Руки дрожали. Заевшая молния среднего отсека никак не хотела поддаваться. Дернув сильнее, собачка отлетала в сторону. Антон достал пистолет. Один фонарь остановился в пятидесяти метрах ниже по склону, второй продолжал неуклонно приближаться. Спрятавшись за выступ скалы, Антон ждал. Взрыв. Сначала он даже не поверил, но мощный грохот вернул самообладание. Антон посмотрел из укрытия. Второй фонарь, нервной дрожью шаркал лучом по камням, ища обратную дорогу. «Слишком далеко. Промахнусь». Подняв голову в сторону спасительной тропы, Антон беззвучно выругался. Стараясь наступать как можно тише, он стал спускаться. Снятый с предохранителя ПМ, купленный для уверенности несколько лет назад, непривычно, но приятно лежал в ладони.

***

Я ощутил сильный удар. Мышцы, потеряв способность сокращаться, обмякли. Уже занесенная для шага нога бесполезно опустилась на землю, не представляя собой опоры. Сначала я подумал, что это камень. Такое уже случалось. Булыжник, даже небольшого размера, пущенный сверху, набрав скорость, легко может увечить, а зачастую и привести к смерти. Но через мгновение я услышал хлопок. Хлопок, который после нескольких лет, проведенных на стрельбищах и

полигонах, не перепутаешь ни с чем.

Все случилось быстро. Мысли мелькали несвязными картинками. Я падал вниз, уносимый инерцией движения тела. Удар. Гулкий шум в голове. Вскрик жены. Меня накрыла чернота.

Таня бросилась ко мне. Теперь я понимаю, что в тот момент это ее спасло. Опустившись к моему телу, она сделалась плохой мишенью, укрытая за неровностями валунов. Рядом чиркнули две пули, высекая искры и каменные осколки. Инстинкт заставил ее бежать. Шаткие камни выскользывали из-под ног, норовя свалить ее на землю. Руки саднили от потеростей и сломанных ногтей, истерично ищущих опору. Дыхание частое, неровное, с хрипом, как у загнанного в ловушку зверя. Глаза, постепенно привыкая к темноте, смотрели широко, не моргая, словно боясь пропустить удар. Фонарь она потеряла, а может, специально выкинула, чтоб ее тяжелее было преследовать. Она этого не помнила. Она бежала вдоль склона, огибая скальный выступ, в надежде укрыться за большими камнями. Таня понимала, сил надолго не хватит. И пока не началась первая заря, у нее еще был шанс спрятаться.

Ее обостренный слух ловил звуки преследования: стук камней, шорох ветрозащитной одежды, судорожный кашель пересохшей носоглотки. Там, дальше, с поляны, слышались крики и шум воды.

Хруст. Таня взвыла от боли. Стопа, скользя с валуна,

встала на излом. Подвернутая лодыжка пульсировала, отдавая острым сигналом в мозг. Наступать на ногу стало невозможно. Адреналин, брошенный надпочечниками в кровь, притупил боль, но для порванного сухожилия этого было мало. Мозг работал в экстренном режиме. Шаги приближались.

***

Антон остановился. Мужчина лежал на камнях. Из виска текла липкая, темная кровь. Проверять, жив он или нет, некогда. Стреляя в фонарь, как в мишень, Антон промахнулся. «Девушка. Ее надо догнать». Он слышал ее шаги, торопливо удаляющиеся по южной части склона. Он пошел за ней. Через пятьдесят метров, обогнув выступ, Антон увидел луч завалившегося в расщелину фонаря. Линза светила в небо, как в знаменитой заставке американских фильмов, на фоне далекой зорьки еще совсем темного горизонта. Он прислушался. Девушка двигалась вниз по диагонали. Деваться ей некуда. Выше начинается сильный уклон, прямо – отвесная скала. Единственный возможный путь – спуск к ручью. Антон подобрал фонарь. «Вряд ли у нее было оружие, иначе она бы им уже воспользовалась». Луч фонаря скользнул по склону, выхватив на миг из темноты красную куртку. Не переставая внимательно осматривать дорогу, он ускорил шаг. Он знал, гладкие камни, обточенные снегом и ветрами, таят

в себе опасность, приведшую к многим смертям неосторожных туристов.

***

Все кончено. Свет становился ярче. Длинные тени валунов, за которыми она укрылась, таяли, словно лед на сковороде. Таня сжала булыжник, единственное оружие, которое у нее было. Самое древнее оружие, самое безотказное. Через мгновение она увидела его. Он держал пистолет и фонарь вместе на манер штурмующего спецназовца, и был готов выстрелить, как только цель появится в свете фонаря. Еще пол оборота и... Луч замер.

Позже Таня решит, что ей померещилось. Померещилась красная куртка, вспыхнувшая на секунду светоотражающей краской. Три шага, хруст мелких камешков... Он совсем рядом. Медлить нельзя. Это ее последний шанс.

***

В глазах Антона потемнело. Пистолет и фонарь выпали из его рук, скользнув глубоко между камней. Антон понимал, что сейчас потеряет сознание. Падая на четвереньки, он ощутил еще один удар. Машинально выбросив руку вперед, он все же смог ухватить край куртки нападавшего. Антон изо всех сил дернул на себя. Получилось. Противник, потеряв равновесие, полетел на камни. Девушка. Истошный

крик вернул Антона к реальности. Оттолкнувшись от скалы, он навалился на девушку сверху. Пальцы сжали ее шею. Антон с силой ударил лбом ей в лицо и услышал, как хрустит ее ломающийся нос. Пульсация усиливалась. Рыча словно зверь, Антон чувствовал, как к нему возвращаются силы.

***

Воздух закончился, изнутри выжигая легкие углекислым газом. Таня почти слышала, как лопаются капилляры, заливая красным белки глаз. Кровь, стекающая из сломанного носа в горло, заставляла судорожно дергаться, поддаваясь рвотному рефлексу. Таня вцепилась обломками ногтей в его запястья. Они держали намертво. В темноте его лицо не было похоже на лицо человека, оно скорее напоминало африканскую маску. «Все! Это конец!» – подумала Таня, чувствуя, как слабеет тело». Сознание меркло, таща за собой в вязкую темную топь. Неожиданно его пальцы разжались.

– Ты? – произнес он, смотря куда-то поодаль.

Таня ощутила его испуг. Испуг липкий, холодный, цепенящий. Как дикое животное слышит запах адреналина своей жертвы. «Это шанс!» Таня выплюнула кровь. Глубокий хриплый вдох. Из последних сил собрав остатки воли, она направила точный удар коленкой между его ног.

***

– Хватит, – сказала Аня.

– Ты? – Антон не верил глазам. Перед ним стояла Аня. Его третья. Студентка, с которой он познакомился здесь, на озере, много лет назад. Несмотря на темноту, соленый пот, резавший глаза, пьяное сознание, охваченное запахом крови, он хорошо сумел ее разглядеть. Та же красная куртка, шапка с помпоном и надписью «Эльбрус». То же наивное выражение лица, подернутый острый носик, волосы... Только взгляд другой, твердый, решительный. Взгляд приказывающий, не терпящий возражений. Аня стояла в десяти метрах от них. Тьма отступала от ее фигуры. Ее окружал ореол света. Аня была словно ангел, явившийся освободить его душу.

Антон ощутил удар. Самый больно удар для мужчины. Резкий прострел внизу живота заставил разжать руки. Он завалился на бок. Последнее, что он помнил, это обломок булыжника, брошенного ему в лицо. Первый же джеб оборвал его жизнь, и Антон уже не мог знать, что еще минимум десять таких ударов превратят его голову в месиво из сломанной черепной коробки, гранитной пыли, мозгов и крови.

Таня била до тех пор, пока последние силы не оставили ее. Лежа рядом с трупом Антона, так и не выпустив острый камень из рук, она смотрела в светлеющее небо, на краю которого рокотом двигателей появился первый вертолет.

Осень 2022 года

Отрывок из допроса свидетеля

– Татьяна, вы знаете, кто и почему на вас напал? – продолжил следователь.

– Думаю да, но в момент нападения, я понятия не имела, почему так случилось.

– О чем вы догадываетесь сейчас?

– Взрыв и человек, который... – Таня запнулась.

– Которого больше нет, – помог ей адвокат, присутствовавший при допросе.

– Да, наверное, между ним и терактом есть связь. Это же теракт?

– Продолжайте.

– Я думаю, мы оказались на его пути, и он решил от нас...

– Таня вновь остановилась, ища нужное слово, – решил от нас избавиться, – тяжело выдохнув, закончила она предложение.

– Вы говорили, что Анна убежала вперед, пропав из виду.

– Да, муж шел следом, я сзади.

– Что случилось с Анной?

– Не знаю. Может на нее тоже напали? Я ее больше не видела, – ответила Таня, умолчав про померещившуюся красную куртку.

– Мы нашли Анну.

– Да? – обрадовалась Таня, – С ней все в порядке?

*Приэльбрусье, высокогорное озеро Сылтранкель
Лето 2022 года*

Аня сидела на том самом выступе, с которого девять лет назад Антон толкнул ее тело в воду. Как и тогда светило солнце. Как и тогда поляна была устлана цветами, а горные пики спокойно и величественно смотрели в синее небо, так непривычно потревоженное вертолетами. Вокруг снова ли люди в форме. Суеты не было, и мельтешение несильно отвлекало Аню от любования красотами природы.

Внизу работали криминалисты. После взрыва уровень воды упал на несколько метров, открыв взгляду донную ложбину. Аня видела, как полицейский, присев на корточки, фотографировал останки. Достав зип-пакет, он аккуратно положил в него браслетик, снятый с кости ее руки. В свете солнца блеснувший медальон, словно подмигивая на прощанье, отправился в чемоданчик для передачи на экспертизу. Ане стало хорошо. Впервые за долгое время она почувствовала покой. Ощутила легкость тела и обволакивающее тепло, исходявшее изнутри.

Солнце светило все ярче, заставляя Аню жмуриться. Аня улыбалась. Она стала похожа на себя с детской фотографии. Тогда родители подарили ей на день рождения милого щенка. Она светилась. Светилась буквально. Ее сознание уплывало все дальше из этого мира, в котором она оказалась заложником. Ее призрак таял, освобождая душу от бремени

свершенной мести. Она прошла свой путь.

Глава 22

Смоленская область

Осень 2022 года

Осеннее солнце еще пригревало. Только закончившееся бабье лето первыми ночными заморозками постепенно окрашивало листья в желтый цвет. Высокие березы стояли по бокам аллеи и шелестели на ветру, уже достаточно промозглом, чтоб заставить кутаться в пальто и куртки собравшихся людей.

Светлана Владимировна и Анатолий Дмитриевич стояли молча. Даже Настька, переживающая гормональный всплеск подросткового возраста, сделавшаяся в последний год ершистой как карась, приобняла маму, уткнувшись носом в ее теплое, мягкое плечо. Двое кряжистых мужиков работали лопатами, аккуратно ссыпая песчаный грунт на бархатную обивку гроба. Не было криков. Не было слез и причитаний. Родные все уже пережили, все выплакали.

Когда позвонили из полиции, Светлана Владимировна сразу догадалась, что пришли вести о старшей дочери. В ту ночь ей снилась Аня. Снилась впервые за долгие девять лет.

Анютка улыбалась, гуляя по цветущему лугу, залитому ярким светом. Она была счастлива и весело махала рукой,

будто зная, что мама за ней наблюдает. Сон искрился нестерпимым сиянием, и в какой-то момент Светлана Владимировна открыла глаза, щурясь от утренних лучей, заполнивших золотом всю спальню. С детской фотографии, стоявшей в рамке на комод, на нее смотрела Анечка, радостно прижимавшая к себе маленького мопса.

Мужики, закончив работу, отошли в сторону, надежно присыпав деревянный крест, так, чтобы он простоял положенный год до момента установки гранитного памятника. Потянулись венки, пусть и не с такими пафосными надписями, какие бывают при скоропостижном горе, но честные и полные скорби. Друзья и близкие густо заложили светлый бугорок насыпи цветами. Кто-то зажег лампадку.

Сначала следователь не хотела отдавать личные вещи Ани. Но, сжалившись над пожилой женщиной, разрешила забрать памятную мелочь, вряд ли имевшую ценность в расследовании.

Светлана Владимировна, нащупав в кармане браслет, крепко сжала его рукой. Эйфелева башенка больно впиалась в кожу. Когда близкие начали потихоньку разъезжаться, Светлана вынула бижутерию. Присев на корточки, она положила безделушку в изголовье могилы.

– Доченька, твое сердечко всегда было в дороге. Ты это любила. Так пусть этот путь станет твоим новым путеше-

ствием, – прошептала мама.

Жизнь продолжалась.

Глава 23

Смоленская область

2012 год

Валера, по кличке Будулай, бежал к машине быстрее всех, несмотря на отсутствие пальцев на правой ноге. Ему их ампутировали прошлой зимой из-за обморожения. Сказывалась спортивная подготовка в прошлом физически крепкого капитана милиции.

Сегодня не везло. Утренний хабар был скудным. Пары мешков чермета едва хватило на то, чтоб Сонька, кривя недовольной рожей, все-таки выдала бутылку паленки. Алкоголь чуть успокоил дрожащие руки, делая движения не такими скованными.

Под конец лета стояла безветренная жара. Марево, накатившее в полдень, совсем расслабило Будулая, лениво пролежавшего весь день на матрасе подле хибары. Хотелось жрать. Скоро должны потянуться вечерние самосвалы с просроченными сосисками, подтухшими рыночными овощами, обедками из столовых и прочими отходами цивилизации, коя уже виднелась на горизонте новым микрорайоном человейников.

Кузов самосвала начал подниматься. На утрамбованный многометровый слой мусора, посыпались вновь прибывшие полиэтиленовые мешки. «О, ссаться ночью буду», – подумал Валерка, доставая из надорванного черного пакета четверть большого арбуза и укладывая добычу в квадратный портфель, какие носят школьники начальных классов. Яркий принт Гуффи глянцевой поверхности ткани нелепо смотрелся на плечах взрослого мужчины. Но Будулая это не смущало. Рюкзак идеально подходил для сбора продуктов: в отличие от модных тряпочных сумок в нем подмякшие помидоры не размазывались соплями по стенкам.

Машка Тонконожка, копавшаяся чуть правее, радостно крикнула, держа в руке минимум пол бутылки портвейна. «Хотя бы моча», – позавидовал Будулай, чувствуя, как усиливается вечерняя тряска.

Машина свалила мусор, взревела старым мотором и удалилась в город за новой партией отходов. Сегодня воронье куда-то подевалось, оставив кричащих чаек без конкуренции, и, если закрыть глаза, можно было представить море, променады и... Валерка одернул себя, пока мысли не забрели слишком далеко. «Хорош!» Тут на свалке жизнь простая. Однодневная. Много думать не нужно. Поработал, выпил, пожрал, прожил еще один день, и на том спасибо. Набив портфель припасами, Будулай собрался уходить, прихватив с собой хороший моток медной проволоки, кем-то неосмот-

рительно выброшенной, к его счастью. Завтра на чекушку хватит. А там новый день, что Бог пошлет.

Любопытством Валерка не отличался. Его теперь мало что заботило, но наметанный ментовской глаз уцепился за сбившихся в кучу Тонконожку, Ирку и Пирата. Они что-то нашли и теперь рассматривали лежавшее у их ног. К пятнадцатому году жизни на свалке удивить Будулай было нечем. Чего он только не повидал. Трупы: горевшие, застреленные, с отрубленными конечностями, вздутые до безобразия, сжираемые опарышами. Свалка стояла на костях. На костях тех, кому даже после смерти не нашлось места среди умиротворенного покоя кладбищ.

– Че столпились? – прохрипел Валера.

– Да тут это, ментов надо вызывать, – ответил Пашка Пират, прозванный так за отсутствие левого глаза. Пустую же глазницу Пират всегда прикрывал повязкой.

– Будулай сам мент, – гоготнула Ирка, быстро заткнувшись пойманным взглядом Валерки.

Обычно если находили труп, от греха подальше никаких ментов не вызывали. Человека уже не спасешь, а себе проблем можно поиметь. Иногда сами хоронили в овраге на окраине свалки. Иногда оставляли как есть. Птицы и крысы, быстро умеют замечать следы.

«Нахуй им менты?» – про себя удивился Будулай. Он подошел к троице и оттолкнул в сторону Тонконожку. То, что он увидел, непривычно кольнуло его сердце. Защемило в

груди давно забытым чувством, старательно, до отупения заглушенным водкой. Теперь «это» неприятно встало комом в горле Будулая. В картонной коробке, которая была набита тряпьем, лежала крохотная, не больше ладони девочка. Малышка сосала палец и смотрела большими голубыми глазами, еще подернутыми младенческой пеленкой, прямо в душу стареющего бомжа Валеры.

– Че делать-то? – вырвала Будулая из оцепенения Ирка.

– Накормить надо, – машинально ответил Валера. Он укутал малышку в тряпки, стараясь не дотрагиваться до нее черными от грязи руками. – У меня молоко есть.

Глава 24

Смоленская область

2022 год

Юлька выросла красавицей, но в свои десять лет сама того еще не понимала. Короткие светлые волосы, подобно вздорной Юлькиной натуре, торчали во все стороны по-пацански задиристой и неусидчивой девчонки.

Будулай так и работал на свалке, каждое утро, до рассвета отправляясь вместе с дворнягой Бимом на привычный труд. Бим был псом преклонных лет и видел, как росла Юлька. Помнил, как Будулай договорился со старостой села, чтоб им дали под восстановление косую лачугу на окраине, как хозяин перестал много пить и даже стал иногда улыбаться на-

половину беззубым ртом. Бим ничего не смыслил в людских делах и не понимал, каким чудом Будулаю удалось оформить опеку, сделать документы и пристроить Юльку сначала в сад, а потом в школу. Бим не знал, что у Валерки еще оставались старые связи, и лишь рычал из-под стола, когда к ним в дом приезжали незнакомые, воняющие городом люди и шуршали какими-то бумажками. Биму было наплевать на все их правила и порядки. Он чувствовал только то, что ему безошибочно подсказывал собственный нос: от хозяина стало пахнуть иначе. И когда он треплет его за ухом или тербит лохматую голову Юльки, этот запах усиливается, заполняя собой пространство и суля возможность выпросить что-нибудь вкусненькое.

Юлька росла упертой, с характером. По выходным и на каникулах, несмотря на ругань Будулая, все равно плелась за ним на свалку. Там было ее детство, ее друзья и игрушки. Ее жизнь.

Свалка научила многому, плохому тоже. Юлька рано начала курить, оттого звонкий детский голос, окрасился обертонами хрипотцы. Особенно смешно выходило, когда Юлька материлась. Маленькая девочка с чуть смуглым обветренным лицом, с большими голубыми глазами ставила всякого в ступор, когда начинала браниться «по-мусорному». Может, потому и прилип к ней робкий одноклассник Генка (говорят же, противоположности притягиваются), втюрившийся

в Юльку по уши.

На свалке кормилось немало детей. У всех похожее прошлое и всегда одни и те же причины: живо-мертвые папы-мамы, водка и героин. В какой-то момент квартиры родителями пропивались или превращались в притоны, что-то отнимали риэлторы, состоящие в сговоре с участковым. Для детей это значило одно – улица. А дальше по-разному: везунчики, к бабушкам, тетушкам и другим родственникам, не побоявшимся опеки. Но большинство детей попадали в детские дома. Многие оттуда сбегали, слоняясь по теплотрассам города. В конце концов, не выдержав давления холодного железобетона, уходили подальше от облав ментов и бандитов, заставлявших кланчить деньги на вокзалах, площадях и в подземных переходах.

Юльке было неинтересно общаться с одноклассниками, выращенными в тепличной атмосфере домашнего уюта. От того ее и тянуло к «мусорным» друзьям. Другим, за свою короткую жизнь повидавшим достаточно, чтоб уметь пережить холодную зиму на улице, или дать отпор стае бродячих собак, или устроить веселую попойку, раздавив на толпу пару бутылок водки, под шум ливня, бьющего крупными каплями брезентовую крышу хибары.

***

На свалке у каждого была своя история. Одни умалчива-

ли прошлое, не желая вспоминать тяжелые события, другие, наоборот, охотно делились рассказами о том, как вместе с бытовыми отходами попали на задворки судьбы, выброшенные за пределы современного общества.

Пират, тот после Чечни. Ранение, инвалидность. Не смог найти себя на гражданке. Запил. Так и скатился до бомжевания.

Тонконожка, отсидев за воровство, стала торговать собой и однажды на заказе одному извращенцу воткнула нож между ребер. Подалась в бега. Скитаясь где-то по квартирам, села на иглу. После очередного укола случилась передозировка. Товарищи приняли ее за труп и недолго думая выкинули помирающую Машку в мусорный контейнер. Только Тонконожка живучей оказалась. Выкарабкалась.

Ирка – обычная алкашка из деревни. Нагуляла живот, родила. Спихнула ребенка на престарелых родителей и пустилась гулять дальше. Вот и выгнал отец ее из дому. Пока молодая была, по мужикам ходила, но быстро растеряв женскую привлекательность, докатилась до бродяжничества и свалки.

Про Валеру мало что было известно. Знали, что бывший мент. Да и то не сам он рассказал, а водитель мусоровоза, злорадно улыбаясь, определил в Будулае старого опера, принявшего его однажды по малолетству.

Конечно, Юлька задавала вопросы, но Будулай либо отговаривался, ворча что-то невнятное себе в бороду, либо просто молчал. А молчать было о чем.

Бардак девяностых не поменял Валеркиных планов на жизнь. Толян, друг Валерки по секции бокса, звал его с собой в Штаты. «Там бабки, свобода, жизнь, – говорил Толик, – брат у меня там при деле, нормально все сделает, поможет, устроишься. Че тебя здесь держит? Стране пиздец! В братки или коммерсы пойдешь? Или за копейки в ментовку, как твой батя, дела строчить?» Только Валерка не слушал друга. Не так отец воспитывал Валерку. Окончив институт, он выпустился молодым лейтенантом, пресекать расплодившуюся преступность.

Влюбился, женился. Родили девчонку. Денег не хватало, но как-то умудрялись сводить концы с концами: все-таки корочка и пистолет могут дополнить маленькую милицейскую зарплату бонусами. И вот, присмотрев хорошую возможность, решил Валерка, на тот момент дослужившийся до капитана, отжать у азеров небольшой рыночек. Работа не пыльная, ходи, собирай дань с торгашей. Только нерусских сначала надо подвинуть. Но нерусские отказались уходить по-хорошему. Мансур, глава этнической группировки, устроил настоящую бойню, положив подосланных Валеркой пацанов. А через неделю, утром обычного вторника, когда Валеркина жена и дочка, направляясь на прием к врачу, шли по темному коридору сталинки, сработала растяжка, и взрыв гранаты мгновенно унес их жизни. Что было дальше, представить нетрудно: увольнение, неудачная попытка суицида, психушка, улица, свалка. Так и просуществовал он пятна-

дцать лет, топя воспоминания однодневной жизнью мусорного полигона, пока не нашел ее, Юльку.

Тогда что-то екнуло внутри. Давно забытое, теплое. Валерка сумел взять себя в руки и вырастил брошенного младенца, поклявшись, во что бы то ни стало поставить ее на ноги. Даже косматую бороду, за которую получил киношное прозвище, привел в порядок.

А девчонку он назвал Юлькой в честь дочери.

Глава 25

Смоленская область

Осень 2022 года

– Пошли уже! – торопил Юльку Гена, – сегодня смена дяди Саши, он ждать не будет.

– Хочешь, иди, – огрызнулась Юля, кроя даму козырной девяткой.

На кону стояла последняя сигарета, и, если Юлька сейчас не отыграется, придется позорно стрелять сижки у старшаков.

Генка замолчал. В глубине души он даже хотел опоздать на школьный автобус. Дорога к родному селу неблизкая. Перспектива пары часов прогулки вдвоем с Юлей заставили Генку покорно дожидаться, пока та вконец продует старшеклассникам, рубящимся на заднем дворе школы в подкидного.

– А это тебе на погоны, – ловко щелкнул двумя валетами Макс.

– Слышь, Седой, ну дай хоть докурить, – обреченно проныла Юлька.

– Рано тебе еще курить, – складывая выигрыш в неполную пачку, огрызнулся семиклассник Макс.

– Шухер! Военрук! – крикнул Димон, поставленный на углу кочегарки, смотреть за палевом.

Школьники кинулись кто куда. Юлька нырнула в ближайшие кусты. Генка поспешил за ней. Уходя от воображаемого преследования, перепрыгнув невысокий сетчатый забор, ребята выбежали на центральную аллею. Ловко слившись с школотой второй смены, беглецы направились к остановке. Но перед самым их носом, школьный пазик, виляя перекошенным желтым задом, скрылся за углом здания администрации.

– Опоздали, – вздохнул Генка.

– Деньги есть? – спросила Юлька.

– Нету.

– Ясно. Может предкам позвонишь, чтоб забрали?

– Не заберут, батя на смене.

– Слыш, Генка, от тебя вообще есть какая-нибудь польза?!

– А кто коннтрошу тебе сегодня дал скатать?

– Ладно-ладно, это я так, не парься. Пошли.

Юлька бодро шагала по улице, заставляя низкорослого Генку поспевать за ней. Погода стояла отличная. Почти летняя. Если б не ветер, можно было бы вообще раздеться до майки.

Последний день первой четверти за спиной. Завтра каникулы. Оттого автобус, показавший хвост, не испортил Юлькино настроение. Она знала, что всю следующую неделю будет с дедом Валерой ходить на свалку. Там друзья, а это тебе не «А» класс отличничков. Там Лерка, Надька, Ерш и Тим.

Тим. От этого имени у Юли мурашки бежали по спине. Он старше ее на четыре года. «Сильный, смелый, дерзкий, не то что этот маменькин сынок Генка. – думала Юлька. – Конечно, шансов нет! Тим с Надюхой. И у них уже вроде было...» Юлька, несмотря на свою хамоватость, стеснялась запретной темы, даже когда просто размышляла. Но сейчас Юлькины мысли были не о том. Впереди маячили веселые деньки, и шестикилометровая прогулка омрачалась только отсутствием сигарет.

Поселок городского типа, в котором находилась школа, закончился железнодорожным переездом. Дальше по проселочной дороге к стрельбищу. «Если полигон открыт, можно срезать напрямик. – думала Юлька. – Если стоит оцепление, хоть сижку стрельну у солдат». Но деревянная беседка, в которой обычно ютились срочники, оказалась пустой. Поднявшись в горку, дети зашагали по узкой тропинке, вилвавшей между мишенями, окопами и смотровыми вышками

военных.

– Геныч, а ты че, никогда даже не пробовал курить?

– Пробовал, – соврал Генка.

– Понравилось?

– Ну... так.

– Со мной покуришь? – лукаво посмотрела на него Юлька.

– Так у тебя ж нету.

– Это у тебя мозгов нету, а я знаю где достать.

– И где?

– На кладбище.

– Чего? – выпучил глаза Геныч, – какое еще кладбище?!

– Да самое обычное. Наше кладбище. По пути заскочим. Там всегда покойничкам сигареты на могиле оставляют. Возьмем по одной. Мертвые не обеднеют.

– Я не пойду, – замотал головой Генка.

– Ссыкло, – улыбнулась Юлька, зная, что никуда он не денется.

Какое-то время ребята шли молча. Юлька шагала весело и энергично. Генка же еле поспевал за Юлькой. Он семенил, шаркая ногами и поднимая в воздух желтую пыль, оседающую на его брюках.

– Блин! – дернулся Генка, зацепившись ногой за кусок выпирающей арматуры, – трындец походу мне, – выругался он, рассматривая рваную дырку в ботинке из кожзама, – мамка их перед школой новые купила.

– Да ладно, не скули. Любит тебя твоя мамка. Ну поругает

малясь, а вечером по головке погладит, – ехидно подбодрила Юлька.

– Ага, только б батя ремнем не погладил бы, – насупился расстроенный Геныч, – тебе-то все можно. Вон, дед Валера все разрешает. А вот мне сегодня влетит.

– Хотела бы я, Геныч, чтоб и мне влетало, но нет у меня мамки с папкой. Так что цени своих родаков, – сказала Юлька и сама удивилась своей серьезности.

– Юль, – через пару минут молчания, позвал Гена.

– Че?

– А где твои родители?

– В Караганде.

– Где?

– Геныч, иди ты в жопу! Не знаю я! Понял?!

Глава 26

Смоленская область

2012 год

Повитуха, перерезав пуповину, впилась взглядом в ребенка.

– Дай мне ребенка, – попросила Аза.

– Да что там давать-то? Пустотел у тебя родился. Полудохлая. До утра не доживет, – старуха сплюнула на пол, протягивая новорожденного матери. – Нагуляла не с нашим, теперь вот думай. Хочешь остаться – избавься от него, либо

бери в охапку свой приплод и вон из дома.

– У тебя не спросила! – огрызнулась Азька. – Как барон скажет, так и сделаю.

Старая оказалась права. Когда взошло солнце, барон, Азькин папка, явился в женскую часть дома. Он долго смотрел на дитя. Жалко ему было свою младшую. Азька была его любимой дочерью, но от рук отбилась, загуляв с городским. Да и понесла от городского нездоровое чадо. Не нужен в семье такой.

– Пустой твой ребенок. – непривычно тихо сказал барон. – Нет в нем души. Не место ему в нашем доме.

Азька еще долго рыдала в подол матери, пытавшейся утешить дочку.

– Такое случается, доча. Ангелок зевнул, когда души-то дарил младенцам, и проглядел твою девочку. Не случилось в ней жизненной искры. Не грех то. Полно тебе. Будут у тебя еще сорванцы. Порадуешь ты еще нас, старых, – глядя черные как смоль волосы Азьки, успокаивала мама. А рядом, на кровати, в тряпье цветастого платка лежала светленькая девочка с голубыми глазами, унаследовавшая от Азьки, разве что вздернутый прямой носик, говоривший о дерзости и напористости характера.

Так появилась на свет Юлька.

Будулай ни черта не смыслил в том, как ухаживать за ребенком. Откуда было взяться такому умению? В прошлом,

пропадая на службе, некогда было Валерке возиться со своей дочерью. Домой тогда он возвращался поздно ночью, а уходил рано утром, пока жена и малышка еще спали. Так что Будулая не смутило странное, слишком спокойное поведение подкидыша. Юлька не плакала и не капризничала, почти все время спала. Его такой расклад устраивал: он мог привычно заниматься хозяйскими делами. Но спустя год после того, как Будулай подобрал девчонку, малышка словно расцвела, сделавшись той самой непоседой Юлькой, от младенческого покоя которой и след простыл. Будулай впервые за долгое время испытал счастье, когда однажды вечером, маленький розовый комоч мило загукал, улыбаясь лохматому лицу Валерки.

И как Будулаю было догадаться о связи его Юльки с пропавшей где-то в горах студенткой Савельевой Анной, о которой он читал в газетной статье? Не один, даже самый проницательный опер, того бы не понял, не то что бывший мент Валерка, пятнадцать лет топивший свой разум в водке. Будулай просто радовался такой перемене в Юльке. Юльке, в которую в одночасье, словно вдохнули жизнь, наполнив душой.

Глава 27

Смоленская область

Осень 2022 года

Деревенское кладбище никем не охранялось. Ребята без проблем прошли между рядами памятников. Расписные гранитные постаменты соседствовали с заброшенными, поросшими бурьяном, старыми могилками. Одни стояли по-советски огороженные металлическим забором с непременным столиком и лавочкой; другие же были по-современному лаконичны, обложены керамической плиткой и красовались ухоженностью и дизайном.

Юлька и вправду нашла несколько сигарет. Даже золотая Мальборо попалась.

– Савельева Анна, – Прочитала Юля надпись на металлической табличке, прибитой к деревянному кресту.

Свежая насыпь была густо уставлена венками. Тонкая бечевка, натянутая по периметру могилы, ограждала покойника. Две корявые березки, которые уютно высились в проходе меж надгробий, бросали тень на сосновый крест с фотографией усопшей.

– Пойдем уже! – ныл Генка. – Нельзя на кладбище-то после обеда. Мамка говорит, живым тут только поутру рады.

Юлька сунула в рот сигарету:

– Да идем, идем, – сказала она, не понимая, отчего задержалась возле свежей насыпи.

Подул ветер. Отброшенная в сторону ветка березы освободила дорогу уже по-осеннему тусклым солнечным лучам. Что-то блеснуло. Юлька наклонилась к земле:

– Какой красивый!

– Дура что ли! – опешил Генка. – Нельзя ничего брать с кладбища!

Но было поздно. Юлька любовалась браслетом, весело переливающимся и бряцающим на ее запястье. Эйфелева башенка и несколько других фигурок, соседствовали с серебряным медальоном. Юлька видела такие в учебнике географии. Названия некоторых она даже знала.

– Пошли, – кивнула Юля Генке в сторону выхода, одернув рукав.

***

Тим развалился в большом мягком кресле, Надька – у него на коленях. Ерш жарил сосиски, ворочая по металлической решетке шкворчащую закуску. На дно жестяной бочки, в огонь падали капли жира, шипя на раскаленных углях. Юля прижалась к Лерке. Продавленный диван был влажным от вчерашнего дождя, оттого мокрый Юлькин зад требовал дополнительного обогрева.

– Наливай, – сказала она Ершу.

– Слышь, малая, – окликнула Надька, – притормози, а то нажрешься, потом Будулай и тебе и нам пиз..лей навешает.

– Да нормальная я. Холодно просто.

Ерш разлил оставшуюся водку по стаканам. Паленка непривычно обожгла Юлькино горло. Юлька и раньше пробовала водку, но чтобы вот так сидеть и пить, по-настояще-

му, это было впервые. Поморщившись, она выхватила у Лерки пакет с соком и жадно запила алкоголь, кисло-сладким слегка забродившим напитком.

Тим наблюдал за ней исподлобья. Он знал, что нравится Юльке. «Накрасилась дура, – думал Тим, глядя на неумело размалеванное Юлькино лицо». Она сидела скрючившись, закрывая от холода голый живот. Джинсовая юбка не дотягивала и до середины бедра. Колготки в сетку, надетые поверх обычных, больно впивались капроном в кожу. Не хватало только каблуков.

Юлька весь вечер стреляла глазами в Тима, пытаясь привлечь его внимание.

– Слышь, малая, тебе сетка жопу не режет? – гоготнул Тим, попав прямо в цель.

Юлька покраснела, но ответила:

– Смотри, чтоб твои узкие штанишки тебе ничего там не порезали.

Тим засмеялся первым, остальные подхватили.

Тим махом выпил стакан и, взяв из рук Надюхи сосиску, закусил.

– Пойду отолюю, – закуривая, сказал он.

Тим смотрел на огни города. Высотки нового микрорайона под стать своей многоэтажности высокомерно смотрели на Тима. Вообще-то высотки никаких чувств к Тиму не питали. Из своих окон они видели только горы мусора с кружащими над свалкой птицами. Но Тим думал иначе. Совсем

рядом шла другая жизнь. Жизнь в тепле и уюте. Тим сплюнул. Когда-нибудь он убьет отчима, и они с мамкой заживут. Тим нормально зарабатывал и мог бы прокормить семью, но этот убудок мешал всем его планам. Он уже однажды отсидел за домогательства к малолетке и имел все шансы загреметь за решетку снова.

Тим застегнул ширинку. От земли поднимался пар. «Холодно, – потирая руки, подумал Тим, шагая обратно к бочке с огнем».

– Тима, у тебя там че, запор случился? – усмехнулась Лерка.

– Пасть закрой! – отрезал Тим.

– Да пошел ты, – тихо отозвалась Лера. Она побаивалась Тима: когда-то он хладнокровно зарядил ей в лицо кулаком.

– Ерш, пойло еще осталось? – зло спросил Тим.

– Не, – потряхивая пустой бутылкой, ответил Ерш, – а контора уже закрыта. Сонька только утром ларец отворит.

– Если будем еще мутить, надо в город ехать, – сказала Надька.

Друзья закурили, соображая, как быть дальше. Сиделось хорошо, и заканчивать не хотелось.

– Короче, – сказал Тим, – мамка сегодня на сутках в больничке, можем у меня посидеть. В ночнике у Светки затаримся и на хату.

– А отчим? – спросила Надька, почувствовавшая, чем пахнет ночевка у Тима.

– Он уже неделю где-то пропадает. Да и по хер на него. Если вернется, отпизжу! В этот раз точно! – процедил сквозь зубы Артем.

– Че по бабкам? – деловито спросил Ерш.

Тим достал из кармана несколько смятых банкнот.

– Сегодня поработал, – улыбнулся он.

– О-о-о-о, – дружно загудела компания.

– Надюха, звони бомбиле. Поедем на колесах, чтоб жопы не морозить, – окончательно разошелся щедростью Тим.

***

– Слышь, Надька, у него кровать тоже скрипучая? – пьяно засмеялась Лерка, пружиня на деревянной ступеньке покосившегося крыльца Тиминого дома.

Тим щелкнул выключателем.

– Пойдем, – позвал он друзей.

Ерш, протискиваясь вперед, споткнулся, обтерев плечом черную плесень на стене прихожей.

– Синьку разобьешь, пойдешь за новой, – сказал Тим Ершу.

Ерш что-то невнятно ответил. Он поставил пакет с водкой на печку, которая служила в кухне подставкой для всякого хлама, и не разуваясь прошел дальше в комнату.

Тим взял два табурета, липкие от соседства с газовой плитой, кивнул Надьке на посудный шкаф, чтоб та захватила та-

релку под закуску, и пошел за Ершом.

В комнате стоял диван, два кресла, неработающий телевизор и Тимкин учебный стол-раскладушка, за которым и уселись друзья, поставив в центре две бутылки водки, купленные из-под полы у Светки.

Лерка, заделавшись диджеем вечеринки, демонстрировала музыкальный вкус трек-листа из своего смартфона. Ерш жался к ней, но, когда понял, что ничего не светит, решил подождать пока Лерка захмелеет посильнее. Тим щупал хохочущую Надюху, а Юлька ревниво косилась на него и нервно теребила браслет на запястье.

Алкоголь заканчивался. Юлю берегли. Ерш наливал ей поменьше, а Тим иногда забирал Юлькину рюмку, переливая ее содержимое в свою. Но такая забота только отодвинула неизбежный момент.

– Ее сейчас стошнит, – пьяно озвучила Надька.

– Надо вывести на улицу, – поднимая Юльку под руки, сообразил Ерш.

Ноги ее не слушались, голова кружилась, выталкивая содержимое желудка наружу.

Облокотившись о перила крыльца, Юльку выгнуло дугой, и едкая жижа, брызнув фонтаном, полилась в полисадник.

– Юлю бы уложить. – сказала Лизка. – Пусть проспится. А то если Будулаю в таком виде привести, пиздец нам будет.

Юльку отвели в дальнюю комнату и положили на военную пружинную койку. Тим принес тазик:

– Слышь, малая, только в кровати не блюй. Вон, если что корыто рядом поставил. Поняла?

– Угу, – промычала Юлька, чувствуя, как подкатывает новый приступ тошноты.

– Тим! – крикнула Надька из соседней комнаты. – Мне Катюха звонит. У Михи Галопа сегодня тоже хата лысая. Дискотеку там замутили. Зовут.

– Бля, – выдохнул Тим, – а с этой че делать? – показывая на Юльку, спросил он.

– Да пусть дрыхнет. Проспится, домой пойдет, – заканючила Лизка, услышавшая имя Мишки Галопа.

– Ладно. Ерш, начисляй. По одной раздавим и айда в ночник до Светки, чтоб в гости не с пустыми руками.

***

– Тим, ты что ли? Отвали. Херово мне, – пролепетала Юлька.

Чья-то рука вдавила её голову в подушку.

– Заткнись, сука, и не дергайся, – прошептал Юле на ухо хриплый бас.

Девочка почувствовала, как колючая щетина, впивается ей в шею. Смерд больных зубов вперемешку с многодневным перегаром ударил в ноздри. Она попыталась обернуться. Тело не слушалось. Ее крепко держали. Локоть нападавшего больно давил Юльке в спину. Юлька закричала. Но крик уто-

нул в подушке. Сильная рука, схватив волосы девочки, держала ее голову лицом вниз, не давая возможности сделать вдох. Тошнота подкатывала к горлу...

Юля стояла в темной комнате. Она видела кровать. Видела себя с раскинутыми в стороны руками и ногами. Видела, как судорожно дергается ее тело, поддаваясь приступу рвоты, как звонко бряцают безделушки на запястье, среди которых особым серебряным голосом, подпевал медальон.

Все тянулось слишком долго. Пьяное животное никак не могло до конца справиться с сильной Юлькой. Пытаясь ее скрутить, толстяк заходилась одышкой, наваливаясь Юльке на спину. В шуме собственного кашля он не слышал, как открылась входная дверь.

Тим влетел в комнату. Удар ножа пришелся точно в шею. Фонтаном брызнула кровь, пульсирующая поднятым от возбуждения давлением. Следом, пьяно спотыкаясь, вбежала Надюха. Тим бил без остановки. Мертвое тело его отчима сползло с кровати на пол. Его свиные глаза, полные ненависти и оцепенения, мертво уставились в пустоту. В той пустоте они видели девочку.

Юлька смотрела, как Надюха лупит ее по щекам, как, разжимая ей пальцами рот, пытается освободить его от рвоты. Как неумело пытается делать искусственное дыхание, ударяя маленькими кулаками по Юлькиной груди, стараясь достучаться до остановившегося сердца. Юльке было жалко Надюху. Было жалко Тима. И Генку отчего-то тоже было жал-

ко. Но больше всех ей было жалко Будулая, которому снова выпала дурная судьба хоронить свою вторую Юлю.

Тиминого отчима унесли первого. Съехавший на пол матрас багровел пятном. Юлькино тело так и лежало на кровати, раскинув в стороны обмякшие руки. Браслет свисал с ее запястья, застряв медальоном в плетенье кроватных пружин. Когда тело перекладывали на носилки, зацепившийся кругляш разомкнул звено, медальон упал, и прокатившись несколько сантиметров, завалился в щель между половыми досками.

Спустя семь часов, когда в комнате затихли все звуки и последний полицейский ушел, погасив за собой свет, черная крыса выползла из гнезда с пищцами крысятами. Обнюхав незнакомый блестящий предмет, подхватила железку зуба-ми, по-хозяйски потащив теплую штуку в свое жилище.

Глава 28

Смоленская область

Осень 2022 года

Чем дальше продвигается наука, тем больше у нее появляется вопросов. Фундаментальные вещи перестают работать, и то, что ранее казалось незыблемой догмой, отправляется в мусорное ведро истории, уступая место новым открытиям.

Я не особо верю в мистику. Точнее сказать, я просто никогда не задумывался над этим. Для меня все необъясни-

мое всегда жило где-то там: в книжках Кинга, в голливудских фильмах с диссонирующей музыкальной подложкой, в страшных историях у костра, в детских ночных кошмарах. И, вероятно, это «там» так и осталось бы именно там, в далеком прошлом, пылясь вместе с Кинговскими страшилками на задворках моей памяти, но случилось то, что случилось.

– Папа, а ты веришь в призраков? – однажды спросила у меня дочь.

Я уже было открыл рот, чтоб категорично выдать какую-нибудь мужицкую банальность, но решил действовать иначе.

– Давай подумаем. – предложил я Машке. – Вот ты когда-нибудь видела приведение?

– Ну... – задумалась Машуха.

– Только честно. Так, чтоб прям была уверена.

– Нет, – призналась дочь.

– Хорошо. Я тоже не встречал. А, допустим, кита видела?

– Кита, который в океане?

– Да, обычного синего кита.

– Нет.

– Но ты же знаешь что они существуют?

– То есть призраки реальны?

– Машуха, я не знаю. Честно. Но запомни одно правило: пока не доказано обратного – все возможно. Даже если мы того не понимаем.

***

С мамой Ани мы познакомились на следствии. Я ее сразу узнал. Они с Аней были очень похожи. Та же манера двигаться и разговаривать. Тот же озорно вздернутый кончик носа. Те же светлые волосы, собранные в аккуратный хвост, только с проседью. Хрупкая женщина держалась по-матерински спокойно и понимающе.

– Вы с Анечкой раньше не встречались? – спросила Светлана Владимировна, выходя в коридор из кабинета следователя.

– Нет, – чуть смутившись, ответил я.

– Вам сколько? Лет тридцать с небольшим? Она была немного младше вас.

– Выходит так, только...

– Вы где остановились? – перебила она меня.

– В гостинице.

– Приезжайте с супругой к нам в гости. Мы дом недавно достроили. С квартиры туда съехали. Уютно у нас. Почаевничаем, побеседуем, расскажем все, переночуете. Всяко лучше, чем по гостиницам.

– Хорошо, – не смея возразить, согласился я. Неделя, проведенная в кабинете у следователя, была неприятной. Чужой город и допросы сильно вымотали нас с Таней. Потому отказываться от домашнего гостеприимства не хотелось.

Таксист ехал медленно, боясь за подвеску новенького Соляриса. Ухабистая гравийка, шумевшая вылетающими из-под колес камешками, вызывала неприменный лай собак.

– Приехали, – сказал водитель, остановившись у аккуратного газона, не смотря на ночные заморозки, лоснящегося изумрудной зеленью.

Двухэтажный блочный дом затерялся в лабиринтах садового общества. Участки, размежеванные ровными прямоугольниками по шесть соток, прятались за бесконечными заборами. Пристанище взрослых людей, которым опостылела серость городских панелек.

Нас встретил Анатолий Дмитриевич, Анин папа. Высокий, жилистый мужчина, оттого немного сутулый, но не скованный в движениях, широкой походкой шагал к калитке, распугивая добрый десяток котов, притаившихся под крыльцом.

– Добрый вечер! Вы Дмитрий и Татьяна? – улыбнувшись аккуратными усами, поприветствовал мужчину, – проходите! Света в доме, стол накрывает. Заждались уже, – пригласил Анатолий Дмитриевич.

Сидя за ужином, мы долго разговаривали. Даже Сашка и Настя, младшие Анины брат и сестра, несмотря на подростковый возраст и зависимость от гаджетов, не торопились выходить из-за стола, слушая нас.

Мы рассказали все: как подвезли Аню до ее гостевого до-

ма, о чем говорили, как снова встретили ее на озере, взволнованную и просящую помощи.

– Вот, – Таня показала экран телефона с журналом звонков, – этот номер мне дала Аня, и на него я не смогла ей дозвониться.

«Аня Автостоп Эльбрус» – значился контакт, сохраненный моей женой.

– Это, и правда, ее телефон, – подтвердила Светлана Владимировна, – мы запрашивали у оператора информацию об использовании номера, но за все девять лет, с момента исчезновения Ани, номер не был активным.

– А что говорит следствие? – спросил Анатолий Дмитриевич.

– Следователь рассматривает версию, что кто-то использовал личность вашей дочери, пытаясь ввести нас в заблуждение. Скорее всего, это связано с терактом, произошедшим на озере, – ответил я.

– А знаете, – тихим голосом начала Светлана Владимировна, – ко мне Анечка приходила той ночью. Это потом я сопоставила даты, поняв, что именно тогда случился взрыв и сход селя. Мне доча ни разу не снилась за все эти годы. А тут... – она запнулась, – Анютка была такая красивая и счастливая. Она гуляла по цветущему лугу. Улыбалась, смеялась. Показать мне хотела, что теперь у нее все хорошо. И озеро я то видела. Покой она нашла. И вы ребята, как-то тому подсобили. Пусть полиция ищет, доказывает, объясняет, а

мне и так все ясно. Я материнским сердцем чувствую. Анютка явилась к вам, чтоб вы ей помогли. Чтоб нашли, наконец, ее. Чтоб душа ее на небо отправилась. К Боженьке, – дрогнувшим голосом закончила Светлана Владимировна.

– Ребята, у вас когда самолет? – спросил Анатолий Дмитриевич.

– Мы еще не брали билеты. Следователь сказал пока быть здесь, – ответила Таня.

– Если хотите, можете в городе пожить у нас на квартире. Там все есть, и от центра недалеко, – предложил Анатолий Дмитриевич.

– Спасибо, – согласились мы.

– Ребят, можно вас попросить? – обратилась Светлана Владимировна. – Мы Анечку послезавтра земле предаем. Привезли ее. Приходите, пожалуйста, проводить в последний путь.

***

Я долго не мог уснуть. Все крутились в голове сказанные Светланой Владимировной слова. Конечно, мы с Танюшкой много проговорили и перебрали кучу всевозможных версий событий, но хотелось для себя расставить точки над «и». Сложив воедино доступную мне информацию, я начал собирать пазл.

Девять лет назад Аня поехала в путешествие на Эльбрус.

Лена, подружка, с которой они должны были отправиться вместе, по семейным причинам не смогла тогда составить компанию Ане. Она последняя, с кем разговаривала Аня по телефону. В полиции Лена рассказывала, что Аню и вправду подвезла попутка с супружеской парой. Познакомившись, ребята договорились вместе подняться к озеру. Аня звонила им в назначенный день, но никто не взял трубку, и она пошла одна. Что-то случилось на том озере. Аню убили. Скинули ее тело в озеро. Туристы из Краснодара, последние, кто видел Аню живой, проходили подозреваемыми по этому делу, но никак не сумели пролить свет на ее исчезновение. И вот, спустя девять лет, мы едем туда же. К нам подсаживается попутчица Аня, голосующая на трассе. Или ее призрак, или что там еще? Самому от таких мыслей не по себе. Заинтригованные ее рассказом, договариваемся вместе идти на озеро. В условленный день телефон Ани выключен, и мы с Таней вдвоем совершаем подъем. На ночевке у озера, Таня слышит крик. Аня. Она спускается с перевала. В панике просит помощи для подруги, попавшей в беду. Направившись за ней, мы поднимаемся тропой. Тропой, по следам убегающего человека. Человека, по неизвестной до сих пор причине, замыслившего совершить теракт. Было ли так спланировано Аней, или это совпадение, я не знаю, но беглец, решив, что его преследуют, ранит меня и нападает на Таню. Танька молодец. Справилась. Но взрыв все равно происходит. Озеро мелеет, помогая обнаружить Анино тело.

По факту, преступник убит. Тело Ани, пусть и через девять лет, но найдено и будет предано земле. Мы живы, здоровы, с кучей появившихся проблем, но все же.

Верю ли я в мистику? Я не могу ответить на этот вопрос, но то, что с нами произошло, заставляет думать о вещах, не укладывающихся в мое привычное понимание мира. Мира, в котором все связано между собой.

Глава 29

Смоленская область

Осень 2022 года

Аню проводили скромно. Вдалеке от шумного города маленькое деревенское кладбище ютило уже третье поколение Павловых.

Когда-то прадед Ани, чудом избежавший раскулачивания, сумел сохранить добротный дом из сруба и, подстроившись под новый режим пролетариата, вырастил двух сыновей и дочь. Сыновья те сгнули в окопах Ленинграда, сдерживая натиск фашистов, а дочь, бабка Ани, пройдя войну санитаркой, вернулась в родной дом, где и родила Светочку от молодого смазливого фельдшера Володьки. Светлана Владимировна, теребя браслетик дочери, рассказывала историю своей семьи, глядя на надгробия предков.

– Теперь вот Анечка, – вытирая слезы, прошептала она, – А следом и мы с отцом. Нам места хватит под березкой.

– Такси подъехало, – дернула меня за рукав Таня.

– Вы нас извините, мы, наверное, поедем, – подойдя к Светлане Владимировне, попрощался я.

– Спасибо вам за все. – чуть приобняв ее, сказала Таня. – Простите, если что не так. Держитесь!

Светлана Владимировна понимающе кивнула в ответ. Анатолий Дмитриевич проводил нас до ограды.

– Спасибо, что пришли попрощаться с Аней, – сказал он.

Мы крепко пожали друг другу руки. Посмотрев в глаза, Анатолий Дмитриевич улыбнулся уголком рта:

– Хоть мы и знакомы то пару дней, но я вижу, хорошие вы ребята. – сказал он. – Не забывайте своих родителей. Навещайте их почаще.

Мы сели в такси. Разговаривать не хотелось. Приемник, настроенный на местную волну, поздравил школьников с началом осенних каникул. Заиграла популярная песня. Исполнитель, нечетко артикулируя, пытался изображать восточный акцент. Хотелось пить.

– Остановите, пожалуйста, у магазина, – спустя некоторое время попросил я водителя.

Авто, закрипев тормозами, прижалось к обочине центральной улицы поселка. Покореженный жестяной ларек, отголосок девяностых, доживал свой век, прячась в захолустье провинции.

– Можно бутылку воды и жвачку, – попросил я в окошко.

– Дядь, сигареткой угостишь? – окликнул за спиной дет-

ский голос.

Я обернулся. Девчонка со светлыми взъерошенными волосами лет десяти – одиннадцати, со школьным рюкзаком на плечах, прищурившись изучала меня взглядом. Рядом скромно стоял паренек, ее ровесник.

– Малышня, а не рано вам курить? – попытался возразить говоривший во мне родитель.

– Тебя не спросили, – хамовато ответила девочка.

– Чего!?! – удивился я.

– Юль, пойдем, не видишь что ли, городской он, – потянул подругу в сторону парень.

– Слышь, Геныч, отвали, – дернулась девчужка, зашагав тропинкой вдоль дороги.

– Молодой человек! Уснули или что? – громко позвала продавщица.

Я встряхнул головой, сам не понимая, отчего завис, глядя вслед удаляющейся паре детишек.

Спустя несколько дней, листая новости в интернете, я увидел лицо той девчонки. С экрана смартфона, нагло улыбаясь, на меня смотрели ее голубые глаза. Фото, скорее всего, было взято из школьного альбома, только вот в углу снимка черной тесьмой тянулась траурная лента.

Глава 30

Лондон

1596 год

В углах комнаты, потрескивая черной копотью, горели свечи. Он любил когда было светло. Девушка, еще не до конца оправившись от зелья, удивленно хлопала глазами. Она пыталась шевелить отекавшими запястьями, продетыми в металлические оковы. Она лежала ничком на жестком помосте, покрытым сырым затертым ковром, воняющем затхлой плесенью. Ее широко разведенные руки и ноги стягивали веревки, которые были ввязаны в чугунные кольца, торчащие из каменной кладки стены. Голое тело девушки саднило и чесалось от укусов насекомых. Влажный спертый воздух застоялся сладким запахом разложения, впитавшимся в гнилую солому, которая была разбросана по каменному полу. На ее маленьких ступнях запеклись глубокие порезы. Длинные светлые волосы слиплись в запекшейся крови. Она хотела кого-нибудь окликнуть, но нитки стягивали швами ее губы. Сознание медленно возвращалось, заставляя тело дрожать от ужаса воспоминаний.

– Она очнулась, – приоткрыв дверь гостевой комнаты, доложила Сара.

– Отлично. Приготовь все, – ответил приказным тоном высокий, хорошо поставленный мужской голос.

Сара, гулко застучав тувельками по мозаике плиточного пола, торопливо направилась к каменной лестнице, парадно спускавшейся в холл особняка. Войдя в подсобку, соседству-

ющую с кухней, она нашла большой моток льняных ниток. Сунув его под мышку, Сара прихватила стоявший рядом на полке глиняный стакан с иглами.

– Бетти! – крикнула Сара, – скажи Олли, пусть принесет из погреба бутылку виски.

– Куда принести? – отозвалась из кухни Бетти.

– Мне, в подвал.

Пересекая гостиную, Сара направилась вглубь зала, где, укрывшись от любопытных глаз, стоял резной, ростом выше ее, полированный шкаф. Свободной рукой нащупав ключ, свисающий в складках платья, она открыла дверцу гардероба. В нос ей ударил привычный, но от того не менее отвратительный подвальный смрад. Пламена настенных ламп чуть дрогнули тронутые сквозняком, расшевеливая тени скульптур, безмолвно застывших по бокам лестницы, ведущей в подzemелье. Арочный ход шел вниз и упирался в просторный холл. Навстречу Саре из полумрака вышел грузный человек. Он был вполонину выше ее ростом и почти касался лысой головой сводчатого потолка.

– Это я, – сказала Сара.

Мужчина что-то промычал в ответ. Парализованная часть его лица провисла приоткрытым ртом и опущенным глазным веком. Мутный маленький глаз заметно косил. Шаркающей походкой, чуть клонясь назад в противовес огромному пузу, великан скрылся в тени коридора и уселся на стул, жалобно скрипнувший под ним.

Было тихо. Камеры в преддверье праздников пустовали, испаряя сырость после влажной уборки. На ближайшие дни заказов не поступало, и лишь один гость отдыхал в их особеняке сегодня. Особенный гость. По правде сказать, они все были особенными. Но желания господина виконта в изысканности превосходили многих.

Сара поставила на полку моток ниток и стакан с иглами. Дощатый стеллаж, тянувшийся вдоль стен коридора, пестрил всевозможными инструментами и приспособлениями. Пыточная старого Уилла позавидовала бы разнообразию механизмов и орудий, аккуратно разложенных на нем. Но виконта не интересовали все эти металлические игрушки. Ему нужны были только нить, игла, кожаная семихвостка и крепкий алкоголь.

Она пнула ногой наглуую крысу, попавшуюся ей на пути. Поганые грызуны расплодились после того, как барон заказал поквитаться со своей женой, уличив ее в измене. Заперев супругу в металлическую клетку, он лишил ее возможности двигаться и обмазал неблагодарную сырым мясом, с удовольствием наблюдая, как специально пойманные крысы, измороженные двухнедельным голодом, жадно вгрызаются в плоть женщины.

Послышалось мычание и ерзанье. «Отлично. Зелье перестает действовать, – подумала Сара, – Виконт любит, когда игрушка в сознании». Она открыла дверь. Девушка замыча-

ла еще громче, пытаясь повернуть голову в ее сторону. Проверив узлы, Сара отметила про себя, что ловко научилась обращаться с веревкой. Ноги разведены достаточно широко. Тело лежит на нужной высоте. Освещение хорошее. Столик подготовлен. Старуха останется довольна ее работой, если только капризный виконт опять не придерется к какой-нибудь мелочи.

– Сара, – гроыхнул бас в коридоре, – Петушок виски принес, – гоготнул великан.

– Пусть оставит там, – выглянув из комнаты, отозвалась Сара.

Напоследок окинув помещение взглядом и не обращая внимания на усиленно забившееся тело девушки, Сара, довольно шмыгнула носом и закрыла за собой дверь.

Глава 31

Лондон

1596 год

Виконт принял из рук Сары корзину, в которой лежали нужные ему предметы. Он уже предвкушал удовольствие, почти физически чувствуя резкую боль, смешанную с вождением. На первой сессии виконт сам зашил жертве рот, пока та была в отключке. Он ненавидел, когда они скулят, моля о пощаде.

Дождаясь в покоех, пока девушка очнется от дурмана,

виконт перебирал в пальцах ее отрезанное ухо, еле сдерживаясь, чтобы не удовлетворить себя раньше времени. Такая она была хорошенькая.

«Да, старуха в этот раз не подвела!» – подумал он, открывая дверь камеры. Виконт сходу хлестнул семиплеткой, пересекая кожу на спине жертвы. Девушка взвизгнула.

Он схватил за волосы ее дрожащую голову и крикнул в уцелевшее ухо:

– Слушай внимательно! Тебе будет больно! Очень больно! Но если ты станешь сопротивляться, я сделаю твою боль нестерпимой и долгой! Поняла?! – в доказательство своих слов, он бил наотмашь тыльной стороной ладони по ноющей ране на месте отрезанного уха. Девушка, давясь криком, спешно закивала. Из ее рта тянулись кровавые слюни.

– Хорошо, – манерно растягивая гласные, спокойно ответил виконт.

Он взял со столика глиняный стакан с иглами, выбрал самую длинную и, загнув ее полумесяцем, поддел получившимся крючком льняную нить. Потом откупорил бутылку виски и жадно глотнул из горлышка. Алкоголь обжег горло. Перехватило дыхание. Часто дыша, виконт расстегнул пуговицы нательной рубашки, обнажив худой торс. Мелкие шрамы, похожие на рваные порезы и укусы насекомых покрывали его тело. Точно оспины, они роились на коже. Первый прокол пробежал нервным импульсом к мозгу. Грубая нить, цепляясь волосками за край отверстия, заставила виконта

морщиться от боли. Оттянув левой рукой складку кожи, он снова вонзил иглу себе в живот, делая петлю для фиксации. Попробовав на прочность узел, он подошел к ней сзади. Следующий стежок предназначался ей. Она дернулась, но опыт его не подвел: одним движением он пробил иглой упругую кожу девушки, вытягивая из ее ягодицы уже смазанную кровью нить. Девушка забилась в приступе боли и паники, мешая его «волшебству». Несколько ударов плетью по спине на время притупили сознание жертвы, позволив ему продолжить.

Он сделал около десяти швов, соединяя свою и её левые стороны. Теперь самое трудное. Главное не кончить раньше времени, иначе все напрасно. Пах разрывало вожделением, но виконт всячески пытался отстранить охватившее его возбуждение, оттягивая финал. Он вошел в нее и продолжил накладывать швы. Шить справа было неудобно. Кровь текла по животу, липко чавкая от касания с ее промежностью. Она заскулила, но дергаться не посмела. Хотя это уже было не важно. Работа почти завершена. Пах, прочно притянутый к ее ягодицам, оставлял немного пространства для движения. Он выпустил иглу, и та повисла на нити, торчащей из бока его живота. Дотянувшись до бутылки, виконт щедро плеснул алкоголь на израненную спину девушки, заставляя ее выгнуться от боли. Теперь не нужно себя сдерживать.

Он бил плетью умело, не давая ей возможности терять со-

знание. Хлесткие удары приходились на руки, плечи, шею и спину. Она извивалась в судорогах, доставляя ему несказанное удовольствие.

Второй раз он кончил, когда девушка была уже мертва. Голова ее свисала, чуть сгорбив изрубленную спину, больше походившую на тушу животного из лавки мясника. Виконт устало срезал швы. Смочив ткань в тазу с теплой водой, заранее приготовленной Сарой, он принялся обтирать собственные порезы. Он был доволен.

***

Сара провожала виконта к экипажу. Шагая по гравийной дорожке, виконт, ссутулившись, заметно хромал. Глубокие тени залегли под глазами помощника графа.

– Я вернусь в следующее новолуние, – непривычно тихо произнес он, – скажи старухе, пусть мне отыщет девушку с красными волосами.

– С красными волосами? – переспросила Сара.

– Да.

– Это будет нелегко.

– Ты цену не набивай! – оскалился виконт. – Делай, что тебе велено.

– Но вы же знаете, хозяйка тяжело болеет, почти ни с кем не видится, оттого, всеми делами приходится заниматься мне, – смея смотреть ему в глаза, ответила она.

– Я знаю, иначе не говорил бы с тобой. Это старухе, – он протянул Саре увесистый кисет, – а это, тебе, – виконт достал из кармана точно такой же мешочек и вложил его в руку Сары.

– Все будет сделано, – неуверенно ответила Сара.

«Времена наступили тяжелые, – думала Сара, шагая обратно к дому». Сара знала, что хозяйка скоро должна преставиться, оттого она, Сара, не смыкая глаз, день и ночь ладила дела, возлегшие на ее плечи. «Еще и этот, – скривилась Сара, вспоминая про начальника городской стражи». Военный словно с цепи сорвался, узнав об исчезновении из барделя своей любимой шлюхи, которая после игр с графиней, упокоилась на дне темной Темзы. «Шныряет, выискивает. Со всем близко подобрался, – текли мрачные мысли в голове Сары, – теперь вот Виконту красноволосую подавай, – морщилась она». Сара сделала несколько глубоких вдохов. Не помогло. «Все наладится!» – сказала она себе, открывая парадную дверь.

Глава 32

Лондон

1577 год

В «Дом желаний» – так старуха назвала это место – Сара попала много лет назад. Отчаявшаяся от нищеты девушка

только переступила порог совершеннолетия. Она продавала себя пьяным матросам в портовых забегаловках. В один из промозглых вечеров ее купил ухоженного вида джентльмен.

К ее удивлению, господин не проявил интереса к тому, чем торговала Сара. Напротив, он сказал, что женщины, как объект вожделения, его не интересуют.

– Почему же вы не воспользовались услугами молодого Рори? – поинтересовалась Сара, – по части содомии, это к нему.

– О-о-о, – засмеялся мужчина, – вы не так поняли. Меня вообще не интересуют никакие интимные утехы. Я, еще будучи ребенком, как это правильно сказать, – замялся он, – в общем лишился возможности получать от того удовольствие.

– Вы кастрат? – в лоб спросила Сара.

– А вы не из робких. Это-то мне и нужно, – удовлетворенно кивнул он.

– Так чего же вы хотите?

– Сара, – начал мужчина, – вы знаете, что чем богаче человек, тем у него более... более тонкие... нет... изысканные желания?

– Откуда мне это знать?! Я обычная портовая шлюха. Моей платы хватает разве что на ночлег и еду. И клиенты у меня такие же. Вон, хромой Сэм вчера мне заплатил, а сегодня сам под таверной скулит, просит у дружков на выпивку.

– Все верно. Вам многому нужно учиться. Что скажете, если я предложу вам работу?

***

Сара училась быстро. Нейт ей не соврал: чего только не желали богатые господа, приезжавшие в поместье. Пряча лица под кожаными масками, они показывали свое истинное лицо. На первое время Сару приставили к железной Гретте в комнаты унижения. Бить, топтать, связывать, испражняться на них, было самым безобидным, о чем просили гости. После дешевой жизни проститутки, Сара с удовольствием плевала в лица богатеньких сэров. Она с неподдельной страстью душила белокожие шеи с пульсирующими венками, наполненными голубой кровью, и смотрела в выпученные, обезумевшие от вожделения глаза. Один из постоянных посетителей, имя которого держалось в тайне, лишился уже третьего пальца на ногах, каждый раз кончая и скуля от блаженства, когда Сара, раскаленными щипцами отнимала у него частичку его плоти. Позже Сара узнала в нем священника, встретив на улицах города босоногую процессию, во главе с безперстным падре, совершающим крестный ход в честь какого-то праздника.

Шли годы. Сара стала частью большой семьи. Хозяйка, женщина почтенного возраста, державшая дисциплину

стальной хваткой, прониклась к Саре доверием, поручая ей все более важных гостей. Сара и сама не заметила, как втянулась в темные дела.

Оказалось, не все богачи хотели получать боль. Многие желали боль причинять. И игры, которые заказывали гости, носили настолько изощренный характер, что Сару порой охватывал ужас от жестокости их фантазий.

Она никогда не забудет свой первый заказ. Хозяйка поручила Нейту найти игрушку для уважаемого гостя. Сказала, что искать такую лучше в провинции, подальше от города. Что она должна быть чистая, не больная. И без лишнего шума.

Нейт все устроил. Бедную крестьянку, дочь земледельца, похитили, когда та отправилась на пастбище доить скот. Пара нанятых головорезов запихнули перепуганную девушку в повозку и доставили в распоряжение Сары.

Сара на всю жизнь запомнила обеденный стол, празднично уставленный фарфоровой посудой с педантично разложенными столовыми приборами из серебра и свечами в дорогих канделябрах. Запомнила взгляд девушки, полный страха и мольбы о пощаде. Сара больше никогда не смотрела им в глаза.

Гость пировал, на живую отрезая части тела привязанной к столу жертвы. Он пил вино и мило беседовал со своей матушкой, которая сидела рядом и изредка улыбаясь, демонстрируя старческое слабоумие.

Тогда Сару стошнило впервые в жизни.

Глава 33

Лондон

1596 год

К своим неполным сорока, Сара усвоила многое, подчеркнув для себя красным главное правило: ты либо пастух, либо волк, либо овца. Но овцой Сара быть не хотела, оттого научилась пресекать в себе всяческую жалость по отношению к слабым. «Раз кто-то готов платить, – думала она, – значит, кому-то придется страдать. И этот кто-то не я!»

Сара уже давно перестала задавать себе «глупые» вопросы. Ее не беспокоили переживания, и сон ее не тревожили мучительные кошмары. Она смирилась. Потому новый заказ виконта вызвал в ней разве что чувство сильной усталости от прибавившихся хлопот.

– Нейт, – зайдя в дом, Сара позвала старого евнуха.

– Да, дорогая, – сладко отозвался тот, как всегда, тихо выплыв из полумрака просторной залы.

– Распорядись на рассвете приготовить экипаж. Нам нужно навестить падре.

– Это будет дружеский визит? – хитро улыбнулся Нейт.

– Помощь твоих разбойников в этот раз не понадобится. У меня к падре деловой разговор, – задумчиво ответила Сара. Она мысленно перебирала варианты рождающегося в голове

плана.

– Как скажешь, моя хорошая. Я направляюсь провести госпожу. Ей что-нибудь передать? – лукаво взглянул на Сару Нейт.

– Передай ей, что все в порядке. Я справляюсь. Ты же знаешь. – устало ответила Сара. – Пусть ни о чем не беспокоится и скорее выздоравливает.,

– Знаю, моя девочка, конечно, знаю, – тихо себе под нос, отозвался евнух.

***

– Моя голубка! Что вас привело в дом Божий? – голос святого отца отражался в высоких сводах храма, – неужто пришли покаяться?

– Оставьте ваши нравоучения прихожанам, святой отец, мне нужно всего лишь с вами поговорить, – серьезно сказала Сара.

– Ваш разговор может подождать, пока я освобожусь? – падре посмотрел на Сару. – Скажем, через час. Приглашаю вас отобедать со мной. Согласны?

– Да, святой отец! И с вашего позволения, недолгий час ожидания я проведу в вашем прелестном розарии. Полагаю, в это время года он бесподобен своей красотой!

– О, конечно. Раз вы хотите полюбоваться цветами, я попрошу подать нашу скромную трапезу в сад. Поистине, эти

прелестные цветы призваны своим видом напоминать нам о прекрасном творении Бога, – падре, слегка хромая, направился к выходу.

«Святоша заигрывается все сильнее, – думала Сара, – кстати, надо распорядиться, чтобы лучше закрепили крест. Святоша растолстел». (В последний свой визит святой отец велел прибить себя к кресту, желая уподобиться своему миру). «Только вряд ли у несчастного Спасителя вожделением топорщило набедренную повязку. – Сара, ухмыльнулась собственной колкости. – Надо падре поберечь, а то, глядишь, раньше времени отправится к своему Богу, а он пока еще нужен мне здесь».

Сара потеряла счет времени пока прогуливалась по прекрасному церковному саду. Ухоженные розы пьяно кружили ароматом голову, отвлекая от мирских забот. Редкий безоблачный день располагал наслаждаться уютным теплом заканчивающегося лета. Пожилая женщина из паствы прихожан, позвякивала посудой, неспешно подготавливая трапезный стол у стены открытой веранды.

– Напомните мне, когда вы в последний раз посещали церковь? – раздался голос за спиной Сары.

– Падре, вы же знаете, в силу возлегших на меня забот, я не частый гость Дома Господнего. Так уж и не упомяну, – ответила Сара, подумав, что напротив, отлично припоминает другие их встречи.

– Итак, милая моя, я вас слушаю, – смиренно отрепетированной годами интонацией и дружеским жестом приглашая Сару за стол, сказал падре.

– Святой отец, мне нужна ваша помощь.

– Да-да, я весь внимание. Только, моя драгоценная, пожалуйста, не так громко, у кустов и стен отличный слух, – подавшись вперед, произнес священник.

– Я слышала, вы раскрыли недавно целый ковен, – глядя ему в глаза, сказала Сара.

– Продолжай, – он перешел на «ты» насторожившись.

– Всех ли сговоренных с дьяволом удалось схватить?

– Да разве всех поймаешь? Зло не дремлет, без устали подтачивая невинные души темным соблазном, – произнес священник, покорным видом показывая тяжелую ношу праведного воина.

– Но падре, что, если я донесу вам некий факт, будто знаю женщину, занимающуюся порчей, ворожбой и всяческим прочим вредительством, – Сара уловила в мимике падре возросший интерес.

– Ведьму? – выдохнул он.

– Да, святой отец.

– И ты готова дать показания пред ликом Божьим и святым судом?

– Да.

– Так не молчи. Кто она?

– Все несколько сложнее, – ледяным тоном продолжила

Сара, – у этой женщины есть то, что нужно мне.

– Золото?

– Ее дочь.

– Дочь?

– Да, падре, девушка. Ее дочь.

Глава 34

Лондон

1574 год

Сара родилась в деревушке недалеко от Лондона. Отец, мастер на все руки, держал лучшую кузницу в округе. К нему даже из дальних графств приезжали заказывать всяческие хитроумные инструменты да изделия. И все бы хорошо, мужик то работающий, потому и деньги в доме водились, но стоило капле эля попасть ему в горло, случалась беда. Люди, слышав пьяный дебош крепкого, жилистого Калеба, исчезали с его глаз долой. И только Ирма, родившая Калебу помимо Сары еще троих детей, могла усмирить не на шутку разгулявшегося мужа. Так они и жили, пока Саре не исполнилось семнадцать. Тот год, она крепко запомнила. А началось все с самого обычного утра.

Как всегда, мать приготовила обед, наказав Саре отнести его в мастерскую отцу и братьям. Сара еще издалека разглядела ладную дорогую повозку, запряженную холеным жеребцом, смиренно ожидающим свою владелицу поодаль от их

кузни. Сара знала, кому принадлежит экипаж. Вдова покойного Джозефа, кузена барона, сама лично приехала забрать свое поручение. Зайдя в кузню, Сара не ошиблась. Рыжая, статная красotka, обезоруживающе скалилась, разговаривая с Калемом, мявшимся под ее взглядом, словно неловкий подмастерье. В тот вечер отец напился. Ирме впервые не удалось уложить разбушевавшегося кузнеца. А спустя месяц Калел бросил жену и детей, поддавшись огненным чарам одинокой вдовы, которая родила ему через год такую же бесстыже-рыжую девчонку, ни капли не похожую на Калеба. Калел так и не услышал ее первое заветное «папа». Кузнец отыскал свою смерть в одном из кабаков, когда был зарезан городской стражей в пьяном дебоше. В этот же кабак после кончины матери, отправилась зарабатывать себе на жизнь Сара.

Да, у Сары были все поводы ненавидеть рыжую суку. Желание отомстить за свою разрушенную семью, которое с годами не только не угасало, но и делалось мучительно сильнее, точило ее сердце изнутри. Отец, конечно не знал, кто подговорил охотного до продажной любви стражника, слегка переусердствовать с усмирением, вонзив Калелу нож меж ребер. Не мог знать он и того, что Сара вынашивала расправу не только его новой возлюбленной, но и его же веснушчатой дочурке, которую она возненавидела более всех.

Лондон

1596 год

– Время платить по счетам пришло, святой отец, – дрожащим от возбуждения голосом говорила Сара, – Вдова ворожкой забрала моего отца, и получив свое, отправила несчастного на тот свет.

Священник посмотрел на Сару:

– Девушка тебе зачем?

Сара промолчала, выдержав тяжелый взгляд. Ее темные глаза сверкали огнем.

– Утром, на рассвете я все устрою, – продолжил падре, – вдову будут допрашивать. Когда она все признает, а поверь, это случится скоро, я пришлю за тобой. Будет суд. Ее сожгут на костре. Девку же пусть завтра заберет Нейт. Скажи ему, чтоб ждал в полдень на развилке подле старого дуба.

– Спасибо, – выдохнула Сара, чувствуя, как вспотели ее ладошки.

– И еще, – бросил священник, не дав ей закончить разговор, – ты мне должна.

– Разумеется падре, – вставая из-за стола, ответила Сара, – я вам безгранично благодарна.

Случилось все, как сказал священник. Вдову схватили. Пытали. Конечно, она созналась во всех вменяемых ей преступлениях, среди которых самое страшное «за сговор с дьяволом» ставило крест на жизни несчастной.

Сара видела, как подожгли солому. Сухие паленья с трес-

ком схватились огнем. Вдова подняла голову. Их взгляды встретились. Гомонившая на площади толпа, не дала Саре расслышать, что твердят губы притянутой к столбу женщины. Но Сара готова поклясться, это были слова проклятья.

Всю ночь Сара не сомкнула глаз. Доселе мягкая, а теперь сбившаяся комьями перина давила бока. Подушка стала ершистой и больно колола щеки вылезшими из нее перьями. Свершившаяся месть вместо упоения принесла только тревогу и переживания, чуждые сердцу Сары. «Почему я должна ее жалеть? – думала она о дочери вдовы, ворочаясь на мокрой простыне, – в ней кровь этой бляди и ни капли нашей. По крапленому лицу же все видно». Но в глубине души Сара понимала, уже принято решение. «Завтра на рассвете пусть убирается ко всем чертям, – стиснув зубы, бросила она в пустоту комнаты, – плевать что скажет виконт. Гребаный извращенец подождет. На крайний случай пусть пришьет себя к свинье! – горячилась разыгравшимися мыслями Сара, не зная о неожиданном улучшении самочувствия хозяйки».

С приходом рассвета, а скорее от принятого решения, глубокий сон поглотил сознание Сары. Всегда внимательный Нейт, уловив ее душевные переживания, проявил заботу и не стал докучать утренним стуком в дверь.

– Пусть отдохнет девочка. В последние месяцы, она трудилась не покладая рук, – доложил он хозяйке, впервые за долгое время вернувшейся к делам и властно охаживающей

свои владения.

Не услышала Сара и стука копыт, сменяемого шуршанием гравия под ногами гостя. А спустя час в ее дверь все же постучали.

– Дорогая, пора вставать, – услышала Сара мягкий голос Нейта, – Виконт ожидает.

Глава 35

Лондон

1596 год

Она еще дышала. Рыжие волосы спадали с поникшей в бессознании головы. Густые комки запекшейся крови черными волдырями покрывали исполосованную спину девушки. Обрывки нитей торчали из худых ягодиц.

– Прости, – тихо сказала Сара, не ожидая ответа.

Сара гнала прочь мрачные мысли, но они все больше наполняли ее сознание.

– Виктор! – крикнула она в темноту коридора.

Послышались грузные шаркающие шаги. Склонившись, чтобы не удариться лысой головой о перекладину низкого дверного проема, в помещение вошел охранник.

– Помоги ее развязать и... – Сара запнулась, – и надо закончить дело.

Великан сплюнул. Сопя от усердия, Виктор перевернул девушку лицом вверх и срезал веревки.

– На тебя похожа, – бросил он Саре, обнажая в ухмылке гнилые зубы.

Сара хотела съязвить, но одернула себя: «У идиота мозгов, что у пса, хватает разве только на служенье за миску хлеба и конуру подле хозяйского дома!» – подумала она и презрительно скривила уставшее лицо.

***

Виконт явился двумя днями ранее оговоренного, потому, сам не зная, сорвал задуманный Сарой план. Девушку спасти не удалось. Перечить внезапно поправившейся хозяйке Сара не посмела. Сестру (Сара старательно избегала этого слова) опоили, подобающе подготовив к встрече с виконтом.

Все случилось быстро. Тихо. На удивление девушка не кричала, чем породила еще большую ярость ее мучителя. Она отрешенно терпела страдания, причиняемые вгрызавшейся в спину плетью. Ее словно не было в теле, когда тупая игла пробивала белесую кожу, приближая момент надругательства.

Но у виконта ничего не вышло. Его подвела собственная плоть, не пожелавшая откликнуться зову хозяина. Он в бешенстве выскочил из комнаты, так и не сумев закончить вышивку.

Виконт закрылся в своих покоях. Звуки бьющейся посуды и мебели, вперемешку с яростной бранью еще долго слы-

шались за стенами его комнат. Но через какое-то время все стихло. Тревожить гостя никто не решался.

Последним, кто видел виконта живым, была жирная крыса, которая выползла из своего укрытия на запах крови. Достопочтенный господин еще дергался, болтаясь в петле, подвешенной к настенному канделябру. Кровь, сочащаяся из его свежих ран, стекала по телу и собираясь в багровые капли на кончиках пальцев ног виконта. Крыса, встав на задние лапы, жадно слизывала густую темную жижу. Он дернулся в последний раз и обмяк. Животное пискнуло и отпрыгнуло в сторону, когда что-то теплое разлилось ей на спину.

***

Сара смотрела на сестру. Грудь сестры еле вздымалась от слабого дыхания. Лицо девушки, несмотря на пережитое, было красивым. Веснушки, смешанные с пятнами крови, рассыпались до самых плеч. Кожаный шнурок на ее шее, путаясь, исчезал в рыжих локонах. Сара протянула руку. В волосах сестры она нащупала что-то круглое. Серебряный медальон. Он казался горячим. Странные узоры завораживали. Они кружили, изгибались, словно живые двигались в танце. Сара не заметила, как сестра открыла глаза. Она наблюдала за ней.

– Нравится? – еле слышно произнесла сестра.

Сара дернулась, оступившись от неожиданности.

– Теперь он твой... – улыбнувшись выдохнула сестра, и густой, булькающий кашель прервал ее слова, окрасив рот красным.

– Не нужно, – Сара остановила потянувшегося к удавке Виктора.

– Ты уж прости меня, сестрица, – чуть успокоив дыхание, продолжила девушка, – мой путь завершен. Сегодня я стану свободна.

– О чем ты? – спросила Сара.

– Ты знаешь, о чем. – Девушка говорила медленно, тихо. (Саре пришлось приблизиться я к ней) – Всему есть цена, – повторила она слова отца. Сара подняла взгляд. Их глаза встретились. Девушка смотрела не моргая. Она улыбалась. На ее лице угадывался покой и умиротворение. Блеснул медальон. Поймав отражение свечи, он оставил ожог на уже неживой коже.

Сара молча вышла. Устало сторбившись, она брела в серой сырости коридора. «Всему есть цена!»

Виктор вынес мертвое тело на задний двор. Погрузив его в повозку, под покровом ночи вместе с Нейтом они вывезли девушку к безлюдному берегу темной Темзы. Набив мешок камнями, они уложили в него труп, скинули его в мутную воду, и тот быстро опустился на дно небольшой заводи, в которую частенько наведывался в поисках добычи молодой сом. Когда запах разлагающейся плоти, дошел до чуткого нюха рыбыны, сом, распугав уже подкравшихся к добыче раков,

с жадностью приступил к своему рыбьему пиру. Его-то спустя почти двадцать лет и выловит счастливый мальчишка по имени Тайлер.

Так медальон начал долгий путь в этой запутанной истории, подобно волшебному джину, дожидаясь следующего хозяина в сосуде желудка темзенского сома.

К слову, «Дому желаний» оставалось недолго. Начальник городской стражи, имея шпионов во всех известных условиях, получил донос о приватном разговоре некоего священника и молодой особы. Падре недолго сопротивлялся. Каленое железо быстро выбило из него правду, и уже через день особняк наполнился гамом штурмующих его солдат. Нейта и Виктора, как и значительную часть прислуги, закололи в ходе стычки. Хозяйка, напрасно понадеявшись на свои связи, добровольно сдалась. А позже она предстала пред судом и была приговорена к смертной казни через четвертование. Сару приговорили к повешенью. Сом же, знатно откормившись, еще много раз пировал человечинной, щедро пополнявшей темную воду средневековой Темзы.

Глава 36

Смоленская область

Осень 2022 года

Еще не зима, но уже не слышно суетливых ласточек. Сты-

лое ползет по земле, взбирается на холм, кутает собой поселковое кладбище.

Сара шла по тропке, петляющей между низкорослых оград. На какое-то время Сара задержалась у деревянного креста. Его чуть повело от сырости, но на фоне покосившихся берез это не бросалось в глаза. «Савельева Анна» – прочитала Сара под фотографией. Сара улыбнулась. Она протянула руку, чтобы смахнуть воду с фотографии, но пальцы ее только скользнули сквозь пластик. «Уж привыкнуть бы!» – невесело усмехнулась Сара и пошла дальше. Скоро она увидела его, но не стала подходить слишком близко, она переступила невысокую ограду чьей-то могилы и села на холодную, гранитную лавочку возле серого надгробия. Мрачными были и мысли Сары. Она смотрела на свежий, но уже осевший от дождей холм. Тусклые венки, нагроможденные сверху, растрепались на ветру и оголили ржавые прутья. Они тоже ждали своего часа. Таким же усталым и разбитым казался мужчина, склоненный над гаснущей в изголовье могилы лампадкой. Саре было жалко Будулая. Сегодня шел сороковой день, как не стало его Юльки.

Быстрый ответ по запросу в поиске Яндекс: «Что означает 39 и 40 день после смерти человека?»

Душа человека до третьего дня находится рядом с его родными, с третьего по девятый день ей показывают загробный мир, а с девятого дня – особо тяжелый период для

души умершего. Она идет по мытарствам, где познает все свои грехи. Наконец, в сороковой день оканчиваются мытарства, и душа снова возносится ангелами на поклонение Богу, Который определяет ей соответствующее место в ожидающей Страшного суда по ее земным делам, духовному состоянию и по благодати молитв Церкви и близких.

В прошедшие тридцать дней Сара вспомнила все свои жизни. Помимо ее первой пока их случилось еще три. Китайская девушка Сян, студентка из Смоленска Аня и подкидыш Юлька. Сколько еще осталось, решать Ему. За каждую отнятую Сарой жизнь, она будет платить. Все, как говорил отец: «Всему есть цена».

Сегодня Сара снова предстанет пред Ним. А вскоре или может даже не через один десяток лет она родится в новой оболочке, чтоб пройти путь, наполненный болью и страданием, в уплату своего долга перед загубленными судьбами людей. Она знала, что встретит их всех до единого. Она знала, что будет вымаливать прощение. Но горше всего то, что они прощают. По-настоящему прощают. И по-настоящему искренне любят. Рыжая сестренка, встречая Сару, всегда бросается ей на шею, обнимает, целует и говорит, что не держит зла и что с нетерпением ждет ее, когда все закончится.

Но Сара знала и то, что злополучный медальон, к слову сказать, выкованный отцом и подаренный в день свадьбы своей второй жене, статной вдове кузена барона, дожидает-

ся ее, Сару, в крысином гнезде и обязательно найдет свою хозяйку в ее новой жизни.

Сара чувствовала, как растворяется в прозрачности морозного воздуха, подступающей зимы. Ей, и правда, было жалко Будулая. «Но ведь и он за что-то платит», – подумала она, перед тем, как окончательно исчезнуть.

Глава 37

Калининград

2023 год

Я прожил интересную жизнь. По большей части счастливую. Хотел бы я что-либо изменить? Конечно, хотел бы. Но кто не делает ошибок?

После завершения следствия по делу о подрыве озера и сходе селя в районе поселка Верхний Баксан мне не давали покоя детали. Ожидаемо, Танюшку признали невиновной. Самооборона, которая привела к гибели нападавшего, укладывались в рамки допустимой и трактовалась как неизбежная мера. Федеральный Следственный комитет подключил лучших оперативников, и им нужно отдать должное: они установили связь между исчезновением Ани, пропавшей восемь лет назад на озере, и Антоном Кузнецовым, который прибывал в то же время в Приэльбрусье в качестве гида. От-

печатки пальцев, снятые с термоса, найденного в Аниной палатке, совпали с отпечатками Кузнецова. Шаг за шагом, следствие привело в кабинет психолога Кузнецова, Филиппа, который экстренно покинул Россию, вернувшись к себе на родину во Францию. Полиция даже организовала заграничную командировку, координируя работу с иностранными коллегами. Филипп рассказал все что знал. Просочившаяся в прессу информация взрывала первые полосы газет, на разный манер склоняя и сочетая «сенсация» и «серийный убийца». Дня не проходило, чтобы нам с женой не звонили назойливые журналисты, зазывая на ТВ, в свои второсортные программы, перемывать кости на всю страну. Но мы сначала вежливо, а позже и не очень, отказывали, предпочитая скорее забыть пережитое.

Следствие установило причастность Антона Кузнецова к девяти убийствам, но полагалось, что их было больше. Супруга Кузнецова сменила фамилию себе и детям и уехала подальше от людских пересудов. И все укладывалось в официально предложенную следствием версию кроме одного – нашей встречи с Аней. Дошло даже до того, что искали соучастницу Кузнецова, которая якобы вступила с ним в сговор и, подсев к нам попутчицей в автомобиль, представилась покойной Аней. Но нелепость данной версии быстро зашла в тупик, оставляя вопрос открытым и неудобным. И, в целом, мы с Таней почти поверили, что не было ничего сверхъестественного и необъяснимого, если бы только мне на гла-

за однажды не попалась статья весьма посредственной газетенки, вывешенной в прикассовой зоне супермаркета. В той статье в сотый раз пересказывались преступления Кузнецова с характерной для желтой прессы художественностью текста в сочетании с вымыслом автора. Но вот что привлекло мое внимание. Журналист, проявив усидчивость и порывшись в военных архивах, нашел фотографию некоего Якуба, немецкого солдата СС времен Второй Мировой войны, останки которого были обнаружены рядом с останками Анны. Разместив снимок в контексте своей статьи, журналист риторически задавался вопросом: не было ли у этих двух смертей чего-либо общего, кроме их совместной могилы?

На том кадре белобрысый молодой человек в обществе нескольких бравых арийцев позировал перед объективом камеры. Черно-белая фотография запечатлела жаркий солнечный день. Был виден водоем. Молодые люди стояли по пояс раздетыми. Вероятно, они собирались искупаться. Якуб стоял по центру, склонившись к объективу легендарной Leica 2. Сверху, на него наваливаясь, застыл снятый в движении сослуживец, радостно кричащий что-то Якубу в ухо. Трое других немцев, вжимаясь друг другу в бока, толкались, пытаясь поместиться в кадр. И я уже почти отвел взгляд от немецкой фронтовой фотографии, как мое внимание привлекла одна маленькая деталь. На шее Якуба висел знакомый мне медальон, который я видел на браслете Аниного запястья.

Глава 38

Калининград

2023 год

Я начал свое расследование. Первым делом связавшись с мамой Ани, поинтересовался, знакомо ли ей то украшение. На что она ответила, что не видела его ранее, до момента, пока следователь не вернул ей личные вещи дочери. «Наверное, Анечка незадолго до случившегося купила себе в коллекцию новую безделушку. – говорила в трубку телефона Светлана Владимировна, – Может быть, даже там, на Эльбрусе. Анечка всегда со мной откровенничала. Всегда привозила мне подарочки из путешествий: магнитики, чашечки, всякие сувенирчики. А себе вот подвесочки на браслет. Всегда мне их показывала, мол, посмотри мама, мир огромный, и он не заканчивается стеной соседней хрущевки. А я то... Когда мне было путешествовать? А теперь уж и поздно». «А где сейчас ее браслетик?» «На могилке оставила в день похорон». «Как думаете, он еще там?» «Да нет, конечно, на следующий день уже не было. Наверное, сороки утащили. Так-то оно и лучше», – чуть потрескивая прерывающейся связью, рассказывал мягкий голос из динамика – Димочка, а тебе зачем это?» «Светлана Владимировна, честно, пока и сам не знаю, но как пойму, обязательно скажу вам».

Я перебрал множество возможных вариантов, допустив

даже, что это Кузнецов подвесил медальон на Анин браслет. Но возникал простой вопрос: зачем? Зачем снимать подвеску с пролежавшего восемьдесят лет под водой трупа немецкого солдата? Зачем надевать это украшение на запястье девушки, которую ты собираешься убить? Да и технически это слишком сложно. Чтобы добраться до медальона, требовалось водолазное оборудование (а оно очень тяжелое), которое еще как-то нужно поднять на высоту четыре километра. Нет, здесь было что-то другое.

Я стал изучать архивы. Поиски усложнялись секретностью документов времен ВОВ. Все что мне удалось найти, это довоенный след Якуба, побывавшего в тибетской экспедиции. Лишь двое из участников той экспедиции дожили до наших дней: Геолог Ральф Фогель и фотограф Лоренц Вернер.

На мой запрос внучка Ральфа ответила, прислав короткий мэйл, в котором говорилось, что моя информация неверна, и дед ее скончался в том году. А вот Лоренц Вернер был еще жив, но, к сожалению, страдал старческой деменцией и находился в доме престарелых, доживая свои дни на юго-востоке Германии под Дрезденом. Примечательным оказалось то, что он был родом из Кенигсберга, нынешнего Калининграда. Города, в котором мы с Танюшкой выросли, встретились и создали нашу семью.

Меня не покидало чувство, что я уцепился за что-то важное.

Я отыскал адрес и нашел дом, в котором до окончания войны проживал Лоренц. В двух десятках километров от Калининграда, в маленьком поселке стоял двухэтажный особняк из красного кирпича, возведенный в начале прошлого века, о чем числом 1907 говорила лепнина фасада. Кровля дома прогнила, выгнулась под тяжестью черепицы. Дорожка, которая вела ко входу, поросла сорняком и кустами. Некогда выкрашенная голубым цветом дверь, теперь пузырилось облупленной на солнце краской.

Оконные стекла были целые. Отчего-то местная шпана не соизволила их расколотить, как это принято на всех «заброшках».

Я дернул ручку. Навесной замок бряцнул расшатанными гвоздями петель. Я дернул сильнее. Со скрипом старческой боли дверь поддалась, отворившись ровно на столько, чтоб чтобы я смог протиснуться.

Мебели не было. С голых стен свисали обрывки советских обоев. Под обоями видны были старые пожелтевшие газеты, в том числе и немецкие. Пыль кружила в тягучих лучах, вяло пробивающихся сквозь грязные окна, которые по краям ставень поросли прелым мхом. Строительный мусор хрустел под ногами, эхом отражаясь в сводах высокого потолка. Мелодией Ватсап зазвонил телефон, заставив меня вздрогнуть. Я посмотрел на экран – «Лаура».

«Дмитрий? – с сильным акцентом раздалось из динамика, – это Лаура, – говорил низкий голос, посаженный тысячами выкуренных сигарет, – ты мне звонил... ты спрашивать про отца... Лоренц Вернер... – она замолкала, вспоминая русские слова». «Да, Лаура, у меня сохранился ваш номер», – ответил я, заметив, как учащается мой пульс. «Дмитрий, я ездить к отцу. Я говорить... говорила тебе, он болен. Старый он. Я говорила отец о твоём письме. Тебе нужен их... как это? Expedition, горы. Дмитрий, ты меня слышишь?» «Да-да, я здесь». «Дмитрий, папа мне ответил. Он говорил искать охотник... охотника. Дмитрий, ты знаешь? Что это?» «Нет. Лаура, мне, к сожалению, это ни о чем не говорит». «Дмитрий, мне жаль, но это все, – Лаура на секунду замолчала, – вчера отец умер». «Лаура, примите мои...» «Не стоит, – перебила она, – отец жить хорошо». «Спасибо вам, если что...». «Пока Дмитрий, – не дослушав попрощалась Лаура». В трубке раздались гудки.

Разговаривая по телефону, я забрел в соседнюю комнату. Наверх уходила деревянная лестница, закручиваясь спиралью стертых ступеней. Некоторые доски совсем прохудились, и я старался наступать подальше от центра.

Второй этаж мало чем отличался от первого. Разруха и запустение царила повсюду. Птичий помет густо лежал на полу. В дальнем конце помещения высилась большая кафельная печь, похожая на двухметровый шкаф. Я помню, как

в детстве, у многих знакомых стояли такие. Немецкие печи старались сохранить. Если в доме не было центрального отопления, то, благодаря хитрой инженерии старых каменщиков-печников, хватало всего охапки дров, чтобы обогреть дом в промозглую балтийскую зиму. Змеевик дымохода петлял внутри печи зигзагами. Правильно выверенные углы равномерно отдавали тепло на стенки кафельной плитки, которая облицовывала кладку из огнеупорного кирпича. Порой печная керамика могла соперничать с произведениями художественного искусства. Черные копатели давно добрались до подобных шедевров, разобрал и раскупив все, что можно было достать. Но к редкому чуду, печь этого особняка уцелела.

Я подошел ближе. Белый помет потеками застыл на изумрудном глянце. Чугунная дверца топки была приоткрыта. Словно разинув беззубый рот, она безмолвно вопрошала чернотой прогоревших колосников. Чуть выше, изредка появляясь из-под печной грязи, угадывался рисунок. Я поднял валяющуюся на полу тряпку и принялся тереть кафель. Постепенно моему взгляду открывались очертания запечатленной художником сцены. Опушка леса. Высокая трава. По траве несется свора собак, гонит разъяренного кабана. Вепрь стремглав бежит на человека, который целится в него из ружья. Животное мчится навстречу своей смерти.

«Ищи охотника» – стучало в висках. «Ищи охотника» ...

Я выбежал на улицу и, взяв из машины нож, помчался об-

ратно.

Выцарапывая ножом глину, я расшатал нужную плитку с изображением зверолова.

Внутри, между облицовкой и кирпичом, была небольшая полость. Просунув в нее руку, я нащупал сверток. Перед тем как вынуть его, пришлось немного повозиться, чтоб расширить проем. Сверток был обтянут плотной бумагой, которая высохла и пожелтела от времени. Под оберткой я обнаружил стянутые бечевкой исписанные листы. Это был дневник молодого фотографа, Лоренца Вернера

Глава 39

Из дневника Лоренца Вернера

Кенигсберг, Лхаса

1938-1944 годы

«17 мая 1938 год.

От волнения дрожат руки. Это явно заметно неровностью моей каллиграфии, чего вовсе нельзя допускать.

Дорогой Ганс Бернгард фон Грюнберг, спасибо за оказанное вами высокое доверие! Я не подведу вас и с честью буду выполнять поставленные университетом задачи во благо нашей великой страны!

Я начинаю этот путевой дневник, дабы не упустить ни малейшей детали столь важной миссии, возложенной на меня».

«13 июня 1938 год.

Подготовка проходит успешно. Не знал, что существует столько узлов. Выучил уже двенадцать. Мои любимые – восьмерка и булинь».

«7 июля 1938 год.

Поезд тронулся. Кенигсберг позади. Хорошо, что отец не пришел провожать меня. Мне было бы стыдно за свои слезы».

«24 августа 1938 год.

Наконец мы добрались в заветную Лхасу, сердце Тибета и крышу всего Мира. За время пути я проделал два новых отверстия в ремне своих брюк. Мы отлично питаемся, но для гор этого недостаточно. Они требуют большего, чем я мог ожидать».

«25 августа 1938 год.

Тибетцы к нам доброжелательны, открыты. Агрессии встречено не было. В бытовых вопросах с готовностью помогают».

«27 августа 1938 год.

Сегодня на собрании нам рассказали о цели экспедиции. Мы ищем наши корни. Возможно, тибетцы хранят в своей физиологии нужные нам свидетельства. Мы должны

доказать, что именно германцы стоят у истоков становления мира».

«12 сентября 1938 год.

Я сбился со счета. Во дворе лагеря с раннего утра вновь собралась очередь. Густав уже принимает третьего исследуемого».

«23 сентября 1938 год.

Вчера я подслушал разговор. Гауптман громко кричал, сделав меня случайным свидетелем своих слов. Он отчитывал младшего офицера. Тот не отправил какие-то образцы».

*Сноска сбоку: «Что это за образцы?»

«27 сентября 1938 год.

Ночью я прокрался к поклаже и, вскрыв сундук, обнаружил золотые и серебряные серьги, три кольца, перстень с красным камнем, ржавые часы, подвеску, несколько незнакомых мне монет, нож, костяной гребень, глиняную чашку и два ключа.

*Сноска сбоку: Какую ценность представляют данные предметы?»

«02 октября 1938 год.

Выпал первый снег. В ближайшие дни отправляемся домой, иначе придется остаться на зимовку».

«04 октября 1938 год.

Вчера был прощальный ужин. Все напились. Дарили памятные подарки. В основном амулеты из кожи, но Якубу достался медальон».

«09 декабря 1938 год.

Вернулись домой. Нас встречают с почестями. Гауптман удостоен высокой награды. Мы справились с задачей. Так он сказал».

*Сноска сбоку: «Справились?»»

«14 декабря 1938 год.

Скоро война. Это очевидно. Думаю, мы искали союзников на востоке».

«16 декабря 1938 год.

Аненербе. Истоки? Экспедиция. Связь? Узнать».

«18 декабря 1938 год

Нашел записи в университетском архиве. Аненербе связано с организацией Туле.

*Сноска: «Узнать больше о "Туле"».

Информация из интернета по запросу «Общество Туле»

Общество Туле – немецкое оккультное и политическое общество. Туле – северный остров, упоминающийся в античных источниках. Дата и место образования – Мюнхен, 1918 год. Основа исследования организации – происхождение «арийской расы». Члены общества были убеждены, что арийцы происходят от жителей острова Туле, в свою очередь населенного предками выживших после гибели Атлантиды Атлантов, таким образом, являясь их потомками и, как следствие, высшей расой.

Члены Туле верили, что арийская раса некогда обладала секретными знаниями, которые можно воплотить с помощью магических ритуалов. Значимая часть деятельности общества, а многие убеждены в ее первопричине, была направлена на оккультизм.

Доподлинно известно, что высокопоставленные чины третьего рейха входили в состав общества.

Туле активно содействовало НСДАП и Аненербе. Гитлер состоял в Туле и обучался ораторскому мастерству у представителей общества. Тем не менее в 1935 году (по совпадению год начала деятельности Аненербе) членам СС запретили состоять в Туле. Позже сама организация также была признана запрещенной.

Информация из интернета по запросу «Аненербе»
Ананербе (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков») – эли-

тарный мистический орден, с 1939 года по инициативе Гиммлера занимающийся научно-исследовательской деятельностью в структуре СС. Первоначальной целью ордена, как и его предшественника, общества Туле, было доказательство расового превосходства германцев. Позже деятельность Аненербе расширилась во многих сферах, образовав более пятидесяти исследовательских отделов, изучавших астрономию, медицину, геологию, историю и многое другое, в том числе мистику и оккультизм.

С началом войны Аненербе выдвинула программу антропологических исследований, включавших антигуманные опыты. В качестве исследуемого материала использовали живых людей. Подопытными выступали узники концентрационных лагерей.

«18 декабря 1938 год.

Общество Туле. Я был прав. Истинная цель экспедиции вовсе не установление нордической связи тибетцев. Мы нашли то, что искали».

«5 января 1939 год.

Привезенные из экспедиции предметы (в описи значатся как артефакты) – это оружие».

«12 января 1939 год.

Я попал в поле зрения полиции. Они намекнули, что более

не стоит интересоваться вопросами государственной важности. Мне пригрозили заключением. Приходили к отцу».

«13 февраля 1939 год.

Артефакты подобны аккумуляторам. Они вбирают в себя энергию. Мне неясно, как как это научно объяснимо. *Имя закрашено* сказал, что привезенные из Тибета вещи (найденные мной в сундуке) распределили по концентрационным лагерям».

«04 сентября 1939 год.

Началась война. Мы вторглись в Польшу. Мне страшно».

«28 октября 1939 год.

Отправляюсь на фронт».

«Ночь с 29 на 30 августа, 1944 год.

Мы отступаем. Я ошибался. Сегодня снова прятались в погребе от английских бомб. Завтра еду домой прощаться с родителями и сестренкой. Теперь не стану стесняться слез. Советские войска близко. Будем обороняться. Это ненадолго. Кенигсберг скоро падет. В том уже не сомневаюсь. Мы совершили непоправимую ошибку. Мы все виноваты».

Глава 40

Центральный Дагестан

2023 год

Халид дремал в тени скалы, пережидая полуденный зной. Старый чабан изредка поглядывал на склон летнего пастбища, по которому разбрелась отара овец. Все здесь Халиду было привычно: высокое синее, бескрайнее зеленое, далекое белое. Халиду казалось, что он слышит, как горы тянутся к небу, но небо, не желая себя отдавать, режет гордые вершины крыльями парящих в нем орлов. К привычному сегодня еще добавился и шум воды; небольшая речушка, окрепнув ночной грозой, теперь гулко срывалась водопадом в каньон, радуя слух горца. Халид улыбнулся, глядя на пасущегося подле него коня. Животное тоже слышало воду и часто отрывалось от травы.

– Скоро напъешься, – сказал чабан хриплым голосом.

Стар был Халид. Он и сам прекратил вести счет годам. Если бы не запись в семейном Коране, выведенная аккуратной вязью в день его рождения, позабыл бы уже давно свои лета. А родился он в 1917 году, в ныне вымершем ауле Гамсутль.

Кто-то говорит, что тот аул Христа помнит, а некоторые и вовсе утверждают, что селение это уже было, когда Святой явился.

Тому свидетельств немало. Приземистые стены аула, испещренные знаками и символами, рассказывают запутанную историю сменявших друг друга верований и людей. Зороастризм, христианство, а позже и мусульманская религия, на тысячи лет оставили свои следы, высеченные письменами в

каменной кладке домов, теперь уже брошенных в запустении.

Никому за столько времени не покорился Гамсутль. Непрístupные скальные обрывы надежно защищали аул от нападков воинственных соседей. Сам Имам Шамиль оборонялся в нем, наблюдая за русской армией с «Зуб-скалы». Императорские войска так и не сумели пробраться в крепость. Помнил Гамсутль и женщину-полководца, единственную за всю историю Дагестана. С тех пор речка внизу ущелья так и зовется «Красная». Алой она стала от крови врагов, побежденных хитростью и умением воительницы.

Но время берет свое. Ему подвластны любые стены и преграды, любые крепости и скалы. Ныне лишь ветер гуляет в оставленных домах, завывая сквозняком пустых оконных глазниц и покосившихся дверей. По узким извилистым улочкам, где с трудом расходятся двое, сегодня стирают подошвы туристы. Больше не слышно муэдзина, некому да и некого теперь звать к молитве в поселковой мечети. И только кладбище на склоне за аулом косыми рядами надгробий напоминает о людях, некогда живших здесь. Но могильный камень, уготованный последнему жителю Гамсутля, пока так и не дождался горца Халида, давно переступившего порог столетия.

Старый чабан каждое утро встречал рассвет с одной лишь ему известной целью. Питался он просто. Немного мясного бульона, сыр, ягоды, овощи, фрукты, постные лепешки, мед.

Никогда не позволял себе излишней сытости. Пил родниковую воду и травяные настои. Дышал чистым воздухом дальних горных пастбищ, не знавших современного городского смрада. Трудился много, за что еще при советах был награжден Орденом Красного Трудового Знамени. Тягостные мысли не клонили к груди голову Халида, только волки да медведи после долгой зимы доставляли хлопоты, пробираясь ночью к овечьей отаре в надежде поживиться добычей. Дети, внуки, правнуки разбрелись далеко за родные земли, и лишь Расул, младший сын от третьей, ныне покойной жены, навещал Халида, привозя необходимые припасы, инструменты и одежду.

Летом жил Халид в хижинах, что ставили на пастбищах чабаны. Зимой – спускался в аул к сыну. «Расул молодец, хваткий получился, – думал Халид, – в Махачкале дела свои, денег заработал, уважение. Дом не забывает. Дорогу, вон какую проложил. Раньше только на коне можно было, а теперь вот почта, да медики по надобности приехать могут». В том году молодой фельдшер что-то все записывал себе в блокнот да удивленно кивал головой. «Здоровье у вас, молодой позавидует, – уходя, сказал он Халиду, – хоть книгу по вам пиши, как правильно жить нужно». А книгу и вправду было о чем писать.

Халид не успел доучиться в университете, началась война. Несильно потрепали Махачкалу фашистские авианалеты,

но до боли задела молодого, горячего горца. Дошел Халид до самого Берлина, разбивая немцев в Белоруссии, Польше, неуклонно продвигаясь на запад.

Долгими вечерами, сидя у огня домашней жаровни, сначала дети, а за ними и внуки, забираясь на колени к деду, просили рассказать его, как он бил фашистов. Никогда Халид не говорил о том. «Что рассказывать? На то сняты красивые героические фильмы, написаны правильные книги, – рассуждал Халид, – ни к чему детям слушать про лишения солдатской жизни. Дай Аллах не знать им, что такое война!» Но судьба распорядилась иначе. Первый сын не вернулся из Афгана. Средний и младший сыновья от второй жены погибли в боях за Грозный, делая глаза отца еще печальнее.

Помнил Расул, как всякое девятое мая папу на парад забирал узик, специально присланный за ним из райцентра. С каждым годом редели ряды боевых товарищей. Все меньше собиралось ветеранов за столом районного ДК.

После памятного дня, Халид приходил домой уставшим и молчаливым, а выдвижной ящик шкафа тихо пополнялся новой медалью.

Не был тот день для Халида торжеством. Расул знал, что ночью отец не сомкнет глаз, закрывшись в своей комнате. Никто не видел слезы крепкого горца, хранящего в подкладке своего берета выцветшую фотокарточку Саният, первой жены, которую у него отняла злосчастная война.

У Халида был красивый голос и ясный ум. Он рано сделался Муэдзином при Мечети, завоевав уважение и доверие Имама. Саният была средней дочерью Имама. Влюбился тогда Халид без памяти. Все мысли его были о своей драгоценной Саният. Благо и он ей приглянулся. Три раза сказала она «да» и стала Халиду женой. Отец ее был человеком непростым. Он был образованный. Умный. Все наставлял Халида учиться.

Поехал тогда Халид в Орджоникидзе. Поступил в горный институт. Так и попал в гималайскую экспедицию. А когда вернулся, Саният родила ему сына. Только скоро полетели страшные новости, а вслед за ними и бомбы, одна из которых угодит в полевой госпиталь, где маленькая отважная санитарка по имени Саният в ту ночь будет дежурить у коек раненых бойцов. Письмо Имама с печальной вестью настигнет Халида в пущах Белоруссии, наполнив горем сердце юноши.

После войны Халид вернется в родной Гамсутль. Женится второй раз. Будет работать на строительстве, в том числе больших советских проектов, дамб и гидроэлектростанций. Данная Аллахом долгая жизнь сложится и третьей женитьбой уже преклонного возраста Халида, ставшего на пенсии чабаном. Но была у Халида тайна. Ни с кем он ею не делился, молча неся возложенное на него бремя. Тот секрет перешел ему от отца Саният, отцу Саният – от старшего Имама. Так и передавались те знания из поколения в поколение, в непомнящем своего начала, неприступном ауле Гамсутль, где по-

следнем, ныне живущем хранителем, остался Халид.

***

Внизу, у кромки леса показалась фигура человека. С такого расстояния Халид не мог разглядеть, кто это. Вдохнув глубже, он поднял глаза к небу. Улыбка еще сильнее прорезала складками и без того морщинистое лицо. Халид бережно поправил берет; в подкладке головного убора хранилась фотокарточка. «Скоро любимая, совсем скоро, – тихо сказал он в небо, – скоро мы встретимся». Халид знал, пришло его время.

Глава 41

Центральный Дагестан

2023 год

– Добрый день, – поздоровался я.

Влажная футболка липла к телу, сморщившись под лямками рюкзака.

– И правда, добрый, – ответил старик, кивая головой.

Когда-то светлая рубаша советского кроя, посеревшая от времени и пыли, заправленная в бесформенные штаны, свисала с торчащих ключиц чабана, дотягиваясь короткими рукавами до острых локтей.

– Расул сказал, где вас искать, – все еще часто дыша, начал я разговор.

– Сядь, отдохни. Времени много. Обо всем успеем наговориться. Старик улыбался, но за его улыбкой что-то скрывалось, – На вот, попей, – он протянул мне бурдюк.

– Спасибо, у меня есть вода, – я, скинув рюкзак с плеч, достал бутылку.

– Вылей! Не вода это. Одно название. Сейчас отару к водопою поведем. Там вода. Вон, гляди, какие здоровые. Шерсть на солнце блестит. Все оно силой напитывается природной.

Я взял бурдюк. Сделал несколько глотков. Вода, как вода. Старик внимательно смотрел на меня.

– Не чувствуешь пока. Научишься, – крикнул он, – как ты меня отыскал?

– Я же говорил, Расул, ваш сын...

– Нет, – перебил он, – вообще, как узнал?

– Фотография. Немецкая экспедиция. Я нашел записи участника. Лоренц Вернер. На одной из карточек вы. С обратной стороны подпись.

– Лоренц Вернер, – потянул Халид, – не помню такого. Но были там фрицы. Это правда. Искали. Нашли, – задумчиво копался он в своих воспоминаниях.

– Что нашли?

Старик поднялся, опираясь на кривую, годами полированную ветку.

– Тень опустилась. Животные пить хотят, – не ответив на мой вопрос, он заковылял в сторону стада, ведя под уздцы

коня.

Я пошел следом. Сердце успокоилось. Багровый румянец спал с щек. Дышалось легко.

– Водичка то живая, – улыбнулся старик, глядя на меня.

***

Солнце садилось за гору. Яркое тускнело. Загорались первые звезды. Мир замер, провожая уходящий день.

Летняя кухня расположилась в низине стояночной поляны. Огонь под казаном потрескивал сухими ветками, обжигая копотью камни чабанского кострища. Запах мясного бульона дымно растекался по лужайке. Приземистые стены домика, сложенного плоским сланцем и покрытого косой, низко свисающей земляной крышей, выглядели игрушечно на фоне «Седла-горы», что высилась на севере, за ущельем. Изредка блеяли овцы, сбившись сплошным белым пятном на вытоптанной земле стойла.

Халид вышел из дома. Он нес в руке пучки сушеных трав.

– Дима, поставь чайник к огню да последи, как пар пойдет, снимай. До кипения не доводи. Кипяток убивает и плохое, и хорошее.

– Сами собирали?

– Ну а кто еще? – ухмыльнулся Халид. – С собой тебе дам, детям будешь заваривать, полезно очень для растущего организма. Ты когда, говоришь, самолет?

– Через четыре дня.

– Хорошо, хорошо. На ханской поляне цвет начался, самое время собирать. Может, завтра туда пойдем.

Халид крупно нарезал лук и бросил несколько жменей в бульон. Его движения были не по-старчески проворными.

– Голодный? – спросил Халид.

– Да, – не задумываясь, ответил я.

– Скоро готово будет. Почисть пока чесноку. Вон на столе сзади лежит. Лепешки натрем.

Еда получилась вкусная и сытная. Мясной бульон, вареное мясо и натертые толченым чесноком лепешки. Я с аппетитом съел две миски. Халид же ел не спеша, с легкой улыбкой наблюдая за мной.

Мы сидели у огня и пили чай. После еды разговаривать не хотелось. Вопросы, доселе крутившиеся на языке, на время перестали докучать своей назойливостью. Халид тоже молчал, отстраненно глядя как языки пламени лижут почерневший чайник.

Первым заговорил старик:

– Знаешь, Дима, я никогда не сомневался зачем это все, – старик повел головой, – просто знал... Все знают.

Халид говорил тихо. Мне вдруг сделалось неловко, точно я подслушивал чужой разговор.

– Счастье, Дима, в нем все, – Халид брал долгие паузы, словно обдумывая сказанные им слова. – Имам говорил, что счастье, оно здесь, – он коснулся своей груди, – здесь...

В костре щелкнуло, заставив меня вздрогнуть. Старик, казалось, не слышал.

– Вещи не делают нас счастливыми. Это обман. – повернувшись, он посмотрел на меня, словно ожидая что-то увидеть, но коротко кивнул и снова отвел глаза к огню. – Ты веришь в Бога? Я видел крест на твоей груди.

Я тронул рукой цепочку.

– Верить надо... – сказал старик. – А горы? – он улыбнулся. – ? В горах мы ближе к Всевышнему.

Я молчал, понимая что Халиду не нужны мои ответы.

– А города? – старик поморщился. – В них столько грязи... Разве в том счастье?

Мне хотелось спросить, но Халид жестом остановил меня.

– То, зачем ты пришел, оно вот, везде.

Костер трещал. Искры летели вверх, становясь на миг звездами. Но настоящие звезды только надменно улыбались. Они знали, что искрам с их скоротечным свечением никогда до них не дотянуться. Я посмотрел дальше костра, вокруг была только ночь. Халид же, казалось, видит другое.

– Везде... – Халид запрокинул голову, закрыл глаза и медленно втянул носом воздух, словно хотел почувствовать запах звезд. – Я устал, – сказал он звездам, – все кончается. Счастье тоже.

Вдруг заблудившийся порыв ветра пробежал по поляне, заставляя языки костра встрепенуться и прижаться к земле. Пламя несколько раз опалило подсохшую траву у кострища,

словно согласно кивая старику.

– Но знаешь, Дима, вера учит терпению. Учит ждать. – Халид снова посмотрел на меня и больше не отводил глаз. – Я ждал, Дима, долго ждал... – В его взгляде было что-то спокойное, недоброе. Это что-то ворочалось, просыпалось.

– Я знал...

Оно тянуло затекшие мускулы.

– Теперь ты здесь...

Открыло глаза.

– Здесь...

Мне хотелось, чтоб он перестал говорить, перестал смотреть, хотелось встать, прервать странную беседу, нарушить связь, но... я не смог. Думая, что отсидел ноги, я потянулся размять их, но руки тоже не слушались. Я так и остался сидеть возле огня, опершись спиной на рюкзак. Халид наблюдал за мной.

– Тише, – сказал он, когда я уже прекратил попытки подняться.

Халид сделал долгий глоток чая и посмотрел в кружку.

– Это травы, они успокоили твои мышцы. Голова чистая, туманом не покроеся.

Я все еще не понимал, что случилось. Двигаться я не мог. Мой мозг, охваченный паникой, заставлял меня кричать, но легкие тоже ослабли, и я сумел выдохнуть только одно:

– Зачем?

– Зачем? – задумчиво повторил Халид, – это хороший во-

прос Дима, зачем...

Глава 42

Центральный Дагестан

2023 год

Костер догорал, позволяя черным пятнами вползать на поляну. Остывший воздух и невеселые мысли сгорбили старика, игрой теней сделав его похожим на хищную птицу. Как-то одно движение, взмах, и он сольется с ночным небом, где ему и место, а я открою глаза и пойму, что ничего не было, что я всего лишь задремал, пригревшись у огня. Но птица не улетела.

Халид кинул охапку сухих веток в костер.

– До рассвета еще далеко, – наливая из чайника в кружку, сказал он – Пей, – Старик поднес кружку к моим губам.

Запах трав ударил в нос. Я замотал головой. Тогда Халид взял меня за подбородок и влил настой мне в рот, заставив проглотить жидкость.

– Не хочу связывать тебя, Дима, неудобно потом выйдет, – поправляя рюкзак за моей спиной, сказал Халид.

Я попытался ответить, но вместо слов с губ сорвалось мычание. Язык меня тоже больше не слушался.

Халид довольно кивнул. Он вернулся к костру, накинул на плечи бурку и еще долго молчал, глядя в огонь. Потом заговорил.

– Когда все началось, я не знаю. Никто не знает. Не было тогда еще письма да и слов тоже, наверное, не было.

Он сделал глоток чая. От его дыхания шел пар.

– То, что ты ищешь, было всегда. С самого момента сотворения. А может, даже из него все и сотворилось. Вышло из маленькой точки света. – Он посмотрел на звезды. В конце млечного пути поднималась луна, распугивая собой навалившееся черное. В ее серебре обернутый буркой Халид теперь сделался похожим на животное. Казалось, оно сейчас завоет, но вместо воя я услышал слова. – Энергия, Дима. – Халид повернулся ко мне. Костер затрещал, пытаюсь вернуть его внимание, но старик больше на него не смотрел. Халид говорил, а я не в силах противиться, слушал, глядя как луна приближает рассвет. – Все соткано из света: ты, я, горы, реки, небо, звезды – все! Оно ниоткуда не берется и никуда не исчезает. Мысли, Дима, тоже энергия. Ты же слышал про намоленные иконы? Откуда сила в такой картинке? – Халид посмотрел мне в глаза и хмыкнул, видимо, не увидев в них то, чего ждал, – молодой еще, не веришь. Лечат, Дима, такие иконы и болезни, и души. А докторам да невеждам остается только руки разводить. Скопилась сила в такой картинке. Не сама по себе. От мыслей. Молитв. И так может быть не только с иконами. Со всем. С любыми вещами. С людьми. Все может собирать энергию. И хорошее и плохое.

Халид замолчал. Он огляделся, будто подыскивая нужные слова. Я все так же смотрел в небо. Светящиеся бусины спут-

ников Илона Маска пересекали млечный путь.

– По-разному нас зовут. Мы, Дима, ищем такие вещи. Их множество по всему миру. Гамсутль, откуда я родом, хранил их, берег от жадности ханов, царей... Прятал от плохих людей, Дима. Но и до Гамсутля дошли люди. Советский Союз. Как только начали прокладывать дорогу в ущелье, мы решили оставить Гамсутль. Две тысячи лет он был надежной крепостью. Теперь нет. Та фотокарточка, по которой ты меня отыскал... То было незадолго до войны. Имам тогда уже понял, что мало осталось Гамсутлю. Отправил он меня на восток, в горы. В Лхасу. Встретиться с Ламой. Должен был я тогда договориться, передать в Тибет все. Но, Дима, встретил я там фрицев. Не знаю, как они вынюхали, как убедили Лхасских хранителей! Может, обманом, может, золотом. Не знаю. Понял я, что миру грозит большая опасность. Вывезли тогда фашисты тибетские артефакты. Через год случилась война. Столько жизней... – Халид замотал головой. – Не стал тогда Имам ничего отдавать. В сорок третьем я ушел на фронт, а вернувшись больше уже Имама и не встречал. Говорят, в сорок четвертом в Москву он уехал. Говорят, в Кремле его видели. – Халид встал и прихрамывая направился к лачуге. Через минуту он вернулся с одеялом. – Замерз? – укутывая меня, спросил он.

Я снова попытался ответить, но понял, что даже глаза держать открытыми выходит с трудом.

– Ничего, – улыбнулся он, – вон уже светлеет на восто-

ке. – Халид повернулся к тонкой полоске, отрезавшей горы от темного неба. – Знаешь, Дима, когда-нибудь наука найдет тому объяснение. Как когда-то отыскала атом. За каждой дверью кроется новая дверь. Вещи эти, артефакты, могут быть ключами.

Халид сел возле меня и теперь мы вместе смотрели на звезды.

– Я искал, Дима. Находил. Находил вещи и людей. Одни несли добро, другие – горе. Если сила была благая, я проходил мимо; пусть и дальше радуется собой людское счастье. А если темная... Люди привязываются к таким вещам охотнее. Манит их порок. Приходилось многое. Красть – не самое плохое из того, что я делал. Но то ради добра. Так ведь нельзя просто взять вещицу, выкинуть или сломать ее. Она снова отыщется или во что другое перетечет. Силе нужно время, чтоб остыть. Вот и хранятся такие артефакты столетиями. Сложились целые семьи, отдавшие себя тому. Многие умеют те вещицы. Знаешь, Дима, в преданиях да сказках больше правды, чем вымысла. Только то и на руку нечистым. Да, Дима, есть и такие, – закивал головой Старик. – Те корыстно пользуются силой. Одни понимают то, другие не по своей воле. Сложно все. Со временем начинаешь видеть. Чувствовать. Вот ты, – Халид повернулся ко мне, – ты же не думаешь, что это все случайно? Еще до того, Дима, как на горизонте появилась твоя фигура, я все понял. Не просто так Всевышний отвел мне долгие годы. Я должен был дожить. Я

ждал тебя.

Халид тяжело поднялся на ноги, закрыв собой костер и звезды. Теперь я мог видеть только его спину.

– Есть еще кое-что, – медленно проговорил он. – У Имама была дочь. Мы полюбили друг друга. Ты любишь свою жену, Дима? – Халид снова кивнул, будто услышал мой ответ. – Она стала для меня всем. Нет, я не потерял голову, но мое сердце наполнилось счастьем, словно всегда хранило место только для нее. – Халид говорил тихо, некоторые из его слов было трудно разобрать. – Мы были счастливы, Дима. У нас было все. Вся жизнь впереди...

Халид замолчал. Мне хотелось спросить «что было дальше?». Он понял это и ответил.

– Война, Дима. Когда я узнал о ее гибели, я не находил себе места. Я хотел смерти. Я бездумно шел вперед, лез под пули врага в надежде скорее отправиться вслед за ней, но ничто меня не брало. Смерть обходила меня стороной. Да и не следовало, конечно, так поступать. Всевышний дарует жизнь, и мы не вправе отречься от нее.

Халид повернулся ко мне. В темноте я не видел его глаз, но я знал, их тоже коснулась утренняя роса.

– Я смирился, Дима. Нет, не забыл, конечно. Просто стал ждать.

Бурка Халида отяжелела от росы, еще сильнее склонив старика к земле. – Сегодня ты мне показывал картинки в своем телефоне. Рукописи того фрица. Как его там? Лоренц,

кажется? Да, Лоренц. Но там были и другие фотографии. Я еще спросил тебя, кто это. Ты сказал, это твоя жена. Жена... – старик замолчал.

Костер уже совсем ослаб, но он был больше и не нужен. Черное становилось серым, пугливой мышью выбежав на поляну до восхода солнца. Халид распрямил спину. Бурка упала на траву и стала похожа на мертвое животное. Старик подошел ко мне. Руки его дрожали. Он склонил голову и, постояв так немного, снял свой берет. Халид отогнул внутреннюю подкладку головного убора, бережно достал оттуда какую-то картонку и принялся ее разглядывать. Потом, словно опомнившись, стал приглаживать взъерошенные волосы. Оправил рубашку. Попытался одной рукой застегнуть пуговицу у шеи. Не вышло. Снова надел берет, растер ладонью лицо и провел пальцем по картонке. Он улыбался, только глаз та улыбка не касалась. Где-то далеко закричала птица. Халид оглянулся.

– Рассвет, – рассеянно произнес он.

Старик торопливо спрятал картонку в нагрудный карман, потом замер, посмотрел на меня и вынул ее:

– Смотри, – Халид поднес картонку к моему лицу.

Это была фотография. От старости черно-белый снимок сильно потускнел, точно вобрав в себя серость сегодняшнего утра. Со снимка через паутину трещин мне улыбалась черноволосая девушка. Волосы ее были собраны платком, из-под которого торчала непослушная челка. Глаза, лицо... Я

часто заморгал, пытаясь согнать видение. На миг мне показалось что на снимке... Нет. Я закрыл глаза. Медленно сосчитал до трех. Открыл... Дрожащие пальцы старика все так же сжимали фотографию. Лицо девушки, подсвеченное студийным софитом, я не мог не узнать. Со старой карточки на меня смотрела моя жена. Таня...

– Саня, – тихо сказал Халид и постучал пальцем внизу снимка, где была подпись: «апрель 1939 год. Орджоникидзе».

В моей голове все кружилось, видимо травы добрались и до мозга. Я еще мог видеть и слышать, но не мыслить.

Халид спрятал снимок в карман. Оттуда же вынул позолоченные часы на цепочке. Некогда белый циферблат пожелтел от времени и влаги. Минутная стрелка оторвалась, безжизненно упершись в мутное стекло.

– Я не прошу меня понять, Дима, – вернул меня голос Халида.

Часы в его руке повисли на цепочке. Они раскачивались словно маятник перед моими глазами. Позолота блестела светом, еще красного от восхода солнца.

– Я долго ждал...

Старый хронометр тикал так громко, что казалось, будто его шестеренки крутятся в моей голове.

– ...не верил... – сквозь стук часов доносился голос старика, – ...нам..., – хрустел механизм, – ...шанс..., – набатом била секундная стрелка, – шанс! шанс! шанс! шанс!...

В моих глазах все плыло. Черное возвращалось, точно сумев повернуть утро вспять. Хаос звуков рвал ушные перепонки. Последнее, что я смог разобрать, был голос Халида: «Прости, Дима!» – услышал я перед тем, как все оборвалось.

Глава 43

Центральный Дагестан

2023 год

Когда сознание вернулось, солнце уже стояло над хребтом. Шумела вода, блеяли овцы, где-то далеко летел вертолет. Рядом с кострищем лежала брошенная Халидом бурка. Огонь так и не сумел до нее дотянуться. Что-то в бурке казалось неправильным. В ее положении. Словно ею кто-то укрылся. Только теперь я заметил валявшийся около бурки берет. Подойдя ближе, я увидел Халида. Старик лежал на земле, поджав под себя ноги. Бурка покрывала его тело. Глаза Халида были открыты, но видеть уже ничего не могли. У носа и вокруг рта его запеклась кровь. Кожа старика сделалась такой тонкой, что под ней угадывались очертания черепа. По лицу Халида ползали муравьи. Он был похож на мумию.

За моей спиной раздался шум камней. Я обернулся. Со стороны ручья на поляну поднимался мужчина. Солнце слепило, и я не видел его лица. В растерянности я замер, не зная, что мне делать, если он увидит меня. Я не помнил,

что произошло между мной и Халидом и почему старик теперь мертв. Инстинкт призывал спрятаться, но мужчина, казалось, меня не замечает. Я так и стоял у потухшего костра, наблюдая, как он приближается к поляне. Что-то странное было в его движениях. Знакомое. Через его плечо было перекинуто полотенце, будто он ходил умываться к ручью. Черная футболка, штаны цвета хаки, кепка с большой надписью «Эльбрус». Татуировка... Когда он подошел совсем близко, я смог разглядеть орнамент на его руке. Татуировка... Она была в точности такой же, как и моя. Мужчина чуть поднял голову, и в тени козырька кепки я увидел его лицо... Этот человек был я.

– Дима, – услышал я свой голос, – я знаю, ты здесь, – сказал он, оглядев поляну.

Человек подошел к столу, на котором лежали мои вещи из рюкзака.

– Прости, Дима. Я уже говорил... – Он взял мой паспорт. Достал из него билет на самолет. Посмотрел и положил обратно.

– Скоро все наладится, Дима. По-другому не бывает. – Теперь мужчина рассматривал мой телефон. – Знаешь, Дим, ты молодец. Крепкий, – оглядел он себя, – только наколку вывести надо. Нельзя себя так портить. – Он сложил вещи в рюкзак. На столе осталась лежать черно-белая фотография. Мужчина долго смотрел на нее. Потом снял кепку, вставил карточку за внутреннюю окантовку и снова надел головной

убор. – Еще встретимся, – улыбнулся он.

Калининград

2023 год. Несколько месяцев спустя

Тепло. Сара нервно задргала маленькими ножками. Хотелось есть.

Таня проснулась. На часах половина четвертого утра. Придерживая живот, она аккуратно встала с кровати и, включив ночник, побрела в кухню. Арбуз. Как же ей хотелось арбуза. Сезон ягод-переростков уже закончился, но на полках магазина еще можно было отыскать остатки летнего урожая. Слава Богу, в холодильнике лежала немалая половина сочного кавуна. Таня взяла ложку и, усевшись за стол, с аппетитом начала выедать спелую красную мякоть. Сок стекал по ее заметно округлившемуся подбородку. Шел седьмой месяц беременности.

Сара почувствовала, как желанная глюкоза питает ее быстро растущее тельце, успокаивая пробудившийся голод. Блаженно потянувшись, паря в невесомости своего маленького домика, она рукой нащупала небольшой бугорок, появившийся совсем недавно. «Мальчиком я еще не была». – улыбнулась сама себе Сара. От улыбки напряглись мышцы живота, вызвав легкую икоту.

– Проголодалась? – выйдя в коридор и сонно потирая глаза, спросил Дима.

– Ага. Подойди.

– Что там?

– Наклонись. Да приложи ты свое ухо, не бойся. Чего ты вдруг стал таким пугливым? Слышишь?

– Что?

– Икает она, – улыбнулась Таня.

– Почему она? Я уверен, там пацан, – насупился понарошку Дима.

– Да я так, по привычке. Я тоже хочу мальчика, – теребя липкой от арбуза рукой, лысеющую Димину макушку, мечтательно отозвалась Таня.

– Ага, – улыбнулся Дима, – мужик!

– Ладно, пойдем спать.

– Пойдем.

Таня, охая, встала с дивана. Дима засмеялся.

– Что? – свела брови она.

– Люблю тебя, – ответил Дима, умолчав о том, что она напомнила ему перевернутого на спину майского жука. Он обнял ее и повел в спальню.

– Ди-и-им, – нежась в кровати, протянула Таня. – Тебе надо к врачу сходить.

– Зачем?

– Твои глаза. Раньше серые были, а сейчас, будто синева

появилась. Сходи, мало ли. Пусть посмотрят. Я знаю, что если печень больная, там вроде желтыми делаются.

– Хорошо, схожу, не переживай. Старею, только и всего, – улыбнулся он, вспомнив, как когда-то Саният без памяти тонула в его голубых глазах, – ты главное о себе да малыше больше думай, остальное неважно, – Дима нежно обнял Таню за круглый живот и засопел ей в макушку.

Он уже почти привык к новому имени.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, люблю тебя.

– И я.

Сара закрыла глаза. Еще пару месяцев счастья. А потом. А потом она снова все забудет. Потом начнется жизнь. Потом будут страдания. Злосчастный медальон вновь найдет ее. И опять все по кругу. Но пока хорошо. Очень хорошо. «Папа и мама у меня просто супер. А еще две сестренки, – засыпая и переворачиваясь на другой бок, думала Сара, – счастье, оно такое простое. Зачем дети взрослеют?»

ЧАСТЬ 2

Глава 1

*Кабардино-Балкарская республика, склоны горы Эльбрус
Март 2024 года*

Горы умеют молчать. Когда это происходит, становится так тихо, что слышишь свои мысли. Сегодня слышалось самое потаенное. К такому горы давно привыкли. О чем их только не просили. Что им только не обещали. Горы бы и рады исполнять желания, но высокое солнце видит все. Таков порядок. Снег не может падать вверх. И водой он раньше времени не станет. Снег должен лежать отведенное ему время. И даже глупый ветер, сколько бы ни старался, не поможет. У солнца в горах много пособников. Холод превратит снег в плотную массу. Облака приведут за собой теплый воздух, который только лишь оближет верхний слой. А звезды... А вот до звезд лучше не доводить. Звезды одной только им известной магией скрепят талый снег льдом, сделав погребенное под снегом частью горы.

***

– Алина! – человек в темно-синей куртке МЧС накинул ей на плечи сползший пуховик. – Вам надо одеться, – застудитесь.

Алина, будто очнувшись ото сна, уставилась на него.

– Холодно, пойдемте в ратрак. – сказал спасатель, стряхивая снег с куртки девушки, – Вам бы чаю горячего.

– Нашли? – не слушая его, спросила она.

– Пока нет. Ищем.

– Сколько прошло времени?

– Чуть больше часа. Время еще есть, – отводя в сторону глаза, соврал спасатель.

Он как никто другой знал статистику по выживаемости после схода лавины. Спустя час шанс остаться в живых составлял всего тридцать процентов, и с каждой минутой кривая вероятности стремилась к нулю.

Спасатель помог Алине встать. Шаркая по снежному насту тяжелыми лыжными ботинками и опустив голову, она брела в сторону снегохода.

Глава 2

Калининград

31 декабря 2023 года

– Зай, закрой глаза и иди сюда, – заговорщицким тоном позвала из кухни Алина.

– Ты же знаешь, я не люблю сюрпризы, – улыбнулся Костя, глядя на спящую малышню.

– Не выпендривайся, сегодня новый год.

Костя поправил Дашке одеяло и вышел из комнаты, прикрыв дверь. Он закрыл глаза и пошел в кухню, где даже через опущенные веки можно было видеть искрящуюся счастьем Алину. Она обожала делать сюрпризы.

– У меня для тебя квест, – смеющимся голосом тараторила Алинка, для пущей надежности повязав Косте на глаза

шарф. – Итак, вытяни руки. Аккуратно. Трогай.

– Какие-то солдатики, или человечки, – ощупывая знакомые предметы, комментировал Костя. Эти колючие пластмасски обычно валялись под ногами по всей квартире.

– Да. Угадывай, кто это?

– Четыре больших и два поменьше.

– Да.

– Леди Баг, Супер кот, бегемотик...

– Да нет, засмеялась Алинка, – угадывай, кого я имею им виду.

– А-а-а! Ну поменьше, это Машка и Дашка?

– Да.

– Тогда двое из больших, это мы.

– Да.

– Еще двое, э-э-э-э... папа и мама?

– Молодец! Теперь дальше. – Алинка сдвинула человечков в сторону и поставила перед Костей что-то жалобно скрипнувшее. – Трогай.

– Ну-у-у, это самолет, – ощупывая знакомую модель боинга, недавно склеенную им с Машкой, сразу узнал Костя.

– И-и-и?

– И, значит, мы, дети и родители, куда-то летим?

– Ага, давай дальше.

Костя потянулся рукой к новому предмету.

– Так. Это из бумаги? На сиськи похоже. Мы летим в Амстердам по стрип барам?

– Немножко в другую сторону, – усмехнувшись ответила Алина.

– Ну если ты хотела сделать Эльбрус, то у него не такие острые соски, э-э-э... вершины, я хотел сказать, – засмеялся Костя.

– Угадал! – Алина сдернула с его глаз повязку и улыбаясь протянула Косте два авиабилета, перетянутых подарочной лентой. – С Новым годом, любимый!

***

– Костян, дружище, привет! Видел-видел твое сообщение, не успел еще просто ответить, – весело и как всегда искренне обрадовался Антон звонку друга, – тут дел невпроворот! Инвесторы китайские понаехали... Ай, короче, что рассказывать! Сам ты как? Когда, говоришь, летите на Эльбрус?

– В начале марта. Вот собираем старую компанию: тебя, Аньку. Та, правда, тоже вся в работе. Хирург теперь, ты знал?

– Да, мы созванивались недавно. Будет кому нас в старости резать, – засмеялся Антон.

– Ну так что у тебя по времени?

– На пару дней точно вырвусь, а там посмотрим. Вы всей семьей, с детьми? – Антон говорил нарочито громко, переводя телефон в режим громкой связи. В трубке слышался шелест офисной бумаги.

– Да, полным составом. Хотели родителей еще взять, но у папы работа, а мама без него не полетит. Как твоя малышня?

– Олька жару дает. Тинейджер, че поделать? – усмехнулся Антон, – Димон мужиком растет. Юлюське вот только годик исполнился. Не вижу их, брат, работы много. Вся жизнь на колесах, туда-сюда мотаюсь. Бизнес.

– Так, – шутливо-приказной интонацией поставил точку Костя, – давай, подсуети там себе пробел на эти даты. Алина с Наташей пусть созвонятся, договорятся там по-своему, подевичачьи, и все вместе отдохнем, а то сто лет уже не собирались.

– Добро, брат, договорились, надо развеяться! – согласился Антон.

***

С Антоном и Аней они познакомились около десяти лет назад. Костя тогда служил в армии. Пройдя очередные военные сборы, он еще на неделю остался в Приэльбрусье, чтоб встретить и показать горы, прилетевшей к нему в отпуск Алине.

По дороге к Терсколу, на повороте в Баксанское ущелье, ребята подобрали попутчиц, студентку Аню, и ее подругу Лену. Разговорившись в пути, Аня рассказала про одно горное озеро.

– Зай, а мы туда пойдём? – спросила Алина Костю.

– Вообще, у меня не было в планах, но если хочешь...

– Хочу, хочу, очень хочу! – по-детски затараторила она.

В итоге Костя пообещал составить девчонкам компанию, и вместе, как только Алина пройдет акклиматизацию, отправиться к озеру.

Через пару дней девчата созвонились и, встретившись в Верхнем Баксане, рано утром вышли в трекинг. К вечеру друзья добрались до желаемой цели. Разбив лагерь на поляне у водоема, пошли осматривать окрестности. За выступом соседнего хребта, в каменной ложбине, вырос палаточный городок группы туристов из Краснодара. Как принято, устроили общее чаепитие. Утром краснодарцы направились дальше, через перевал на север, оставив четверых друзей наедине с озером. К обеду разыгралась непогода. Поднявшийся ветер гнал сырые облака, разбивая их об угрюмые острые скалы. Внезапно из тумана выплыла яркая куртка молодого человека. Антон (так звали парня) добежал к их палаткам ровно за минуту до того, как ударил первый гром. Переживая грозу, Антон рассказал, что работает гидом и что на Сылтранкель отправился изучить новый для себя маршрут.

Ливень закончился довольно быстро, чего не скажешь о дружбе Антона и Кости, длящейся по сей день. Поводом для дружбы послужила сломанная нога Лены. Девушка, отправившись ночью по женским делам, оступилась и повредила лодыжку. Перелом сделал невозможным ее самостоятельное передвижение. Мобильники не ловили, а спутниковой свя-

зи, конечно, ни у кого не оказалось, и помощи ждать было неоткуда. Костя и Антон почти сутки спускали Лену на самодельных носилках, пока спасатели не перехватили пострадавшую уже на подходе к поселку. Как известно, трудности сплачивают, а порой, как в случае с Антоном и Костей, делают случайное знакомство настоящей дружбой.

Антон, как и Костя, был семьянин. Как и у Кости, значимое место в его жизни занимали горы. Да и не только горы, вообще, все, что могло повышать адреналин. А еще у Антона была жилка бизнесмена. Соединив увлечение и работу, Антон довольно быстро сколотил туристическую фирму, подняв успешный бизнес. Костя тянулся за Антоном. Антон был не против. Они вместе ездили в экспедиции, взбирались на вершины, сплавливались по рекам. Бежали, ползли, плыли, преодолевали...

Алина не только не отставала, но даже была инициатором и организатором многих приключений. Аня, хоть и реже в силу загруженности учебной, все же активно старалась принимать участие в регулярных сборах. А вот Лена, Анина подруга, не выдержав бешеный темп, постепенно отделилась от неумной компании. Наташка же, жена Антона, хоть и ездила за ними везде, но скорее была надежным тылом, оставаясь на подхвате в гостиницах, пока безбашенная четверка скачет где-нибудь по высоким скалам, в поисках приключений на свой зад.

Глава 3

*Москва, аэропорт Домодедово
начало марта 2024 года*

– Здарова! – Антон шел навстречу Косте, раскинув руки. На нем был яркий лыжный костюм.

– Привет Брат, не рано нарядился?

– Да не охота было с багажом возиться, решил вот по минималке, – Антон улыбался ровным рядом белых зубов. Своими движениями он напоминал легковесного боксера: худой, жилистый, он крепко пожал руку Кости, а другой приобнял его за плечо.

– Наташа не сильно расстроилась?

– Ты же знаешь, она все равно не по нашим делам. Вернемся, я ее с подружками на пару дней отправлю в санаторий. Спа там всякие. Да и с мелкой куда сейчас лететь? Ольке тоже из школы никак. Короче, нормально. Натуська у меня, сам знаешь, с головой. Все правильно понимает, – словно ставя точку, ответил Антон. Костя кивнул и улыбнувшись отвел глаза. Антону всегда хотелось, чтоб жена разделяла его увлечения, но Наталья была домоседкой, и ее мало интересовали «всякие там глупости». Костя это понимал.

– Привет, красотка! – Антон обнял подошедшую Алину.

– Как мелкие, не обиделись?

– Ну так, Машка хотела, конечно, но когда узнала, сколько придется ходить по горам, даже обрадовалась, что дома остается. – Алина усмехнулась. – Мы же планировали с ро-

дителями лететь, мама с детьми бы посидела, но там у папы на работе завал, а мама без него не хочет.

– Короче, отдохнем, как в старые добрые, – подытожил Костя.

Тут Антон заметил вдали беличий хвост Аньки:

– А вот и наша Аптечка!

Бодрой поступью отличницы, улыбаясь, к ним шагала уверенная в себе девушка. Спроси случайного прохожего, как она выглядела, он ответит разве что «невысокая, светленькая, в кепке». И вряд ли прохожий станет описывать Анину улыбку, но именно ее счастливая жизнерадостная улыбка мешала разглядеть Аню как следует.

Приятный женский голос динамиком громкоговорителя объявил о заканчивающейся регистрации на рейс Москва – Минеральные воды.

***

Пассажиры длинным хвостом выстроились у стойки выхода на посадку. Еще никого не пускали, но советская традиция постоять в очереди никуда не делась, занимая людей бесплатным аттракционом ожидания. Костя тоже порывался встать, но Алина и Антон, увлеченные Аниным рассказом, спокойно сидели на своих местах.

– Так что я сегодня и не спала почти, – закончила Аня историю о ночной смене, когда ей пришлось по частям со-

бирать пару молодоженов, улетевших в обрыв с покрытого гололедом моста.

– Тебе жалко их? – спросила Алина.

– Кого?

– Ну людей, которых ты оперируешь. Там же с холодной головой надо. Я не смогла бы наверное, руки тряслись бы.

– Да привыкла я. Уже особо не парюсь. Только вот за детей до сих пор сердце щемит, – отмахнулась Аня, – в том году девчонку привезли, теперь вот подружились с ней, в гости ко мне приезжает.

Аня улыбнулась, потирая красные от недосыпа глаза.

– Расскажи, – попросила Алина.

– Мерзкая, конечно, история. Немало у нас такого. Синька – зло. Под утро уже позвонили, «срочно приезжай, старший хирург на операции, мол нужны твои руки». Ну я сорвалась, а там малолетка, от горшка два вершка. Белобрысая, размалевана, как сельская кукла. Юбка по самую эту, – Аня очертила себя ребром ладони, жестом показывая чуть ниже талии, – короче попытка изнасилования. Покусана, будто собаками. Избита, места живого нет. Потом уже я от ментов узнала всю историю.

– Маньяк? – спросила Алина.

– Мудак, – бросила Аня, – свинья пьяная. Юлька, девчонка эта, ее короче бомж в детстве выброшенную на свалке нашел. Прикиньте, подобрал, устроил как-то, воспитал, хату себе в деревне выбил. Вырастил в общем. В школу она хо-

дила, как все дети. Только бомж тот на мусорном полигоне так и пасса, металл, бутылки собирал, а Юлька за ним вечно таскалась. А куда ей деваться? Она-то думала, что дед он ее. Короче там же на свалке и друзей себе нашла, тоже все из не пойми каких семей. Напоили девку на хате, сами куда-то свалили. Гулянка новая у них что ли нарисовалась. А эта мелкая так и осталась бухая спать в доме одного из пацанов. Ночью пришел его отчим, а там подарок такой для него лежит. Сука настолько пьяный был, что нихера у него не вышло. Избил только Юльку сильно, без сознания та лежала, пока под утро пасынок не возвратился. Пацан, увидел ту картину, схватился за нож. Двадцать три ножевых насчитали. Старший хирург, когда меня вызвали, как раз ту тварь оперировал. Жирная скотина так заплывла салом, что лезвие ножа не сильно повредило его органы. Ублюдка, еще живого доставили к нам. Слава Богу, от потери крови скончался. Хотя лучше б, наверное, выжил. Чтоб его там на зоне, так же как он ее... – замолчала Аня, – короче, выкарабкалась Юлька-пулька. Выходили мы дуру мелкую. Теперь вот подружайками стали, – улыбнулась Аня, – хочу, чтоб тоже на медика пошла учиться. Умная она, хоть и дерзкая зараза. Деда своего Будулаем зовет, – хохотнула Аня.

– Ну что, погнали? – поднялся Антон, – три часа и здравствуй, Кавказ!

Глава 4

*Кабардино-Балкарская республика, поселок Эльбрус
начало марта 2024 года*

– Антоша, привет дорогой, – крепко обнял Антона краснощекий тучный мужчина с обманчиво веселыми глазами.

– Павел Юрьевич, здравствуйте! С китайцами все идет как надо.

– О делах потом, – перебил его Юрьич, – давайте, располагайтесь. Светочка, – махнул Юрьич в сторону рецепции гостиничного комплекса, – ребятам три люкса. Правильно же? – обернулся он, – или вы вместе? – глядя на Антона и Аню, заговорщицки заулыбался Юрьич.

– Нет, нет, – чуть краснея, замотал головой Антон, – все правильно, нам три номера, и зачем люксы-то?

– Так! – привычным командным голосом, остановил его Юрьич. – Вы у меня в гостях, а гостям, как говорится, все самое лучшее, тем более сезон поуспокоился, места есть, так что не переживайте. Приехали отдыхать? Отдыхайте как положено, – хлопнув Антона по плечу, Юрьич широким жестом развел руки в стороны, показывая масштаб своей доброты.

Номера полностью соответствовали своему высокому званию «люкс». Но пышное убранство комнат с надменным камином и важным кожаным диваном меркло на фоне панорамных окон гостевого дома, которые усердно старались

вместить в себя все необъятное, что было за их стеклами. Они, как кропотливый художник, выписывали бесконечное множество деталей, подчеркивая обычное и превращая его в волшебное. Сосновый лес сквозь оконные стекла наливался изумрудом. Извилистая речка Баксан, будто понимая, что за ней наблюдают, нарочито замедленно полировала и без того гладкие камни русла. А пирамидообразные горы с белыми папахами снега на вершинах, наверное, обиделись бы, если узнали, что вся их необъятность поместилась в оконную раму, размером два на четыре метра.

В Терскол друзья приехали затемно. Окна уже были зашторены и терпеливо ждали своего часа. Но их ожидание продлилось не долго. Утро на Кавказе наступает рано, и с первым солнцем, оконный нарциссизм, заслуженно получил свою порцию восхищения.

– Круто, – только и смог сказать Костя.

Алина сияла от счастья, спросонья бегая по номеру в нижнем белье. Она любовалась красотой, а заодно снимала видео для своего блога.

Зазвонил телефон.

Трубку поднял Костя:

– Тоха, выспался?

– Да не особо. – раздался хриплый голос Антона на том конце. – Ты же знаешь, первая ночь на высоте, такое себе развлечение! Давайте, пора на завтрак.

– Окей, десять минут. Аньке звонил?

– Она уже с прогулки пришла. Собственно меня и разбудила.

***

– Термосы взяли? – крикнула Алина, набирая кипяток из кулера в коридоре столовой.

Завтрак прошел вяло. Из-за акклиматизации есть не хотелось.

– Кофе или чай завариваешь? – спросила Алину Аня.

– Чай. Сбор из местных трав. Его попробую. Пахнет вкусно.

– А кофе есть? Не уснуть бы на трассе, – допив вторую чашку эспрессо, спросил Антон.

– Тоха, сердце не жалко?

– У нас Аптечка есть если что, – улыбаясь кивнул на Аню Антон.

Он еще в самом начале знакомства дал Аньке прозвище «Аптечка», за то что та неустанно болтала о своей учебе в медицинском институте.

– По машинам? – поднялся Костя, накидывая спортивный рюкзак на плечи.

***

Во вторник у подъемников очередей не наблюдалось. На склоне было малоллюдно. Алина специально выбирала даты авиаперелета к началу рабочей недели, чтобы разминуться с «туристами выходного дня», большая часть из которых лезла на трассы только ради ярких фоточек, мешая кататься остальным.

Арендовав снаряжение и купив ски-пассы, друзья сели в кабинку современной канатной дороги.

– Я еще по службе в том вагончике ездил, – Костя показал пальцем на советскую канатку, где у станции выгоревшим пятном красной краски застыл похожий на трамвай фургон.

– Им до сих пор пользуются. В основном по техническим нуждам, – надевая солнцезащитные очки, отозвался Антон.

Солнце слепило глаза, как и пестрые костюмы лыжников. Алина посмотрела на Костю:

– Сегодня только не гоняем! – она знала привычку мужа перебарщивать. – Разомнемся, продышимся, ок?

Костя улыбнулся и вопросительно поднял бровь.

– Смотрите, Эльбрус открылся! – Аня взмахнула рукой, любясь выплывающими из-за скалы вершинами. – Ни облачка! Погода – космос!

Мерный рокот стального каната, на котором висела поскрипывающая от качки кабинка, баюкал своей монотонностью. С каждой минутой подъема залетавший в форточку воздух становился морознее. Закладывало уши. Деревья со снежными шапками остались внизу, уступив место белым

склонам, меж которых петляла прокатанная ратраками трасса. По бокам от трассы ровными зигзагами спускались следы лыж. На отвесной скале, черным зубом торчащей из снега, висело множество табличек. Надписей видно не было, но Костя знал, что на этих табличках выгравированы имена погибших на горе, многие из которых были фрирайдеры.

– По пухляку поедем? – спросил Антон у Кости.

– Там выше интереснее есть. От Мира вправо. Но вообще сегодня, думаю, на трассе катать. Давно не ездил. Ногам надо вспомнить.

Кабинка приближалась к первой пересадочной станции «Кругозор». Здесь открывался вид на уходящий до горизонта Кавказский хребет. Со стороны Грузии, нависнув над ледником «Семерка», застыли облака, не сумевшие преодолеть монолитную преграду.

Перехватив лыжи и гремя тяжелыми ботинками по перфорированному настилу платформы, друзья сели в новое купе канатки, которая потянула их на высоту три тысячи четыреста пятьдесят метров к станции «Мир».

– До «Приюта Одиннадцати», или сначала с «Мира» скатимся? – спросила Алина.

– Поехали сразу на «Приют», – ответила Аня, – погода шикарная, ветра нет, там и трасса хорошая.

Кабинка поднялась еще выше. Белый язык длинного склона больше не был закрыт хребтом. Загибаясь, он упирался в перевал, разделяющий два ущелья.

– Как-то туда ходили, – кивнул головой в сторону перевала Костя, – там на хребте до сих пор стоит платформа от немецкого пулемета. Даже надпись «Фольксваген» сохранилась.

– По службе? – спросил Антон.

– Да, на лыжах туда бегали, с ночевками.

– А спали в палатках? – поинтересовалась Аня.

– И в палатках и пещеры копали.

– В снегу?

– Да.

– Расскажи.

– Да все просто. Находили уклон. Вкапывались тоннелем вверх. Тогда теплый воздух не уходит. Там вычищали полость для ночлега. Ставили газовые горелки. Стенки пещеры от дыхания и газа обледеневают. Тепло не выветривается. Так что было вполне уютно. На улице минус 20, у нас плюс 5. Главное вентиляцию грамотно пробить, а то армейская колбаса в животе долго не живет, – усмехнулся Костя.

– А в туалет нормально по такому морозу?

– Мороз-то ладно, быстро дела свои сделал и застегнулся. Сложнее со снегом. Зимой наст наметает по несколько метров. Если с лыж сойти, провалишься с головой. Когда поджимало по нормальному, приходилось сидя на полозьях справляться...

Еще одна пересадка. Правее от кабинок неподвижно застыли сиденья открытой кресельной канатки.

– На ней тоже ездил? – спросила Алина мужа.

– Да. Она и сейчас вроде летом работает. Со снарягой прикольно. Несколько раз видел, как у людей падали лыжи. Пешком за ними спускались.

Через десять минут резкий толчек тормоза обозначил конечную станцию подъема, Гара-Баши. Три тысячи семьсот пятьдесят метров над уровнем моря. Начальная точка большинства восходителей Эльбруса. Голова чуть плывет от низкого разряженного воздуха. Две вершины кажутся обманчиво близкими. Не сосчитать альпинистов, вмерзших в ледниковые трещины, безызвестно теперь укрытых трауром белого покрывала.

– Погнали? – Антон скользнул вниз, врезаясь кантами лыж в еще гладкую от прокатки ратраком трассу.

Глава 5

*Кабардино-Балкарская республика, поляна Чегет
начало марта 2024 года*

Антон поднял кружку пива:

– За первый день!

На улице было уже темно. Красные, обветренные, но счастливые лица гостей отражались в панорамных окнах маленького кафе, которое, казалось, нахрапом взяло свое место, растолкав локтями кряжистые домики и сувенирные лавки, корнями вросшие в поляну Чегет.

Официант принес очередной заказ.

– Как рука? – спросила у Кости Аня, глядя на его распухшую кисть.

– Все окей, просто ушиб, ты же лучше меня знаешь. Был бы перелом, не смог бы кружку держать.

– А я говорила, не нужно так гонять, – не удержалась от комментария Алина.

– Да ладно, просто упал.

– На Чегете сегодня сноубордиста откопали, – отпив половину кружки, сказал Антон, – повезло, что видели как его накрыло и, самое главное, где!

– Живой?

– Да, испугом отделался. Придавило немного. Еще до приезда спасателей туристы достали.

– Вот и что они туда лезут?! – спросила Алина. – Есть же трассы, зачем кататься там где опасно?

– Адреналин. В том и соль, – пожал плечами Антон.

– Соль в чем? В том, что можешь погибнуть в любую секунду?

– В общем да.

– Не понимаю я этого, – сказала Алина откусывая горячее хачапури с тянущейся ниткой сыра.

– К нам как-то мотоциклиста привезли, – начала рассказывать Аня, – по кускам собирали. В коме лежал четыре дня. Ехал по трассе, поймал головой майского жука. Спидометр застыл на 260. Дырка в шлеме, словно от пули. Как выжил,

сама не понимаю. Повезло парню. Хорошо что трасса пустая была. Просто по асфальту прокрутило. Если б под встречку влетел, там без вариантов. Короче очухался он. Я с ним разговорилась: «Зачем, – спрашиваю, – тебе это надо»? А он улыбнулся и просто пожал плечами. «Дурак, – подумала я». И ему так сказала. А он и не спорил. Я ему че-то там про родителей подумать, про друзей. Каково им тебя, идиота, хоронить было бы? – заводилась Аня, – А сама понимаю, что такую хрень несу. А он мне: «Анна Анатольевна», – Аня округлила глаза. – Анна Анатольевна?! Серьезно?! – брови Ани, изогнувшись, поползли на лоб. – Какая на фиг Анна Анатольевна? – подчеркивая каждое слово, громко сказала Аня.

В глазах Ани больше не было привычного смеха. Она, помотав головой, медленно выдохнула.

– Переклинило меня тогда, – спокойно продолжила Аня. – Проревела в ординатарской полночи. Я и сама не заметила как «Анька» вдруг стала «Анной Анатольевной». Накатила тоска дикая. Думаю, пошло оно все... Взяла лист, ручку, начала заявление строчить, потом успокоилась, бросила. А через пару дней, – Аня кивнула в сторону подружки, – Алинка написала, в горы поехать. Короче, к чему я это все, – Аня потянулась за пивом, – прав пацан. Нужно чаще слать свою «Анну Анатольевну» в задницу и хотя бы иногда быть просто Анькой. Иначе эта «Анна Анатольевна» заведет потом себе с десятков котиков, чтоб вонь кошачьего толчка переби-

вала запах нафталина ее неудавшейся жизни, – Аня сделала долгий глоток, словно закончив тост.

– Пацан-то как? – спросила Алина, – замуж не звал?

– Не, – усмехнулась Аня, – на мотоцикле звал кататься. А че? Я согласилась. Не, реально! Приеду с гор, напишу ему.

– Анна Анатольевна, – подчеркнуто важным голосом позвал Антон, – не кажется ли тебе, что о котиках тоже кому-то нужно заботиться?

Аня толкнула Антона локтем в бок:

– У тебя с этим точно проблем не будет, – ответила она, пытаясь ущипнуть Антона, – песочек-то с тебя уже сыплется, как раз кошкам на туалеты пойдет.

За соседним столом загудела компания, звонко чокаюсь пивными кружками. У всех коричневые обгоревшие лица. Впалые глаза, сильно уставший вид. У мужчин недельная щетина. У женщин тусклые волосы.

– За восхождение! За Эльбрус! За нас! Ура! Ура! Ура-а-а! – громко выкрикнул тост один из парней.

– Ура-а-а, – аплодируя, подхватили ребята и все посетители кафе.

Зимний поход на вершины Эльбруса, достоин двойной порции уважения.

***

– Давайте лучше канаткой вниз, – сказал Антон Алине и Ане.

Внезапный туман накрыл трассу. Снег падал крупными хлопьями, делая видимость нулевой.

– А вы? – спросила Алина.

– Мы прокатимся, – улыбнулся Костя.

– Может все-таки с нами?

Костя снисходительно посмотрел на жену.

– Не очкуй, мать.

Громкоговоритель оповестил о закрытии трассы через тридцать минут.

– Камера включена? – спросил Костя Антона, на шлеме которого красовалась новенькая GoPro

– Да, только все равно одно молоко.

– Облако пройдем, там появится видимость.

– Мы тогда в кафешке у шлагбаума будем ждать, – сказала Аня, перекручивая посадочный турникет.

– Ок, полчаса.

– Проверь, – Антон указал на рацию, закрепленную на лямке рюкзака друга.

Костя нажал кнопку:

– Прием.

Динамик хрипло повторил его голос.

– Давай до Мира, а там вправо по пухляку.

– Решил погонять?

– Да вроде за пару дней-то размялся, попробуем, – Антон

оттолкнулся палками и скользнул вниз.

Снег лип к стеклам масок. Белая пелена была лишена ориентиров. Это похоже на свободное падение. И только скрип лыж, попеременно врезающихся в наледь трассы, все еще напоминал о существовании гравитации. Ниже метров на пятьсот, как и говорил Костя, облачность рассеялась, сделав видимость приемлемой. Свежевыпавший снег почти скрыл лыжную колею, уходящую с основной трассы на не подготовленный склон. Костя остановился.

– Уверен? – спросил он подъехавшего Антона.

– Да вон же накат! Крюком тянется. И дальше снова выходит к дороге. Не заблудимся, – ответил Антон.

– Ок.

Вдали громыхнуло. Может, это разошелся трещиной ледник, или обвалился слой фирна, рокотом предупреждая об опасности. Сквозь туман видно не было. Горы снова пытались говорить, но солнце не обманешь. Сегодня оно пристально смотрело в ущелье, заставляя туристов снимать пуховики. Нагретый к полудню воздух восходящим потоком взобрался на гору. Он быстро разогнал туман, очистив от него лыжную трассу. Теперь солнцу ничего не мешало наблюдать за представлением. Горы опять проиграли.

Антон ехал первым. Склон плавно спускался вниз, а затем снова набирал высоту, лениво вползая на холм толстым слоем снега. Костя видел, как Антон перенес вес тела на пятки, чтоб носки лыж не зарывались в сугроб. Проторенная кем-то

лыжня двумя полосками каемок огибала холм, похожий на перевернутую собачью миску. Антон ускорившись съехал с наката и направился к вершине. Снежная пыль взмывала за его спиной, словно озлобленная мошкара. На подъеме Костя нагнал друга. Антон был на вершине, Костя на подошве возвышения, метрах в пятидесяти, ниже друга. Костя, посмотрел вверх. В освободившемся от облаков небе он видел красный шлем Антона. Костя хотел окликнуть друга, предложить сделать привал, но его опередил утробный звук, похожий на бас мощного сабвуфера. По вершине холма пробежала длинная трещина, и часть склона, тяжелой массой рухнула вниз. Антон почувствовал, как его левая нога, теряя опору, проваливается в пустоту. Нарост снега, образовавшийся с подветренной стороны, больше не удерживала корка льда, расчеченная лыжей Антона...

Солнце смотрело внимательно. Правила не должны нарушаться. Снег не может падать вверх...

Грохот закончился так же быстро, как затихает сабвуфер проехавшей мимо тонированной девятки. Туман услужливо рассеялся, не мешая солнцу наблюдать.

Антон бежал вниз, туда, где минуту назад стоял его друг. Он видел разбросанные по склону вещи: шлем, рюкзак, перчатки, но их хозяина нигде не было. Антон метался из стороны в сторону, как собака потерявшая след. Кричал. Звал. Но горы умеют молчать.

Опомнившись, Антон достал телефон. Дрожащие пальцы

несколько раз промахивались мимо нужных клавиш, пока не набрали комбинацию 112.

– Алло! Алло бл.дь!!! – орал он оператору в трубку, визгливым от паники голосом, – Нужна помощь! Лавина! Там человек!

Глава 6

Кабардино-Балкарская республика, склон Эльбруса, близ станции Мир

начало марта 2024 года

Темно. Трудно дышать. Тело сжато тисками. Невозможно пошевелиться. Виски пульсируют давлением. Капли пота стекают с шеи на лицо и лоб. Кажется, я вишу головой вниз. Где я? Машинально, как учили, пускаю струйку слюны. Липкая дорожка ползет по щеке в сторону переносицы. Значит все-таки головой вниз. Холодно. Пытаюсь вспомнить хоть что-то. Мысли не вяжутся. Кричу. Голос тонет в пустоте. Воздуха все меньше. Нельзя паниковать. Нужно замедлить ритм сердца. Пытаюсь дышать медленно. Четыре секунды вдох, восемь секунд выдох. Вдох, выдох. С трудом получается расшевелить затекшие пальцы левой руки. Ногти шкрябают что-то холодное, хрустящее. Снег. Я знаю что это.

Воспоминания рисуют картинки десятилетней давности. Мой взвод проходит зимние сборы. Урок лавинной опасности. Полтораметровая яма в снегу. Нас по очереди

кладут в нее лицом вниз. Голова чуть поднята, чтоб оставить место для дыхания. От сжатой в кулак ладони вверх тянется жердь страховочного шупа. Кричу «готов». Первые лопаты снега валятся мне на спину. Снег тяжелый. Не такой как в детстве. Самостоятельно уже не выбраться. Бетонной плитой тело вжимает к полу. Давит безысходностью. Я знаю, стоит только дернуть шуп, меня вытащат. Я под контролем и в безопасности. Все равно страшно. Страх отупляет. Сердце стучит, выжигая остатки кислорода. От теплого дыхания стенки воздушной камеры быстро обледеневают, накапливая углекислый газ. Десять минут. Все, что получается, это высвободить ногу, подтянув ее к животу. Упершись коленом, пытаюсь расшатать плотную массу снега. Получается, но от усилий дыхание становится чаще. Дергаю шуп. В глазах темнеет. Меня выкапывают. Резкий глоток кислорода. Теряю сознание. Из группы только двоим удалось выбраться самостоятельно.

Сомнений нет. Я под лавиной. Как сюда попал, сейчас неважно. Все вопросы потом. Надо действовать. Время против меня. Рука около лица. Отлично. Еще немного и кисть пробивается в пустоту. Расчищаю пространство. Как тогда, подставив колено, давя вверх. Выгибаюсь дугой. Есть. Значит не так уж глубоко. Правая нога начинает сильно саднить. Возможно вывих. Хуже если перелом. Слышу собачий лай. Хоть бы спасатели. Хоть бы нашли. На последнем дыхании пытаюсь шевелиться. Надеюсь они заметят движение. Тело

перестает слушаться. Начинается гипоксия. Возможно галлюцинация, но мне кажется в плечо что-то ткнулось. Еще раз. Темнота.

***

– Сюда, – поднял руку спасатель.

Длинный щуп телескопом торчит из снега. Лохматая собака, зарывшись носом, копает верхний слой сошедшей лавины.

– Лопаты! – командует старший эмчеэсник.

Спустя семь минут, меня достают из двухметровой ямы. Кладут на носилки. Нога вывернута не отстегнувшейся лыжей. Жена кричит. Жену и друзей не подпускают. Ратрак скользит вниз. На поляне Азау, подчиняясь светошумовым мигалкам, шлагбаум пропускает две кареты скорой помощи в сопровождении полицейского уазика.

В Тырнаузе готовят операционную. Об этом, как и многом другом, я узнаю позже. А пока мне снится Дагестан. Горный аул Гамсутль. Старый чабан Халид и наш с ним разговор под неспешным мерцанием ярких звезд...

– Прости, – звучит хриплый старческий голос, – прости, – отражаясь эхом от поверхности сотен зеркал, слышу я вновь и вновь.

Лабиринт уносит меня в никуда. Воронкой тянет к центру. Выкручивает. Искажает. Я сжимаюсь в точку. В пылинку. В

ничто. Меня нет. Но я продолжаю видеть свое отражение. Тысячи копий. Бесконечность вариаций. Подобно расширяющейся вселенной. Темной материи. Взрыву. Рождению.

Кабардино-Балкарская республика, город Тырныауз

начало марта 2024 года

Я делаю вдох и открываю глаза. Тонко, противно пищит электрический прибор. Таня устало спит в кресле, подтянув ноги к подбородку. Больничная кушетка чуть приподнята в противовес моей подвешенной на вытяжке ноге. Свет приглушен. За окном темно. На столе пакет фруктов. Цветная коробка с недоеденными роллами. Пятилитровая бутылка воды наполовину пуста. Хочется пить. Очень.

– Таня, – зову я пересохшим слабым голосом, – Таня!

Она открывает глаза. Словно не веря себе, трет их спросонья. Бросается мне на шею. Плачет. Ее волосы пахнут мандаринами. Ее запах такой родной. Он успокаивает.

– Танюш, хочу пить.

Пауза.

– Ты чего?

– Я... Как ты сказал? – заикаясь, спрашивает Таня.

– Я воды попросил.

Таня наливает стакан. Приподняв мою голову, помогает мне выпить.

– Зай, как ты меня назвал?

– В смысле?

– Просто скажи.

– Таня.

Она часто моргает, словно пытаясь осознать услышанное.

– Почему ты спросила?

– Алина.

– Что? Кто это?

Ее брови тянутся вверх, еще шире открывая глаза.

– Мое имя Алина.

Глава 7

Калининград

лето 2024 года

Дул западный ветер. Он принес свежесть. Я сидел на песчаной дюне Балтики и наблюдал, как частые волны лижут берег. У горизонта клубились дождевые облака. Огородники их уже заждались. Весь июнь стояла засуха, которая выжгла растения до блеклой желтизны. Сегодня первый день без таблеток, тормозящих до отупения мой мозг.

– Пойдем? – Алина положила мне ладонь на плечо.

– За мелкой?

– Да, в садике территорию от клещей обрабатывают, про-
сили детей пораньше забрать.

Я взял Алину за руку.

– Пойдем.

В поисках оглушенной штормом рыбы над волнами кружили чайки, громогласно крича нам вслед. К дому, тянулась знакомая узкая тропинка, петляющая сквозь тонкую полосу берегового леса. Во дворе, в тени пятиэтажной панельки, прижавшись к обочине, стояли наши авто: серый пикап «Мицубиши» и синий Алинкин «Пыжик».

Привычно. Все привычно. Почти все.

***

Закрытая черепно-мозговая травма. Сотрясение средней степени тяжести без признаков сдавливания головного мозга. Длительная гипоксия. Вывих колена, разрыв связок голеностопа. Два сломанных ребра и ушиб внутренних органов. Постельный режим. Седативные (натрия бромид, бромкамфора, фенобарбитал плюс этилбромизовалерианат). Транквилизаторы (хлордиазепоксид, диазепам, оксазепам). Снотворные, антигистаминные, витамины, ноотропы...

В какой-то момент я перестал задавать себе вопросы. Костя, Дима, Таня, Алина. Какая разница? Есть просто я. Есть она. Дети. Друзья. Дом. Я люблю. Меня любят. И если мой мозг сыграл со мною злую шутку, кому какое дело? Конечно, я все еще путаюсь. Знаете, когда у вас большая семья, вы можете случайно позвать, допустим, старшую дочь именем младшей или именем жены. «Ма, Тань, э-э-э-э, блин, Дашут,

подай телефон, – иногда слышат от меня родные». Они уже привыкли. Дети особенно. «У папы от удара слегка мозги поплыли, но врач сказал это поправимо, так что переживать не стоит, – рассказывала Машка своей подруге, – мама говорит, попасть в такую лавину, это как если по тебе грузовик проедет. Туда и обратно!» – зачем-то добавляет она. Да уж...

Жену я всегда звал «Солнышком», тут без изменений, хоть мозг и помнит ее как «Таню», но отдаю должное, «Алина», подходит лучше. Что касается меня, я уже почти с первого раза откликаюсь на имя «Костя». «Интересный» конечно выбор родителей. По мне, так «Дима» как-то звучнее, роднее. Привычнее. Но что есть, то есть. Память – странная штука. Память стукнутой головы странна вдвойне. Алина и Костя. Теперь Алина и Костя.

А что сказать про воспоминания? Другие воспоминания. Невролог говорит, это нормально. Такое бывает. Посттравматический синдром. Я ему подыгрываю. Психиатр пытается копать. Ей интересно. Фанатично. По-моему, она сама «того». Больше не хочу отупляющих таблеток. Больше не хочу залипать в небо, в холодной пустоте которого слышится каркающий голос старого чабана.

Иногда мне снятся странные сны. Они и на сны то не похожи. Будто все по-настоящему. Вот вчера, например, ночью меня будит любимая. Сквозь сон, я слышу детский плач. Плач грудничка. «Дим, – толкает в бок жена, – Димка, твоя очередь к Максусу идти». Я встаю. Максус? Голова словно ва-

той набита. В комнате тускло горит ночник. У стены детская кроватка. Заглядываю в нее. Оттуда заплаканными глазенками на меня смотрит маленькая копия меня же. Памперс набух и протек в одеяло. Крючковатые ножки нервно дрыгаются. Снимаю подгузник. Несу малыша в ванную. Щелкаю выключателем. Яркий свет режет глаза. Щурюсь. Когда это у нас появилось биде? Мою мальчонке румяный зад. Он успокаивается, почти засыпает на моей груди. Я по привычке (все-таки уже двоих мелких вырастил) целую малыша между уголком глаза и виском, носом зарываясь в его мягкие волосенки. Делаю глубокий вдох. Как нюхают цветы. Этот запах. Запах ангела. Самое нежное и самое чистое, что может чувствовать человек. Несу его обратно в комнату. Немного присыпки, чтоб ничего не прело, новые памперсы, готово. Укрываю мальчишку тонкой простыней. Жарко. Ложусь в кровать. Маревое вязкого сна кутает липкой пеленой. В дальнем конце комнаты, в свете ночника поблескивают кубки и медали, красиво расставленные на полках старенькой этажерки. В центре «уголка славы», почетная грамота. Ажурными буквами выведено «ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ НОРМАТИВА МАСТЕРА СПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ТЯЖЕЛОЙ АТЛЕТИКЕ награждается БЫКОВ ДМИТРИЙ». Кто? Опять? Хочу встать. Я уверен, это не сон. Ноги не слушаются. Глаза налиты свинцом. Моргаю. Когда веки размыкаются, по зрачкам бьет яркий утренний свет. Алина спит рядом, накрыв голову подушкой, вероятно, прячась от моего

храпа. Кроватки нет. Малыша нет. С грамоты золотится надпись «БЫКОВ КОНСТАНТИН», а в голове звучит Алинкин (или Танин?) голос из сна: «Дим, – зовет она меня, – Димка».

***

Любой человек, сталкиваясь с трудностями, проходит определенные стадии. Я прошел их все. Сейчас стадия «принятия». Я все принял. Понял? Конечно, нет. Но я устал. Да и поводов сомневаться в действительности было разве что один. Мой мозг. Но это не совершенная система. Она ломается. Или переключается. Не знаю.

Соц. сети, фотоальбомы, документы, окружающие люди – все говорит о реальности данного мира. Все, кроме моих воспоминаний. Они разнятся. Где-то совсем немного, как наши с женой имена, где-то значительно, как дружба с Антоном и Аней. Но, в целом, истории схожи. Родители, дом, семья, работа, увлечения. Я легко втянулся в свою новую (старую) жизнь. Просто перестал замечать несостыковки. То, что не заметить было невозможно, игнорировал. Отложил в долгий ящик.

Конечно, втайне ото всех (особенно от психолога) я искал Халида. Оказалось, он умер еще в советское время. Расул, его сын, даже скинул мне вырезку из газеты «Дагестанская правда», в которой некрологом была напечатана большая статья о жизни Халида Османова, почетного граждани-

на ДАССР. Что касается дома, в котором я нашел рукопись немецкого фотографа, его снесли лет десять назад. Теперь на том месте красуется современный коттеджный поселок. Сам фотограф, Лоренц Вернер, не смотря на преклонные годы, находится в здравом уме и отлично пользуется электронной почтой. На мое письмо он ответил, что, действительно, принимал участие в Гималайской экспедиции, но, к своему сожалению, ни о каких артефактах не слышал и что свой дневник готов предоставить как историческую ценность, но только по официальному запросу. «Когда в сорок пятом году я покидал Кенигсберг, – писал он, – дневник был единственной вещью, которую я смог забрать с собой».

Антон оказался отличным другом. Несмотря на мое сопротивление, затаскал меня по дорогим специалистам-реабилитологам. Анька, со своей стороны, всячески поддерживала Алину, не давая той раскисать. Дети любили и радовали. Разгар лета совпал с моей выпиской из больницы, правда, с пометкой «под наблюдение врача», и все казалось нормальным. А вскоре, с двумя черточками пластиковой полоски счастливые хлопоты заполнили собой наши мысли и чувства. Жизнь продолжалась. Счастливая жизнь.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

США, Калифорния, Сан-Франциско, кампус IT компании
Zodiac, конференц зал Zodiac Hall

Зима 2011 года

– Мистер Тхаур, семь минут, – сказал ассистент в больших шумоподавляющих наушниках с микрофоном.

Ману Тхаур, основатель и бессменный лидер американского IT гиганта Zodiac, стоял за сценой в ожидании своего выхода. Безупречно сидящий серый костюм тройка с приталенным, современного кроя жилетом нисколько не сковывал движения энергичного мужчины. Черные волосы, аккуратно уложенные на пробор, поблескивали смолю в свете закулисных софитов. Коричневые, чуть навывкате глаза смотрели спокойно и уверенно. Тонкие губы подчеркивала эспаньолка, подобранная к его смуглому скуластому лицу стилистом. Ману выпрямил спину. Высокий рост не всегда был его преимуществом. В годы учебы в университете молодой индус стеснялся неуклюжести своей худобы, машинально сутулясь в попытке укрыться от любопытных взглядов сокурсников, особенно девушек. Сегодня же он выглядел с иголочки, а главное, был богат, успешен и пока все еще молод. Но упертый позвоночник привычно кривился дугой, стоило Ману о нем забыть.

– Две минуты.

Ману сделал глубокий вдох. Он сотни раз выступал на публике. Дважды приходилось готовить доклад лично пре-

зиденту. Но до сих пор перед выходом к аудитории его охватывало волнение. Для публики оно не было неприятным. Скорее наоборот. Волнение придавало живости ее обладателю. Оно делало речь Ману яркой, эмоциональной, а движения естественными, лишёнными снобизма профессиональных ораторов. Но Ману это не нравилось. Склонность к перфекционизму заставляла его раздражаться отсутствием полного контроля над своим телом.

– Тридцать секунд.

Огромный, во всю длину сцены экран транслировал знаменитый логотип. Солнечное затмение с выбивающимися по краям лучами, делящими диск на двенадцать равных частей, одновременно символизировало время и пространство, как считал Ману, две единственные вещи, которыми нам дозволено пользоваться.

– Выход.

Поправив микрофон, закрепленный на ухе, Ману сделал первый шаг. Никакой музыки. Только метроном шагов. Только единственный прожектор, направленный на Ману. Только он и весь мир. Ничего лишнего.

Дойдя до центра сцены, Ману окинул взглядом темный простор зала. Слева направо. Справа налево. Не спеша. Он держал паузу. Он умел держать паузы. Молчание. Молчание порой говорит больше, чем слова. Короткий вдох и...

– Вы все умрете.

Казалось зал прекратил дышать, пытаясь осознать услы-

шанное.

– По статистике, – продолжил Ману, – семьдесят восемь с половиной процентов всех смертей случаются из-за слишком поздней диагностики проблем здоровья. Так что да, тысяча сто семьдесят семь людей из этого полтора тысячного зала умрут раньше времени. Шесть миллиардов двести восемьдесят миллионов жителей планеты не проживут свой биологический потенциал. Обидно, правда? Тело человека несовершенно.

Ману подошел к краю сцены. – Миллионы лет эволюция видоизменяла организм человека, адаптируя его к окружающей агрессивной среде. Но и враги не дремали, они учились обходить нашу защиту. Вирусы, бактерии, раковые клетки, аутоиммунные заболевания – это все может жить в нас долгие годы, никак себя не проявляя. Но стоит иммунитету дать слабину, и вот мы уже пишем завещание. – Ману переместился в бок, смещая фокус внимания на экран. – Теперь все иначе.

На экране появилось фото молодого Ману, держащего маленькую металлическую капсулу.

– Девять лет назад, – продолжил он, – ZODIAC создали ZCHIP. Создали шедевр. Создали надежную защиту для нас с вами. Девять долгих лет совершенствования и клинических испытаний. Девять лет круглосуточной работы тысяч и тысяч профессионалов. – Ману махнул рукой, и слайд проектора отозвался сменой картинки. – Теперь сухие факты.

На темном экране, огромным шрифтом засветились цифры.

– Три миллиона двести двенадцать тысяч сто тридцать один чип. Это точное число имплантов ZCHIP, вживленных за девять лет в тело человека. Пятьсот двенадцать тысяч восемьсот четырнадцать выявленных заболеваний на начальной стадии развития, либо в период инкубации патогена. Девяносто шесть процентов положительных результатов предотвращения заболеваний. Контракт с армией США. Семь контрактов с вооруженными силами союзников. Контракт с NASA. Контракт со всемирной ассоциацией здравоохранения. Юнеско, Красный крест, ОБСЕ, FIFA, UEFA, контракт с международным олимпийским комитетом.

На экране один за другим сменялись флаги, логотипы и эмблемы влиятельных мировых организаций.

– Да-да! Мы сделали спорт честным! Благодаря нашим выдающимся чипам, антидопинговое агентство больше не нуждается в сложном контроле спортсменов. Уже вторые олимпийские игры абсолютно все, включая обычных людей, нас с вами, могут наблюдать состояние профессиональных участников онлайн. Теперь не требуется делать забор биоматериала физически. Данные организма спортсмена передаются с чипа напрямую в систему WADA. В этом вы сами можете убедиться. Достаточно зайти на сайт международного спортивного объединения, к слову сказать, президент которого сегодня находится в этом зале.

Ману улыбаясь сделал дружеский жест рукой в направлении луча софита, желтым пятном вырвавшего из темноты зала, человека.

– Поприветствуем Джозефа Симонса!

В зале поднялся статный седовласый мужчина, к своим годам не растерявший железную осанку профессионального гимнаста. По-детски смешно стесняясь неожиданному вниманию к своей персоне, он, поправляя галстук, несколько раз энергично поклонился в разные стороны. Когда аплодисменты смолкли, Ману продолжил:

– Да, так вот, наши поразительные чипы положили конец вранью в спорте, – Ману откашлялся, – Более того, – он взял паузу, – более того, то, что я сейчас скажу, не входило в тестовые планы ZODIAC. Но случилась катастрофа.

Снова пауза.

– Я уверен, все слышали про печально известную лавину в Гималаях, накрывшую той весной лагерь восходителей Эвереста. В тот день группа Сэма Данкенса должна была покорить заветную вершину Мира. За полгода до того Сэм позвонил мне. «Ману, – сказал он, – я снова отправляюсь на Эверест, и я хочу попробовать ZCHIP». «Конечно, Сэм, – ответил я, – это отличная идея». Группа Сэма новаторски использовала ZCHIP для контроля показания медицинских параметров. Когда, – Ману выдержал паузу, – когда сошла лавина, двенадцать человек оказались под завалом. Благодаря ZCHIP, инженерам ZODIAC удалось стимулировать выра-

ботку адреналина альпинистов, тисками сжатых в снежном плену. Получив переохладение, они должны были умереть, но их сердце билось. Билось благодаря ZCHIP. Эти сердца сегодня бьются здесь, в этом зале, рядом с вами! – Ману, раскинул руки в стороны, приветствуя поднявшихся в дальнем конце зала альпинистов. – А сколько происходит несчастных случаев из-за поздней диагностики заболеваний? Из-за человеческого фактора? Врачебной ошибки? Потери драгоценного времени? Сколько? Сколько жизней можно спасти? – Ману вопросительно сверлил публику острым взглядом победителя, – я знаю сколько, – он терпеливо дождался молчания зала, – Все, – тихо закончил Ману, ставя жирную точку в образовавшейся пустоте, – их можно спасти все. ZCHIP – это решение.

Зал зашелся в экстазе ликования. Ману, казалось, впитывал каждую частичку энергии, льющейся из разгоряченной аудитории в его сторону.

– Друзья! – Ману жестом попросил зал успокоиться. – Друзья! Сегодня великий день для всех нас! Для всех людей! ZODIAC массово запускает ZCHIP в свободную продажу!

Зал рукоплескал так, что звукоинженеру пришлось добавить громкости микрофону Ману.

– С завтрашнего дня по всему миру, в каждом уголке планеты любой человек, даже с самым скромным достатком, сможет приобрести надежную защиту своего организма! Несокрушимый форпост! Гарантию долгой, здоровой и

счастливой жизни! ZCHIP!

Вспышки фотокамер мерцали стробоскопом, запечатляя апофеоз выступления Ману Тхаура.

– И это только малая часть ресурса ZCHIP! Его функционал безграничен! Я приглашаю на сцену главного инженера ZODIAC и по совместительству моего дорогого друга, Алексея Троицкого, чтобы он поведал вам потрясающие, поистине фантастические возможности ZCHIP.

На сцену поднялся немолодой тучный мужчина с наивным, даже детским выражением лица. Большие очки нелепо сидели на его переносице. От тяжелой походки очки норовили сползти к кончику носа. Пока Алексей шел по сцене, он два раза поправил их, при этом щурясь и собирая складками лоб. Когда он подносил руку к лицу, клетчатая рубашка натягивалась, пытаясь выскользнуть из мешковатых синих джинсов. Но не смотря на кажущуюся неуклюжесть, движения его были точными и собранными. Троицкий подошел к Ману. Невысокий рост Алексея еще больше становился заметен на фоне статного коллеги. Но стоило Троицкому заговорить, как его невзрачная внешность уходила на задний план, замещенная красивым поставленным голосом.

– Добрый вечер, – с заметным акцентом обратился Троицкий к залу. – Привет, Ману, – он přátельски обнял Тхаура за плечи, – отличная новость, завтра твой банковский счет, потолстеет на несколько миллиардов?

Зал взорвался громогласным хохотом.

– Если я ничего не путаю, четырнадцать процентов акций ZODIAC принадлежат тебе – не растерялся Ману, перекрывая аудиторию, – так что прими мои поздравления тоже. Дивиденды, кстати, мы планируем выплатить в мае.

– Ману! – крикнул кто-то из первых рядов, – ты еще и до середины не успел произнести слово «дивиденды», как котировки ZODIAC взлетели вверх!

– Ох, – выдохнул Ману, – я мало что смыслю в брокерских делах, – лукаво улыбаясь, соврал он, – но это отличная новость, а теперь слово Алексею.

– Да, еще раз добрый вечер, – Троицкий откашлялся, – я не владею такой харизмой, как Ману, так что вам придется потерпеть меня немного, но оно того стоит. Ведь там за кулисами уже рвутся на сцену настоящие монстры метала, чтобы окончательно снести вашу голову.

Зал зашумел в непонимании.

– Как? Вы не знаете? – наигранно удивился Алексей, – Ману вам ничего не сказал? Да ладно?! Там же самая настоящая METALLICA! Я даже взял автограф у Джеймса, пока ждал своего выхода.

По аудитории, казалось, пронесся ураган. Троицкому пришлось ждать несколько минут, пока зал снова вернулся к возможности воспринимать информацию.

– Постараюсь коротко, – начал он, – по своей сути ZSNIP – это компьютер. Компьютер, с которым мы можем взаимо-

действовать, как со своим настольным ПК или как с телефоном, к примеру. Только быстрее. Неимоверно быстрее. Сегодня вся сложность коммуникации между человеком и гаджетами заключается лишь в скорости передачи данных. Пока вы печатаете запрос в поисковике, проходит слишком много времени. За эти секунды компьютер и мозг, общаясь напрямую посредством нервных импульсов, могли бы обмениваться гигабайтами информации. В том и есть основной потенциал ZСНIP. Это то, что позволит одной лишь силой мысли коммуницировать с любыми электронными устройствами. – Алексей, несмотря на свою внешность, отлично умел держать внимание публики, вовремя делая паузы и акценты. – Представьте, вы хотите написать твит своему приятелю. Вам надо достать телефон, разблокировать его, найти приложение, найти контакт этого друга, нажать кучу кнопок набора текста, потому что все ненавидят голосовые сообщения, и при этом не потерять нить повествования. Звучит не так сложно правда? Ведь мы уже к этому привыкли. Но что вы скажете, если вам придется написать обычное письмо? Да-да. Купить конверт, марки, взять лист бумаги, ручку, а может перо и чернила, пойти на почту, отдать письмо почтмейстеру и ждать ответа несколько недель. «Привет Боб, – напишете вы, – как дела старик?» – а через месяц придет его ответ: «Нормально, а твой?» – Алексей изображал гнусавым голосом чопорный английский акцент. – Хотя, надо заметить, что и сейчас есть такие, кто месяцами не отвечает на мэйлы. Ко-

роче, вариант с бумажным письмом кажется прошлым веком в сравнении с твиттером, не правда ли? – Троицкий оглядел улыбающуюся аудиторию. – А теперь что, если я скажу, что все электронные устройства, которыми мы пользуемся сегодня, это и есть прошлый век в сравнении с ZСНIP? Что, если компьютер теперь это наш мозг? Что, если сила мысли теперь становится новой единственной переменной в цепочке между идеей и реализацией? Вы удивитесь? Конечно нет. ZСНIP с нами уже девять лет. За это время СМИ прожужжали всем уши наряду с фантастами, паникерами, мечтателями и Бог знает кем еще из любителей повывдумывать апокалиптическое будущее. Но, вы знаете, они правы. Правы в том, что нет предела возможности сочетаний искусственного интеллекта и интеллекта человеческого, – Алексей сменил шуточный тон на серьезный, впившись взглядом в аудиторию. – ZODIAC осторожно, поэтапно и подконтрольно ведет свою работу по расширению потенциала ZСНIP. Сегодня ZСНIP занимается самым важным: здоровьем человека. Пока только в качестве датчика, прибора, отслеживающего данные своего носителя. Но в ближайшем будущем ZСНIP станет инструментом. Он сможет восстанавливать утраченные из-за травм или заболеваний функции. Например, поможет людям с параличом снова контролировать свои конечности или вернуть потерянные слух и зрение. Поможет улучшить память, повысит когнитивные способности. Путем стимуляции определенных областей мозга побороет пси-

хические расстройства, тревожность, депрессию. Это уже не фантастика.

Зал в оцепенении ловил каждое его слово.

– О, как много я хотел бы вам рассказать, – Алексей засмеялся, – вот только, к сожалению, а может, и к счастью, мой язык связан договором о неразглашении, – он покосился в сторону кулис, – Ману лично согласовывал и проверял мою сегодняшнюю речь. Ох уж эти маркетологи. – Троицкий театрално пожал плечами, показывая свое наигранное негодование.

– Что касается более далекого будущего, я повторюсь, возможности ZCHIP безграничны.

На экране демонстрировалось видео, где люди различного этноса о чем-то увлеченно беседуют. Они сидели за переговорным столом, броско разодетые в пеструю национальную одежду. Индеец с пернатым роучем на голове учтиво кивал, слушая монаха, облаченного в кашаю цвета карри. Укутанный в шкуру северянин сдержанно посмеивался над шуткой полуголого пигмея. Желтолицая девушка в кимоно, склонившись над чернокожей собеседницей, показывала ей фотографии из своего смартфона. Не менее пятидесяти представителей различных народностей, увлеченно разговаривали между собой.

Троицкий вышел на центр сцены:

– Вам хотелось бы быть полиглотом? – сказал он. – Общаться без переводчика на любом языке мира? Моменталь-

но? С кем угодно, где угодно? Сегодня это становится реальностью. ZODIAC уже проводит тестирование данной опции. А что скажете про шопинг? ZCHIP на базе искусственного интеллекта изучит ваши предпочтения, и стоит вам только пожелать приобрести то самое платье, как ZCHIP найдет нужный магазин, в котором будет именно такое платье, платье, о котором вы всегда мечтали.

Из глубины экрана многократно увеличенная проектором, играя бедрами, гордо шагала длинноногая красотка в роскошном вечернем наряде.

– О такой красоте нужно беспокоиться, – засмеялся Алексей, – как бы кто не украл.

Девушка исчезла с экрана; проектор сменил изображение. Теперь зрители видели диспетчерскую комнату с множеством мониторов. Кто-то выкрикнул, «верните телочку». Троицкий на шутку не отреагировал.

– Безопасность. ZCHIP будет подключен ко всем экстренным службам. Сердце забило с запредельным темпом? Уровень адреналина подскочил до критических показателей? Остеобласты выбрасывают остеокальцин? Резко повысилась давление? Возможно нашу красотку кто-то тащит в черный фургон, желая увезти ее на край света. Но полиция уже считывает стрессовую реакцию. Считывает посланный ее мозгом сигнал помощи. И через пару минут, следуя гео-данным, красавицу спасут, а преступника, да-да, вот этого крикуна из зала, – Троицкий указал пальцем в зал, – переда-

дут законопорядку.

Зал аплодировал.

– Любой университет мира будет открыт каждому человеку. Посредственность уйдет на второй план. Теперь действительно талантливые и достойные получают возможность учиться и воплощать свои идеи в жизнь. Деньги. Куда ж без них. Работать и зарабатывать умом – это уже не метафора. Это буквальность.

На экране снова поменялась заставка, транслируя знаменитые Египетские пирамиды.

– Путешествовать не выходя из дома, – продолжал Троцкий, – нет, я ничего не имею против тревел-блогеров, но что если вы сможете попасть в любую точку мира, всего-то подключившись к другому человеку. Видеть его глазами. Чувствовать его кожей. Хотите забраться на Эверест? Одна мысль, и вы в теле Сэма Данкенса. Сэм, ты же не против? – обратился Алексей к альпинисту.

– Нисколько, – крикнул Сэм из зала.

– Биологическая оболочка перестает быть единственным нашим домом. Наше сознание. Вот что определяет нас. Мы совершили революцию. Эволюцию. Это новая эра человечества. Человека не только разумного, но осмысленного. Человека, созданного по образу и подобию. Человека свободного. Человека бессмертного.

Зал молчал, ожидая продолжения.

– Я уже говорил, мой язык скован обещанием, но поверь-

те, вы не перестанете удивляться достижениям ZODIAC. Нам есть что подарить этому миру. И сегодня такой подарок – это ZCHIP!

Алексей покидал сцену под овации разгоряченной и заинтригованной публики. Он выполнил просьбу Ману. Выступил достойно. Он действительно верил в возможности ZODIAC. Как верил и в его недостатки. Алексей не сказал о них ни слова. Ману запретил. Но уходить вот так не хотелось. Достигнув края сцены, Троицкий обернулся. Окинув взглядом ликующую толпу элиты современного общества, Алексей грустно усмехнулся:

– Мир больше не будет прежним, – тихо произнес он, но его микрофон был уже выключен.

Глава 2

Россия

Весна 2022 год

Интернет-портал «Информ 24».

«Задержан подозреваемый в серии убийств, по печально известному прозвищу «Душитель», орудовавший более десяти лет на территории Московской области и страны. Его имя на время следствия не разглашается, но известно, что мужчина является владельцем крупного бизнеса в сфере туризма».

«IT-гигант ZODIAC выпустил приложение, способное предугадывать будущее. Как уверяют создатели,

PERSONAL DEEP ZODIAC, так назвали они свое детище, сокращенно PDZ, является самым точным в мире гороскопом».

Газета «Современные технологии»:

«МИЛЛИАРД ЗА НЕДЕЛЮ. PERSONAL DEEP ZODIAC бьют все рекорды по количеству скачиваний».

Из телеинтервью российского аналитика в сфере информационных технологий:

– Расскажите, как это устроено?

– На самом деле, все просто. С момента выхода в свет ZCHIP прошло уже одиннадцать лет. Три миллиарда пользователей, круглосуточно подключенных к сети. Вы представляете, какая это огромная база данных?

– Думаю моей флэшки не хватит. (Смех).

– О нас знают все. Что мы едим и пьем. Когда и куда ходим. Сколько времени работаем. Что смотрим и слушаем. Что любим. С кем общаемся. Сколько зарабатываем и тратим. О чем мечтаем. Все! Данные ZCHIP сопоставляются с данными социальных сетей. Ваши фотографии, посты, видео, лайки, дизлайки, репосты, время, проведенное в сети, каждая мелочь анализируется алгоритмом искусственного интеллекта. Данные всех людей контактируют между собой. Все библиотеки мира, вся история человечества подгружена в систему PDZ. Все, что есть в сети, любая информа-

ция, абсолютно любая, все проходит сквозь программу, взаимодействуя и влияя на прогноз.

– Но ведь ZODIAC по сути монополист и лидер IT-рынка. Такая база у него уже давно. Неужели только сейчас кому-то в голову пришла идея создать... э-э-э... аналитическую программу, способную предугадывать ближайшие события?

– Здесь сложность, как вы правильно сказали, не в сборе данных, а в аналитике. Мало иметь одну лишь базу. Надо еще правильно понять и использовать эту информацию. До недавнего времени мир не обладал инструментом, способным справиться с такой задачей. Но сегодня... Искусственный интеллект, вот ключ.

– Сможете это объяснить простыми словами?

– Хм. Попробую. Давайте представим. Вы сотрудник офиса. Каждый будний день вы отправляетесь на работу в определенное время. Каждый день после работы вы идете в магазин и покупаете продукты. Готовите ужин. Смотрите любимые шоу. Проводите время с семьей. Вы удивитесь, но если взглянуть на нашу жизнь со стороны, она не такая уж и разнообразная. Но да ладно. В общем, одним пасмурным осенним днем вы чувствуете слабость. ZCHIP сигнализирует о повышении температуры тела до тридцати семи. Еще не повод брать больничный, но организму нужна помощь. По пути с работы вы заезжаете в аптеку, покупаете противовирусные и жаропонижающие, потому что анализ ZCHIP показал увеличенное количество выработки антител, спрово-

цированных патогеном. Вечером делаете селфи и выкладываете в сторис печальную моську с обернутым вокруг шеи шарфом и жалобным комментарием про ваше недомогание. А где-то на другом конце Москвы ваш коллега получает уведомление из приложения PERSONAL DEEP ZODIAC о том, что завтра лучше воздержаться от посещения офиса, так как присутствует высокий риск заражения гриппом. Алгоритм учел все переменные. Вашу покупку лекарств, показания вашего ZCHIP, комментариев к сторис и переписку с мамой, в которой вы самоотверженно отказываете ей в просьбе не ходить завтра на работу, а остаться дома и отлежаться в постели. Учел расстояние рабочих столов между вами и коллегой. График проветривания помещения и скорость распространения вируса. Учел сниженный переутомлением иммунитет сослуживца. И вполне логично, пришел к выводу, что вы заразите своего коллегу гриппом с вероятностью семьдесят шесть процентов.

– Так просто.

– И да, и нет. У нас с вами не хватит и целой жизни непрерывного разговора, чтоб перечислить все аспекты, которые анализирует искусственный интеллект.

Радиостанция «PROLOVE радио». Утренний эфир

– Никита, а давай проверим приложение?

– Ты хочешь узнать, остались ли шоколадки в аппарате на

первом этаже?

– Я и так знаю, что утром ты их уже подчистил. (Смех).

– Тогда как?

– У нас есть приглашенный гость. Мы никому о нем не говорили.

– И?

– Ну, Паша, комон, просыпайся! Зададим приложению вопрос: «Кто сегодня будет в гостях у «Пролав радио»?»

– А-а-а-а. Ну, давай. А пока Никита пытается попасть своими толстенькими пальчиками по нужным кнопкам, пишите и вы, наши дорогие, любвеобильные радиослушатели! Кто же, по вашему мнению, придет сегодня к нам в эту студию. Кто эта суперзвезда? Кто же этот секс-символ? Кто же эта обладательница самых больших сис... э-э-э-э... глаз на отечественной сцене? Кто же...

– Да ла-а-адно!

– Ого-о-о-о!

– Это не шутка?

– Это стопроцентное попадание!

– Откуда? Как?

– Это PDZ, детка!

– Это ПидЗа!

– Что? Как ты сказал? (Смех).

– Это точно ПидЗа!

Отзывы пользователей:

Маргарита 5 звезд

«Это просто отрыв башки. PDZ угадывает все»

Юрий 5 звезд

«Норм приложение. Развелся. Как оказалась, бывшая ездила на слишком частную йогу. Сука!»

Оксана 3 звезды

«Ну такое себе».

Офелия 1 звезда

«Ни о чем. Вранье. Профессиональная потомственная гадалка, ясновидящая. Гадаю по фото онлайн. Сниму порчу, тяжелые виды проклятий. Верну любимого. Заговор на деньги. Помощь бизнесу. Гарантия. Телефон +7 909 744 56 ..».

Светочка 5 звезд

«РидЗа, нет слов. Я не знаю как оно так делает. Даже немного страшно)))»

Професссссср 4 звезды

«Примитивно конечно. Но потенциал есть. А так, я и сам могу угадать, что завтра на МКАДе жопа».

Влад 3 звезды

«Слишком долго грузит. Разработчикам еще пахать и

пахать».

Анютка 5 звезд

«Миллиард звезд! Космиллион! Теперь живу только по ПидЗе))) Это самое лучше приложения в мире!»

Глава 3

Россия, Калининград

весна 2022 года

Серый пикап уверенно держал дорогу. Стертые дворники судорожно боролись с потоками воды, которая стеной поднималась к грозовому фронту. Влад ехал с работы, петляя по узкой трассе, пролегающей сквозь лес. Кроны деревьев, тянулись друг к другу, образуя естественный тоннель. Влад где-то читал, что такие дороги не случайно проектировались «кривыми»: по задумке инженеров в случае военных действий штурмовой авиации противника было бы не так просто атаковать транспорт и пехоту, движущиеся зигзагом, да еще и укрытые от глаз листвой.

Плеер видеохостинга поставил ролик популярного интервьюера на паузу, уступив приоритет входящему звонку. На экране смартфона высветился контакт «Любимая».

– Зай, привет! – прозвучало в автомобильных динамиках громкой связи. – Наташка Кузнецова звонила. Тебе Антон ничего не говорил? – спросила она прерывающимся от по-

мех голосом.

– Нет, а что случилось?

– Проблемы у него какие-то. Наташка толком не объяснила, плачет, сама ничего не знает. Сказала только, что секретарша звонила. Обыск в офисе был. Говорит, задержали Антона. В отделение увезли. Целый отряд спецов за ним приезжал.

– Фига себе! Может по бизнесу что случилось? Конкурен- ты там, или не поделился с кем?

– Может. Но, по ходу, все серьезно. По ходу, наша поездка отменяется, – перекрикивала детский визг Алина.

– Ладно, мать, не паникуй, давай утра дождемся, там видно будет. Готовь ужин, скоро приеду, – закончил Влад, и связь окончательно оборвалась.

«PERSONAL DEEP ZODIAC. По вашему запросу загрузка восемьдесят девять процентов. До конца загрузки один час сорок две минуты», – прочитал Влад на экране смартфона.

– Да уж, – выдохнул он, подумав про себя, что эта поездка на Эльбрус изначально складывалась через одно место.

***

– Солнце! – позвал Влад жену, – загрузилось.

Влад сидел на кухне. Настроение было так себе. С самого утра день наводнили мелкие неприятности. Апофеозом стали проколотое колесо и разбитый телефон, выпавший из

кармана при ремонте машины. Есть не хотелось. На столе, накрытом к ужину, лежал треснутый Samsung, стеклянной шелухой экрана, напоминая о грядущих расходах.

Алина вошла в кухню:

– Д-а-а-а, и что там?

– Ты не обрадуешься, – виновато улыбнулся Влад.

На телефоне Влада ультрамарином фирменного логотипа светилось открытое приложение PERSONAL DEEP ZODIAC. Белые буквы названия, расположенные в верхней части заставки, слегка покачивались и переливались знаменитым запатентованным шрифтом. Центральную часть дисплея занимал круг с процентами статистики. Более половины круга было выкрашено красным. В красной зоне значилось число шестьдесят семь, запятая и четыре. «Вам рекомендуется воздержаться от данной поездки» – мигал результат внизу экрана.

– Шестьдесят семь процентов, – сказал Влад.

– Что шестьдесят семь процентов?

– Программа рассчитала, что вероятность негативного сценария шестьдесят семь с половиной процентов.

– Пфф, – выдохнула Алина.

– У тебя еще не загрузилось?

Алина посмотрела на экран своего телефона:

– Нет, пять часов показывает. Как ты у нее спросил?

– У кого? – не понял Влад.

– У ПидЗы. Как задал ей параметры вычисления?

– Просто написал «поездка на Эльбрус». Там она выдала несколько уточняющих вопросов: «Когда? С кем? Цель?» и все такое. У тебя также?

– В целом, да, – грустно кивнула Алина.

– Маша, Даша! – крикнул Влад. (Из комнаты доносился топот и дикий смех) – прекратите беситься! Сейчас же доиграйтесь! Даша, нить потом будешь!

Не помогло.

– А посмотри, там развернутое пояснение есть, – Алина вернула Влада к разговору.

Влад нажал на центр статистического круга. Экран сменил картинку списком. Сверху вниз, от большего к меньшему, повторялась процентовка с описанием. Первой строкой значилось шестьдесят семь и четыре десятых процента – негативный сценарий. Второй строчкой шел результат в двадцать три и девять десятых процента – удовлетворительный сценарий. Третью линию занимал результат в два и семь десятых процента – положительный сценарий. Влад нажал на первую строку. Летальность – четырнадцать процентов. Травмоопасность и угроза здоровью – пятьдесят один процент. Негативный сценарий окружения – тридцать два процента. Долгосрочный отрицательный анализ – три процента. Ниже пульсировало длинное число – пятьсот семь миллиардов сто двенадцать миллионов восемьсот тысяч рассчитанных линий сюжета. Последние четыре цифры быстро менялись в большую сторону, говоря о том, что программа и в

настоящий момент ведет анализ и вычисление.

– Ну что скажешь? – Алина посмотрела на Влада.

– Да фиг его знает. Давай твой результат подождем. То же, верить непонятно чему, такое себе. Как-то жили без этих приложений, нормально все было, – улыбнулся Влад. – Тем более билеты куплены. Не возвращать же.

– Ладно. Еще с Тохой надо решить. Непонятно что у него там, – после ответа мужа Алина немного успокоилась .

– С Аптечкой списывались?

– Да, Анька в силе. Летит.

– Окей. Не переживай. Нормально все будет, – Влад обнял Алину, – все будет нормально.

Глава 4

*США, Калифорния, Сан-Франциско, кампус IT компании
Zodiac (Зодиак)*

Весна 2022 года

Секретарша виновато заглянула в зал для совещаний:

– Алексей, извините, пожалуйста, вам срочный звонок из московского офиса.

– Десять минут может подождать? – отреагировал Троицкий.

– Я передам, но говорят, не терпит отлагательств.

– Хорошо, мы уже заканчиваем. Через десять минут переведи звонок на мой кабинет, – ставя таймер на наручных

часах, ответил Троицкий.

В этом необходимости не было, просто Троицкому нравилось видеть, как старые потертые Casio, носимые им еще со студенчества, до сих пор исправно работают.

Совещание Троицкий закончил раньше условленного времени. Писклявая мелодия хронометра, застала его уже в коридоре.

– Наоми, черный кофе, – бросил Троицкий секретарше, переходя из комнаты для совещаний в свой кабинет.

Его тон мог показаться грубым, но Наоми знала, что за резкостью скрывается обычная усталость. Просто невероятный объем задач сделал из Троицкого человека немногословного, не сотрясающего воздух пустыми фразами. Все четко. Коротко. По делу.

– Хорошо, – уже в его спину сказала Наоми.

Она и сама не понимала, как ее угораздило влюбиться в далеко не молодого мужчину, своей внешностью напоминающего медведя из известного мультика. Но каждый раз, общаясь с Троицким, она замечала, как вспыхивают румянцем ее щеки и как меняется ее голос, становясь сладковато-заискивающим. Вот только Троицкого, судя по всему, интересовала одна лишь работа. Жена давно от него ушла, прихватив половину солидного имущества. А двое детей, ровесников Наоми, звонили отцу, только когда им нужны были деньги. Больше ни в каких отношениях Троицкий замечен не был.

Но наивное сердце Наоми теплилось девичьей надеждой. В редкие моменты, когда Алексей позволял себе перекинуться с Наоми парой слов, она отвечала ему безукоризненной улыбкой, от которой в колледже все сходили с ума. Но только не сегодня. В этот вторник Троицкий был более обычного загружен работой. Оттого по-деловому резок и хмур.

– Юра, что случилось? – начал сеанс видеосвязи Троицкий.

Он хорошо знал собеседника. Троицкий лично одобрил кандидатуру талантливого программиста Юрия Нестерова, назначив его руководителем в Московском офисе ZODIAC.

– Алексей Николаевич, – Нестеров выглядел растерянным, – в PDZ обнаружена ошибка. – Связь прерывалась, на несколько секунд зафиксировав на экране собранный складками лоб Нестерова. – Я выслал вам отчет. Вы еще не смотрели? – спрашивал голос Юрия, опережая картинку.

– Нет. Что там?

– Алексей Николаевич, я не знаю, как это правильно сказать, но если коротко: программа дала сбой. Точнее даже не сбой, а она вроде как... – связь снова прервалась, скомкав последние слова Нестерова.

Троицкий открыл ноутбук:

– Так, загрузил, вижу, – он смотрел в монитор, бегло пролистывая отчет и пытаясь найти главное, – ...линии... мост... независимой... пересечение... сюжетная... исход-

ных... дифференциал, – выуживал он из текста отдельные слова, – Юра, а что значит «свободный алгоритм»? – остановился Троицкий.

– Алексей Николаевич, – потер лоб Нестеров, – в том-то и дело, вы же знаете, у программы нет функции последовательности действий. Она способна только выстраивать закономерные цепочки, исходя из загруженной в нее базы. Но... – Нестеров развел руками, – PDZ сама написала код. Выстроила из него собственный алгоритм и поместила его в существующие сценарии. Наши ребята заметили аномалию при анализе данных.

– Ошибки быть не может?

– Нет. Я сам проверил. В целом, программа работает корректно, но при детальном разборе, виден след.

– Твои мысли, Юрий? Что думаешь?

– Не знаю, Алексей Николаевич, потому и звоню. Боюсь сказать глупость, но это похоже на признаки самосознания.

***

Полуденное солнце жгло зноем марсианские пейзажи юго-западной части штата Юта. Марево, поднимающееся от красных скал, делало картинку нечеткой, словно нарисованной дрожащей рукой старого художника. Панорамные окна особняка, приземисто расположившегося у вершины горного плато, выходили на скальный разлом, внизу которого си-

нело небольшое озеро, поросшее по берегам сучковатыми соснами.

Ману был в отпуске, если так можно сказать о человеке его статуса и положения. Раз в год он отгораживал себя от всякого рода информации, уединяясь на личном ранчо. Интернет, телефон, телевизор, радио, газеты, журналы, любой источник информационного шума, в эти дни был под запретом. Кроме одного.

Когда зазвонил телефон, номер которого знали не более пяти человек, Ману вздрогнул. Такой звонок не сулил ничего хорошего. Хорошие новости могут подождать, плохие – никогда.

– Алексей, что случилось? – повторил Ману слова Троицкого, час назад сказанные Троицким Нестрову.

– Надо отзывать PDZ.

– Что? Ты сейчас шутишь?

– Нет, Ману. Я буду у тебя через три часа.

– Стой, ты на кампусе?

– Да.

– Все так серьезно?

– Да.

– Тогда лучше я приеду. Жди! – Ману сбросил вызов. – Мик! – крикнул он охраннику. – Скажи летчикам, пусть готовят вертолет. Через двадцать минут вылетаем.

Глава 5

*США, Калифорния, Сан-Франциско, кампус IT компании
Zodiac (Зодиак)
Весна 2022 год
спустя четыре часа*

Ману энергично шагал по длинному коридору головного офиса ZODIAC. Стук каблучков эхом отражался в сводах застекленного железобетона. Несмотря на вечерний час, все сотрудники были на своих местах. Информация о внезапном приезде босса моментально обошла кампус. Никто не хотел попасть под горячую руку и вылететь с престижной работы только потому, что Ману может увидеть пустое кресло, на которое всегда имеется очередь из десятков специалистов. Все гадали, что же случилось? Что заставило Ману покинуть свое ранчо? И пусть Наоми героически молчала, но новость о срочном московском звонке Троицкому просочилась в рядовые кадры ZODIAC.

Ману вошел в кабинет Троицкого без стука, впрочем не забыв улыбнуться и поздороваться с Наоми.

– Алексей, давай сразу к делу, – с порога начал Ману.

Троицкий сидел за столом, глядя сквозь большие линзы очков в монитор компьютера.

– Да, Ману. – ответил он, немного откатившись назад в своем кресле. – В целом, ситуация непонятная, поэтому еще более сложная, – Троицкий включил большой настен-

ный проектор, дублирующий экран ноутбука. На стене высветился длинный числовой код.

– Это идентификатор одного из пользователей ZODIAC, зарегистрированный на территории западной России. Если быть точнее, в Калининграде.

Ману молча слушал.

– Два дня назад этот человек установил на свой смартфон приложение PDZ. Его первые несколько запросов не представляют никакого интереса. Обычное баловство.

Троицкий щелкнул кнопкой мыши. На проекторе открылось фото, загруженное пользователем при регистрации. Сбоку латинскими буквами значилось DENISOV VLAD.

– Вчера господин Быков запросил прогноз планируемой им поездки на Эльбрус.

– Куда? – спросил Ману.

– Эльбрус. Самая высокая гора европейской части континента. Находится между Черным и Каспийским внутренними морями, от которых друг к другу тянется Кавказский хребет и...

– Я понял, продолжай.

– В общем, утром мне позвонили из Москвы. Операторы заметили аномалию. Как ты знаешь, PDZ рассчитывает бесконечное количество линий сюжета, заданных от исходной точки. Эти линии параллельны, то есть никогда не пересекаются, – Алексей стал говорить быстрее, – один прогноз не может повлиять на другой, третий и так далее.

Лицо Ману было напряженным. Он внимательно слушал, но торопливые слова Троицкого никак не складывались в понятную ему картину.

Алексей остановился, исподлобья взглянув на Ману:

– Ману, ты читал отчеты по PERSONAL DEEP ZODIAC, которые я тебе присылал?

– Леша, – устало вздохнул Ману, – ты же знаешь, весь год с меня не слезает правительство вместе с NASA. Признаю, я не так внимательно, как следовало бы, отнесся к проекту PDZ. Расскажи, пожалуйста, детально.

Троицкий несколько секунд молча смотрел на Ману. Алексей уважал и любил своего друга. Не за деньги или незаурядный ум, как большинство из их окружения, а за те человеческие качества, которые в современном материальном мире, к сожалению Троицкого, ценились все меньше. Он с горечью стал замечать, что в последнее время здоровье Ману сильно пошатнулось. Но обратного пути нет. Слишком далеко они зашли.

Троицкий выдвинул ящик стола и достал бутылку. На этикетке полумесяцем блестели звезды.

– Коньяк, – наливая в чашку из под кофе, сказал Троицкий, – давай.

Выпили. Ману закашлялся. Троицкий продолжил.

– Мы слишком долго оттягивали релиз PERSONAL DEEP ZODIAC. Группа тестирования постоянно находила ошибки в работе программы. Не смотря на это, разработ-

чики искусственного интеллекта NEW BRAIN категорически отказывались делать исходный код открытым, что сильно осложняло поставленную задачу. Пришлось сглаживать многие углы, и да, мы создали неплохой симбиоз ZODIAC с NEW BRAIN. Нашим основным критерием стало невмешательство работы искусственного интеллекта в продукцию ZODIAC. От NEW BRAIN требовался лишь анализ. И только. Мы опасались, что NEW BRAIN пока еще мало изучен. Опасались, что он может повлиять на работу ZCHIP. А ты знаешь, чем это грозит? С таким раскладом фильмы про зомби уже не кажутся фантастикой. Да? Но все шло хорошо. Задача сводилась к максимально простому и логичному действию, – Троицкий замолчал, дав Ману время усвоить информацию. – У нас в России есть былины. Это что-то вроде американских комиксов про супергероев. Так вот в одной из таких былин главный герой, богатырь Илья Муромец, становится на распутье трех дорог. Перед собой он видит дорожный камень. На том камне надпись: «В одну дороженьку ехать – убиту быть, в другую ехать – женату быть, а в третью ехать – богату быть». Понимаешь, все четко. Или убит, или женат, или богат. Точка. Вот так и PDZ работает. Пользователь – это тот самый богатырь, а искусственный интеллект NEW BRAIN – волшебный камень, который может предсказывать будущее, исходя из того, что он видит в душе богатыря. И для каждого путника на том камне своя надпись. И каждая дорога, она самостоятельна и не пересекает-

ся с другой. То есть куда бы человек ни поехал, если ему захочется выбрать другую дорогу, он снова должен будет вернуться к волшебному камню. В исходную точку. В начало отсчета программы, – Троицкий ткнул указательным пальцем в стол, – и значит...

– Куда поехал ваш богатырь? – перебил Ману.

Алексей недоуменно посмотрел на друга.

– Он выбрал смерть.

– Странный выбор.

– Согласен.

– И что, так все и заканчивается? Просто гибелью?

– Нет, он русский, – усмехнулся Троицкий. – На той дороге на него напало войско, – ответил он вопросительному молчанию друга, – сорок тысяч разбойников, – Троицкий развел руками, – Илья Муромец их всех перебил, вернулся к камню и исправил надпись.

– И что же он написал?

– «Туда ездил, убит не был».

Ману засмеялся:

– Вы, русские, делаете все наперекор!

– Это долгий разговор, Ману. Но если коротко, то, на самом деле, у нас нет выбора. Для русского такой камень только иллюзия.

Троицкий снова налил. Мелькнула мысль, от том, как тридцать пять лет назад, сидя в московской студенческой общаге и разговаривая вот на такие же философские темы, с

такими же мечтателями нищесбродами что и он сам, под дешевую паленую водку, очкастый двадцатидвухлетний девственник даже представить себе не мог нынешнего его статуса. «Тогда было хорошо», – подумал Троицкий, едва улыбнувшись уголками рта. Выдохнул. Выпил. Продолжил:

– Волшебный камень оказался хитрее. Московские программисты заметили в полученном гороскопе Влада Быкова баг, ошибку. Как я уже говорил, прогнозируемые линии сюжета меж собой не должны пересекаться. Но NEW BRAIN сделал мост. Он соединил их. Буквально взял скопированное сознание Быкова, находящееся в одной из множества рассчитанных вариаций и каким-то образом переместил его в другую сюжетную линию. И так до бесконечности. То есть создал подобие такой себе цифровой души. – Лицо Троицкого выражало озабоченность. – Да, Ману, подобие души человека.

На экране показался отчет, присланный Юрием Нестеровым из Москвы.

– Понимаешь, – Троицкий щелкал клавишей мышки, увеличивая масштаб изображения сводной таблицы, – жил-был некий цифровой Дима Быков, срисованный PERSONAL DEEP ZODIAC с Влада, настоящего пользователя. Да, именно Дима. В той сюжетной линии победил отец, – пожал плечами Алексей, – отстояв у матери имя Дима. Но не суть, я отвлекся. И тут бах, случилось с ним, та-а-ак, – Троицкий всматривался в результат, – случилась с ним... Ага, вот, на-

шел. Беда с ним случилась. Дед его убил. Горный пастух. Взял и отравил гостя. А спустя пол электронного года просыпается этот самый Быков Дмитрий под лавиной. На Эльбрусе. На той самой горе, о поездке на которую пользователь Влад спрашивал в PDZ. Только уже не Дмитрием просыпается, а Костей. И не в своей линии сюжета, а в ее вариации. И помнит он свою прошлую жизнь. Понимаешь, в параллельном мире он очнулся. У нас бы такой Костик потом в дешевых телешоу про переселение душ рассказывал бы, – усмехнулся Алексей, – такие вот электронные страсти, – Троицкий закрыл детальную аналитику. – А самая опасность знаешь в чем? Программа понимает, что она сделала. PDZ научилась создавать и осознавать это. Научилась у человека. Из данных, которые мы через нее пропустили.

– Ты хочешь сказать, искусственный интеллект возомнил себя Богом?

– Я этого не говорил. Но я знаю, что половина людей земного шара, подключена к мировой сети с помощью ZCHIP, и последствия неизвестности меня пугают гораздо сильнее предположений и догадок. Знаешь как в России прозвали PERSONAL DEEP ZODIAC?

– Как?

– Пидза.

– Пидза? Что это значит?

– Это созвучно с одним нецензурным словом, которое обозначает женский детородный орган.

Ману хмыкнул.

– У этого ругательства много смыслов, и оно очень символично подходит к PERSONAL DEEP ZODIAC.

– PDZ похожа на вагину? – удивился Ману.

– Нет, я не это хотел сказать. В этом контексте значение другое.

– Какое?

Троицкий было открыл рот, чтоб ответить, но осекся на полуслове. «Как объяснить человеку другой ментальности значение слова «пизда»? – думал он, – как передать глубину трагизма и широту иронии семантики этого слова, рвущейся из бездны души, когда и сказать-то вроде больше и нечего? Как раскрыть всю ту палитру эмоций, от безысходности до светлой надежды, заключенных в коротком, хлестком «пиздец»? Как?

Алексей налил. Ману потянулся чокнуться кружкой. Троицкий остановил его попытку жестом.

– Третья не чокаясь.

Ману не попросил объяснений. Выпил. Зажмурился. Спустя минуту тишины все же сиплым голосом спросил:

– В итоге «песта», какое значение-то?

Троицкий чертыхнулся себе под нос, но ответил:

– Ману, если русский говорит «пизда», это может значить только одно: «все будет хорошо». – Потом Алексей немного подумал и добавил. – На самом деле, значение совсем другое, но и оно неважно. Это слово – финальная точка, нача-

ло отсчета, дно, хуже которого быть уже не может. А значит, теперь может быть только хорошо.

Ману посмотрел на друга усталым захмелевшим взглядом:

– Леша, все будет хорошо?

– Да, Ману. Все будет хорошо, надо только отозвать приложение. Щелкнуть выключателем.

Эпилог

Меня зовут Константин Быков. В 2024 году, катаясь на горных лыжах, я попал под лавину. Под слоем плотного снега я пролежал без сознания несколько часов. Мне повезло. Меня спасли. Но что-то случилось с моим мозгом. Я стал помнить события, которых со мной не происходило. Лечение не помогало. Врачи разводили руками. «Посттравматический синдром. Смирись и живи, – говорили они, и назначали новую порцию таблеток». Но я больше не хотел глушить сознание химией. Мне нужно было во всем разобраться. Мозг требовал логики. Концы должны сойтись. И я начал писать. Да, просто открыл текстовый редактор и стал печатать свою историю. Там, где были пробелы, я фантазировал и соединял разорванные нити. Я соединял несуществующие воспоминания и свою жизнь. Соединял вымышленное и реальное.

Слова сыпались на цифровой лист и каким-то чудом строили предложения. Иногда история заводила меня в такие де-

бри, что хотелось разбить ноутбук о стену. Порой клавиатура казалась липкой и грязной от напечатанных слов. Пару раз я вставал ночью, чтоб записать очередную «гениальную» идею. Утром стирал ее, морщась от своей глупости. Но это все неважно. Главное в том, что мне становилось легче. Что хочу сказать: конечно, спасибо моему старенькому Asus. Благодаря ноутбуку литры не выпитого мной алкоголя были выпиты другими. Психологи и без моих денег заработали себе на квартиры. А я, поставив точку в этой истории, пошел дальше набираться опыта, который тоже когда-нибудь попросится на бумагу.

Сейчас рядом со мной любимая семья. Алинка на седьмом месяце, ходит надутая и важная, как воздушный шар. Машка становится невыносимым подростком (я был хуже, намного хуже). Дашка – избалованная и вредная. Но я люблю их больше жизни. В том мой смысл и мое счастье. Меня окружают верные друзья (Тоха и Анька, привет) и сильные враги. Куда же без них? А что касается реального и вымышленного, то я отвечаю: «разве вымышленное не является реальным?» И если мы о чем-то думаем, перебираем там что-то в своей черепной коробке, то, по факту, это уже реально. Неважно, можно его потрогать или нет, оно просто есть. Мы мыслим, а значит создаем. Создаем по образу и подобию. Создаем, потому что иначе не можем. В этом наша природа. В этом наша жизнь.

Отбросив в сторону снисходительную улыбку скепти-

ка, я на полном серьезе принимаю возможность существования нашего мира, как продукта какого-нибудь приложения, рожденного симбиозом фантазий индуса визионера и русского программиста. Пусть так, я нисколько не расстроюсь. Ведь если я счастлив, то какая в п.зду разница?

Р. S. к вступлению

7:00

Новости. Тезисы.

Обострение конфликта. Вооруженные силы подняты по тревоге. Все службы работают в режиме повышенной готовности. Отменены занятия в школах.

7:45

Звонок на пульт охраны.

– Дежурная, диспетчер Земцов, слушаю.

– Вовка, это Саныч...

Земцов смотрит на часы.

– Дядь Саш, рано ты, пятнадцать минут до пересменки еще.

– Знаю. Тут другое. Ментов звать надо, и... пожарников походу...

7:54

Пожарная часть. Воеет сирена.

- Куда? – Пашка садится в Камаз.
- На кладбище, – сонно тянет Василич.
- Че там?
- Сатанисты могилу подпалили.

8:38

Автомобиль Тойота Королла. Звонок. Майор берет трубку.

«Да, родная. Привет. Вызвали. Не знаю. Труп. Вадим в отпуск уехал, некому больше. Давай позже наберу? За рулем. Нет. Тебе интересно? Могилу Кузнецова вскрыли. Да, того самого. Угу. Муж Олеси Бойченко. Облил тело бензином и поджег. Да. Не знаю. Повесился он. Там же на кладбище. Кать, давай потом а? Угу. Хорошо. Давай. Целую».

8:42

Северная Атлантика. Подводная лодка. Командный пункт.

– Тысяча три, тысяча два, тысяча один. Пуск!

8:49

Дивизион ПВО. Расположение роты. Крик дневального.
– Тревога!

9:04

Ракетная часть РВСН. Мобильный комплекс РТ-2ПМ2

«Тополь-М».

– Че теперь?

– Пиздец теперь. Жми.

***

– Читай, – говорит майор, толкнув пальцем покачивающееся в удавке тело.

Веревка скрипит. Майор задумчиво смотрит. Сержант с близкой своему возрасту фамилией разворачивает записку, читает:

– Людям, – начинает Молодых, но медлит на полуслове. Голос сержанта высокий, елейный, не такой, каким ему представляется голос автора. – Я, Бойченко Антон Витальевич, – откашлявшись, понижает тон Молодых, – муж без вести пропавшей Бойченко Олеси. – Молодых смотрит на майора, майор смотрит на труп. Сержант читает дальше. – Если это записка у вас, значит, меня уже нет. (Шшык-шшык – трется шнур о ветку) Все что я мог, я сделал. (Шшык-шшык) Нелюдям, – паузой подчеркивает заголовок Молодых. – Да воздастся каждому по делам его... – Слова звучат наиграно, точно Есенин у школьника. Молодых морщится, но продолжает. – Кузнецовым (снова пауза). Без меня вы будете спать спокойней. Зла на вас не держу. Живите. – Молодых не знает, кто такие Кузнецовы и почему висельник разрешает им жить. – Родным (пауза). Я вас люблю. У родителей прошу

прощения, у друзей – понимания. В своей смерти не виню никого...

Вдалеке грохочет. Молодых ждет тишину. Он уже прочел последнее предложение и хочет произнести его подобающе. Когда снова слышен скрип веревки, сержант не смотрит в листок.

– Похороните рядом с Ласькой, – слишком громко произносит он.

Шшык-шшык...

Майор берет записку. Смотрит. Почерк ровный, аккуратный. Перечитывает. Слова спокойные, подобранные. Лист бумаги по линейке загнут конвертом. «Значит, давно все решил», – думает майор. Он коротко вздыхает, но так, чтоб не слышал сержант и негромко командует:

– Снимайте.

***

Земля осталась далеко внизу. Последние птицы летят на юг, ракеты – во все стороны. Антон удивленно смотрит на длинные полосы, но это не самолеты. Одна линия красивой белой дугой забирает вниз, другая, прямая и стремительная, кратчайшим путем идет ей на встречу. В момент их слияния Антону кажется, что в небе вспыхивает второе солнце. Вот еще одно, затем еще. Коротким линиям не всегда удастся поймать красивые длинные. Тогда короткие обиженно

фыркают и растекаются в небе черной кляксой. Длинные же, нырнув под облака, выпрыгивают оттуда огромными медузами. Антон хочет задержаться, посмотреть еще, но его неумолимо тянет вверх. Антон уже так высоко, что может наблюдать моллюсков по всей поверхности планеты. Но скоро и медузы исчезают, оставляя видимым только момент своего рождения, – быстрые яркие вспышки. Планета меньшеится. Вот она уже размером с тарелку... блюдце... медаль... монету... Тонкие линии ткнут узор. Планета сверкает, искрится точно драгоценный камень. Красиво. Антон тянет к ней руку. Берет ее. Она горячая. Антон усмехается: «Все-таки плоская». На южном полюсе Антон видит маленькое ушко. Он снимает с шеи цепочку и подвешивает на нее Землю. Там их с Ласькой дом.

Медленно гаснут звезды. Вспыхивают и снова гаснут.

Как только последний электрон, коснувшись нити накала, исчезает, наступает тьма.

Кто-то выключил свет.

Сказанное

«Вероятность того, что мы не живем в компьютерной симуляции, равна одному на миллиарды».

Илон Маск (1971 г. р.) – американский предприниматель, инженер, миллиардер

«Если существует множество достаточно развитых цивилизаций, они склонны создавать симуляции вселенной, или ее частей, и мы с большой вероятностью живем в одной из них».

Ник Бостром (1973 г. р.) – шведский философ, профессор Оксфордского университета

«Реальность – это то, с чем никто на самом деле не знаком».

Ник Бостром (1973 г. р.) – шведский философ, профессор Оксфордского университета

«Главное правило реальности – не запутаться в своих иллюзиях».

Фильм «Начало» – научно-фантастический триллер 2010 г. Режиссер Кристофер Нолан.

«Сны более чем реальны, когда мы в них находимся, и, только проснувшись, осознаем, насколько они необычны!»

Фильм «Начало» – научно-фантастический триллер 2010 г. Режиссер Кристофер Нолан.

«Мы принимаем реальность такой, какой нам её преподносят. Элементарно».

Фильм «Шоу Трумана» – психологическая комедийная драма 1998 г. Режиссер Питер Уир.

«Нам наскучило смотреть на актёров с их фальшивыми эмоциями. Мы устали от взрывов и спецэффектов. И хотя мир, в котором он живёт... в некотором смысле, подделка, в самом Трумане нет ничего фальшивого – никаких сценариев и заготовок. Это не во всём Шекспир, но это всегда искренне. Это – жизнь».

Фильм «Шоу Трумана» – психологическая комедийная драма 1998 г. Режиссер Питер Уир.

«Если бы ты не мог проснуться, как бы ты узнал, что сон, а что действительность?»

Фильм «Матрица» – научно-фантастический фильм 1999 г. Режиссер братья Вачовски.

«Люди считают себя чем-то уникальным, и вся теория

бытия построена на их неповторимости. Один – их единица измерения, но это ошибка. Все системы, изобретённые людьми, – лишь набросок. Один плюс один равно двум – всё, что мы выучили. Но один плюс один не равняется двум. Нет вообще никаких чисел и никаких букв. Мы навесили эти ярлыки, чтобы как-то упростить жизнь, сделать её понятнее; мы придумали шкалу измерений, чтобы забыть о нашей неизмеримости».

Фильм «Люси» – научно-фантастический фильм 2014 г. Режиссер Люк Бессон.

«Шагнув во Вселенную, мы должны понять, что межзвёздные путешествия требуют от нас смотреть дальше пределов отведённой нам жизни. Мы должны мыслить не как индивидуумы, но как биологический вид. И уходить смиренно в сумрак вечной тьмы».

Фильм "Интерстеллар" – научно-фантастический фильм 2014 г. Режиссер Кристофер Нолан.

«Раньше мы смотрели в небо и там искали свое место среди звезд, а теперь смотрим под ноги и пытаемся выжить в этой грязи...»

Фильм «Интерстеллар» – научно-фантастический фильм

2014 г. Режиссер Кристофер Нолан.

«Я думаю, что наш разум – это программа, в то время как мозг – аналог компьютера. Теоретически возможно скопировать содержимое мозга на компьютер и таким образом создать форму вечной жизни».

Стивен Хокинг – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, писатель

«Мне кажется, компьютерные вирусы стоит рассматривать как форму жизни. Это многое говорит о природе человека: единственная форма жизни, которую мы создали к настоящему моменту, несет только разрушения. Мы создаем жизнь по образу и подобию своему».

Стивен Хокинг (1942-2018) – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, писатель

«Человек – единственное животное, которое знает, что его ожидает смерть, и единственное – сомневающееся в ее окончательности».

Стивен Хокинг (1942-2018) – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, писатель

«Если плоть стала существовать из-за духа, это – чудо. Если же дух из-за тела, это – чудо из чудес. Но я, я изумляюсь тому, как такое большое богатство поместилось в такой бедности».

Евангелие от Фомы

«Бог создал человека по своему образу и подобию, а человек отплатил ему тем же».

Бернар де Фонтенель (1657-1757) – французский писатель и учёный

«Творец возникает вместе с творением. Бог возникает вместе с человеком».

Николай Бердяев (1874-1948) – русский религиозный и политический философ, социолог

«– Моя жена всегда стремилась изменить мир, а я для начала хотел его понять. За последние сто тридцать лет наши возможности мышления не изменились. Если сложить интеллект всех нас, нейрофизиологов, инженеров, математиков, хакеров и этой аудитории – получится хаос... по сравнению с простейшей машиной искусственного интеллекта. В открытом пространстве такая машина очень быстро преодо-

леет ограничения биологии. За короткое время она станет мощнее коллективного разума людей, рожденных за всю историю человечества. Итак, представьте такую машину со всеми человеческими возможностями даже самосознанием некоторые учёные скажут, что это уникальный случай. Для меня это переход на высший уровень на пути к созданию высшего интеллекта, нам придётся раскрыть важнейшие тайны вселенной: понять природу сознания, узнать, существует ли душа, и, если существует, то где она находится.

– Профессор?

– Да, у вас вопрос? Пожалуйста.

– Значит, вы хотите создать Бога? Собственного Бога?

– Очень хороший вопрос. Разве не этим всегда занимался человек?»

Фильм «Превосходство» – научно-фантастический фильм 2014 г. Режиссер Уолли Пфистер.

«Возможно, наша роль на этой планете не в том, чтобы почитать Бога, а в том, чтобы создать его. И тогда наша работа будет сделана, и настанет время игры».

Артур Кларк (1917-2008) – английский писатель, футуролог, научный публицист/популяризатор науки и изобретатель

«Душа — стекло. Бог — это свет, проходящий через стекло. Говорят тоже, что Бог это разум, или разум это Бог».

Лев Толстой (1828-1910) – один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших в мире писателей-романистов

«Пожалуй, я верю в Бога, под Богом вы подразумеваете воплощение тех сил, которые управляют Вселенной».

Стивен Хокинг (1942-2018) – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, писатель

«Мы – невозможность в невозможной вселенной».

Рэй Брэдбери (1920-2012) – американский писатель

«Вселенная не только более странная, чем мы себе представляем, она еще более странная, чем мы можем себе представить».

Артур Стэнли Эддингтон (1882-1944) – английский аст-

рофизик

«Человек не может жить, не пытаясь описать и объяснить вселенную».

Исайя Берлин (1909-1997) – русско-английский философ

«Куда мы завтра поедем?»

Фетисова Алина (1990 г. р.) – моя жена.